

АНАЖЕЙ
САПКОВСКИЙ

Змея

Новая грань таланта Анджея Сапковского!

Фантазия перемешивается с реальностью, — и трудно понять, что в этой истории — вымысел, а что правда...

Когда-то по этим землям шли и гибли воины божественного Александра — Покорителя мира.

Когда-то на этой земле обломала зубы армия Британской империи, над которой никогда не заходило солнце.

Что защищает эту забытую Богом страну? Неужто есть доля правды в древней, глухой, загадочной легенде об ее магической хранильнице — Золотой Змее, лицезреть которую доступно лишь избранным?..

Анджей Сапковский

ЗМЕЯ

*Этот случай стал давно легендой:
На чужой афганской стороне
Жил один солдат с любовью бедной,
Доверялся он одной змее...*

Виктор Мазур

*It was no dream; or say a dream it was,
Real are the dreams of Gods, and smoothly pass
Their pleasures in a long immortal dream.*

John Keats, Lamia^[1]

Рассвет над Гиндукушем^[2] похож на мощный взрыв света. Непроглядная темень ночи бледнеет только на секунду, потом мгновенно вспыхивают облака, а за ними зажигается и горит ослепительным огнем снег на вершинах гор. Вдруг создается впечатление, будто где-то там, далеко, за горным хребтом, изнутри земли через открывшийся кратер хлынула, вздымаясь и кипя, жидкая масса бурлящей лавы. Словно где-то там, далеко, за ломаной линией вершин, широко распростерши свои огненные крылья, стремительно взлетает ввысь огромная Жар-птица.

Жар-птица взлетает, свет заполняет весь горизонт, вздымающийся светящийся шар заполняет небо над вершинами, сияние с головокружительной скоростью устремляется вниз, по крутым скалам и склонам, бороздчатым от расселин. Склоны подножия Гиндукуша, днем неизмеримо серо-буро-пепельные, в минуты рассвета облагораживаются ослепительным золотом.

В эти краткие мгновения рассвета, только в эти краткие мгновения Афганистан становится красивым.

На рассвете, когда над Гиндукушем начинает взлетать Жар-птица, когда склоны гор покрываются золотом, а Афганистан становится красивым, очень холодно. Так холодно, что металл акаэма^[3] покрывается слоем инея.

Инея, который больно прихватывает пальцы.

* * *

— Не спать! — предостерегает Леварт, натягивая на задубевшие уши воротник бушлата, похожий на симпатичного плюшевого мишку. — Не спать там! Валун! Не спи! Рогозин, спишь?

— Не сплю!

— Караев?

— Не сплю, товарищ прапорщик. Бодрствую. Слишком холодно, блин...^[4]

Павел Леварт отрывает пальцы от акаэма, протирает крышку рукавом. Сбоку, справа, вертится Валун, для подчиненных сержант Валентин Трофимович Харитонов, растирает руки, ворчит что-то себе под нос. Слева зевает Азим Караев, кличка Зима. Далее, за Зимой, и выложенной из камней одноместной крепости развалился Мишка Рогозин, слышится стук и скрежет сошки^[5] его РПК, побрякивание цинка^[6] с боеприпасами.

Становится светлее. Застава пробуждается к жизни, люди начинают двигаться в блокпостах, постанывают и ругаются в вырытых в каменистой земле окопах, в обложенных валунами гнездах постов. Откуда-то (холодный горный воздух позволяет почувствовать все) слышно, как доносится запах дыма. Кто-то пренебрег запретом, не выдержал без сигареты. Валун громко сморкается, вытирает нос, ковыряется в уголке глаза, всматриваясь вниз, в конец оврага и светлую полосу выплывающей оттуда и извивающейся, как пожарный шланг, дороги. Леварт высовывается из-за камней, смотрит в направлении придорожного КПП укомплектованного «зелеными», аскерами^[7] из правительственной армии Афганистана. Там ничего не происходит. Ничего даже не шелохнется.

— Азиаты, наверное, спят.

— Спят, — лениво соглашается Валун, сержант Валентин Трофимович Харитонов.

— Нитка вот-вот появится.

— Вот-вот появится, — зевает Азим Караев. — Как обычно. Да здравствует Советский Союз... Блин.

Сзади, из командного пункта слышны возбужденные голоса. Командир взвода, старший лейтенант Кириленко, ругает кого-то из сержантов. Сержант ругает каких-то солдат. Наверняка тех, которые курили. Или отошли от поста, чтобы отлить.

Леварт подносит к глазам бинокль, смотрит на изгиб дороги и конец оврага.

«Нитки», то есть колонны, нет. Но она вот-вот появится.

* * *

Конвой, как и все прочие, идет из-за границы, с транспортно-перегрузочной базы в Хайратоне.^[8] Сначала он должен преодолеть восемнадцать километров пустоши до Мазари-Шариф,^[9] оттуда горный серпантин вьется до самого Пули-Хумри,^[10] добрых километров двести. Вскоре за Пули-Хумри начинается перевал Саланг и с таким же названием длинный, почти на три километра тоннель, продырявивший сердце Гиндукуша. Леварт посматривает на часы. К этому времени конвой наверняка уже прошел Саланг и выходит из южного конца тоннеля.

Из места, где продрогший Леварт смотрит на дорогу, от конца оврага, за которым он наблюдает, до южного конца Саланга расстояние около пятнадцати километров. Вышедшую уже из тоннеля «нитку» отделяют от Баграма в эту минуту еще какие-то шестьдесят. От Кабула — более ста. Наиболее опасный отрезок трассы. Поэтому, чтобы его обезопасить, поставлены заставы. Такие, как эта. Под кодовым названием «Нева».

— Слышу моторы, — объявляет сержант Харитонов по прозвищу Валун.

Из погруженной в тень пасти оврага вырисовывается колонна и выезжает на кольцо дороги. Демонстрируя, как на параде, правые борта, машины четко видны на фоне освещенного солнцем склона. Первым идет БТР-70. Ствол КПВТ на башне максимальн

поднят, как чутко вздернутый нос, вынюхивающий опасность. За бэтээром следует двенадцатиколесный «Урал», кузов которого закрыт брезентом. Потом через каких-то тридцать метров идет следующий, за ним еще один. Далее тупорылый десятитонный «КамАЗ», следом за ним — дымящие выхлопами, свистящие гидравликой, мощностью в двести лошадиных сил, не какие-то там обычные гражданские грузовики, но вызывающие уважение машины войны, до краев, сколько может выдержать ось, загруженные тем, чем питается война, без чего войне не обойтись. За ними «МАЗ», цистерна с горючим. И еще один «Урал». Заворачивают по серпантину, проходят строем, показывая заставе на этот раз левые борта, забрызганные смесью пыли пустыни и снега Гиндукуша. Ведущий бэтээр уже в ста метрах от КПП и прижавшегося к скалам поста афганцев.

Холодно, но Леварту вдруг становится еще холоднее. В ушах резко появляется давление, пульсация, переходящая в назойливое жужжание, как будто пчел потревожили стуком в улей. И вдруг он понял. Вдруг осознал с полной уверенностью. Так, как многократно до того.

— Духи... — прошептал он.

Валун повернулся.

— Ты что, Паша?

— Духи. Духи. Ду-у-у-ухи-и-и-и-и! Засада! Тревога!

На дороге вспышка, дым, крики на заставе глушит мощный, рвущий уши взрыв. Фугас рубанул БТР так, что тот подсакивает и слетает с трассы, словно детская игрушка, получившая пинок. Гул, грохот, склон за дорогой расцветает дымами, вниз на колонну, оставляя полосы, как индейские стрелы, летят снаряды из гранатометов. Первый «Урал» получает прямо в водительскую кабину, взрывается, подпрыгивает и оседает. Дважды подстреленный «КамАЗ» моментально вспыхивает и пылает, как факел.

Ошарашенная заставка просыпается и вступает в бой. С командного пункта строчит ПКМ, открывают огонь следующие посты. Леварт кусает губы, нажимает спуск, акаэм дергается в руках, приклад тупо бьет в плечо. Рядом стреляет Зима, гильзы сыплются градом. Стреляет со своего РПК укрывшийся в своей дыре Миша Рогозин, строчит длинными очередями. Стреляет уже вся заставка, каждый блокпост, каждая позиция, стреляет каждый ствол взвода, стреляет все, что способно стрелять. Взбитый пулями склон оврага за дорогой расцветает облаками пыли. Цель проста и понятна. Придавить их к земле! Придавить к земле душманов с базами и РПГ, не позволить им безнаказанно палить по «КамАЗам» конвоя.

— Ка-пэ-пэ! — предупреждая, кричит кто-то сзади, с расположенного выше поста. — Ка-пэ-пэ!

Леварт видит, в чем дело, вслед за другими переводит огонь на бункер и пост афганских аскеров. Потому что оттуда тоже неожиданно начинают бить РПГ и базуки. Второй «КамАЗ» превращается в огненный шар, третий с отстрелянными колесами тяжело оседает на шасси. Конвой обороняется, огрызается «владимиров», [\[11\]](#) смонтированный на «Урале». Отстреливается охрана, отстреливается не слишком бойко. И недолго. Очереди с афганского поста разносят ее в клочья.

Вспыхивает «МАЗ», взрывается цистерна, горящая нефть заливает дорогу, огонь настигает третий «КамАЗ» и моментально охватывает его. Из кабины выскакивает пылающий огнем человек и тут же падает, подкошенный пулями. Черный дым застилает все вокруг, смрад давит и душит. В дыму мелькают вспышки выстрелов, взрывы снарядов из РПГ. Дым застилает все, исчезает в нем дорога, КПП и афганский бункер, исчезает конвой

под обстрелом, дым все окутывает и скрывает. Леварт вытирает слезящиеся глаза. Он не может стрелять, ничего не видя. Валун матерится.

— Не вижу! — кричит со своей дыры Рогозин. — Ничего не вижу, блядь!

Снизу, от горячей нефти катит волна жара и нефтяного смрада.

Позади слышится резкий крик, стук и скрип сапог, срывающийся, юношеский, щенячий голос старлея Кириленко. Леварт с уверенностью, от которой у него стынет кровь, уже знает, что старлей Кириленко через секунду совершит что-то невероятно глупое. Детское и убийственно глупое.

— Взво-о-о-о-од! К бо-о-ю! За мной!

«Не верю, — подумал Леварт. — Не верю».

— Взво-о-о-о-од! За мной! На помощь нашим! Впере-е-е-ед!

— Он ебнулся, — застонал от злости и отчаяния Валун. — Он что, блядь, думает? Чтс тут Курская дуга?

Солдаты взвода вскочили, вышли из укрытий. Все. Ну, возможно, не все. Побежали. За старлеем.

— Сиди, Паша, — выдохнул Валун, железной хваткой осаживая и стягивая Леварта в окоп. — Кириленко рехнулся, но ты не сходи с ума. И ты сиди, Михаил! Сиди и не рыпайся! Зима, куда? Куда, мать твою?! Стой! Стой, говорю!

Зима не послушался. Взвод, пусть даже не весь, вышел из укрытий. За старлеем Кириленко. Выполняя приказ.

А душманы, мать их, только того и ждали.

На заставе рубанули очередями два ДШК, с гребня и с расселины, затарахтели тупо — тра-та-та-та-та, пули прорыли предполье, перемешивая землю, песок и камни. И людей.

Прежде чем сержант затянул Леварта в укрытие, тот увидел фонтаны крови, бьющие как из сифона из подстреленных, как они падают, подкошенные и иссеченные пулями, как кричат и воют. Он видел, как раненный в живот Азим Караев складывается, будто перочинный ножик, видел, как он валяется в песке, истекая кровью, а песок вокруг него прямо кипит. Леварт видел, как мундир на спине старлея Кириленко дымится и вдруг разрывается, разбрызгивая кровь, а сам старлей падает лицом вниз в бурый афганский песок.

Взрыв — один, второй, оглушающий грохот, визг осколков, все вокруг становится черным от взбитого гравия и летающих камней. «Миномет, — подумал Леварт. — У этих сук есть миномет».

— Миномет! — крикнул он. — Прячься! В укрытия! Все в укры-ы-ытия!

От резкой нехватки воздуха он задохнулся. Тра-та-та-та-та, не переставали ДШК. Тра-та-та-та-та. Пули разбивали в пыль даже довольно крупные камни. Он съежился, спрятал лицо в рукав бушлата. Шипящее вытье, ослепительная вспышка, рвущий уши грохот, трясущая землю детонация, горячая волна. «РПГ, — тут же понял он. — Стреляли вблизи... Вблизи!»

— Аллах-у акба-а-ар!

— Ду-у-у-у-ухи-и-и-и-и!

Кричали уже и другие, кричала вся застава, все уже видели вырастающие, как из-под земли, силуэты в турбанах и плоских паколях.^[12] Моджахеды шли в наступление, взывая к Аллаху, паля из всего, что имели. Леварт слышал вокруг себя быстрое «фьють-фьють-фьють-фьють» летящих пуль. ДШК не затихали, постоянно лупили по позиции взвода.

— Слушай мою команду! — кричит из командного пункта старший прапорщик

Панин. — Взвод, к бою! Огонь!

— Аллах-у акба-а-ар!

— Огонь! — ревет Панин. — Стрелять, бля-я-я! Стреля-я-я-ть! Стре...

Взрыв, по спине валит град гравия и мелких камешков. Леварту не нужно озиаться, он знает, что случилось, знает, откуда эти осколки, знает, что прервало Панина, почему вдруг замолчал ПКМ с командного пункта. Он знает, что это непосредственное попадание миномета в самую середину блокпоста.

— Огонь! Ого-о-онь, ёб-тв-ою-ма-а-ать!

«Слава Богу, он жив, — вздохнул с облегчением Леварт. — Алеша Панин жив и командует... Слава Богу, что не я... Следующий по старшинству...»

Он стискивает зубы и нажимает курок акаэма, стреляет. Рядом с ним стреляет Валун, стреляет из своей дыры Рогозин, стреляет весь взвод. Леварт с ужасом констатирует, что, несмотря на густой непрерывный огонь, количество силуэтов в паколях, тюрбанах и арафатках^[13] совсем не убывает, а, наоборот, прибавляется. И они все приближаются. Они уже так близко, что видна каждая деталь. Хотя бы такая, например: среди бегущих прямо на них бородачей двое несут ручные гранатометы, один — РПГ-7, второй — старенький РПГ-2. Оба бородача приседают, берут оружие на плечи.

Он едва успел съежиться на дне окопа и закрыть голову руками.

Как минимум один противотанковый снаряд попал в их блокпост, прямехонько в позицию Мишки Рогозина, в его каменное гнездо. На глазах оглушенного страшным грохотом Леварта из гнезда вместе с дымом, огнем и обломками скалы, вылетело то, что осталось от Мишки: кусок окровавленной плащ-палатки, что-то напоминающее обугленный арбуз и большой клубок карминово-синих внутренностей.

Скрючившийся возле него Валун толкнул его в спину чем-то твердым. Оглушенный Леварт увидел, что сержант в обеих руках держит оборонительные гранаты Ф-1. Он выдернул зубами обе щеки и резким движением, не высовываясь, бросил их на предполье. Леварт последовал его примеру, бросая по очереди свои лимонки. Когда он добрасывал еще две осколочные РГН, Ф-1 начали взрываться, взрывы и свист осколков на мгновение заглушили дикие взывания к Аллаху. Он поднял с земли и протер рукавом свой «Калашников». Валун дернул его за плечо.

— Валим отсюда! Назад! Ноги, Пашка, ноги! Иначе нам хана!

Они выпрыгнули из блокпоста, вскочили среди свиста пуль вприпрыжку, как зайцы, пробежали до следующей позиции, может, метров десять, десять метров скалистой земли, десять метров взбитой пулями пыли. Перевалились через бруствер, упали прямо на тела, на трупы, на воющих раненых, на пустые магазины и гильзы от патронов. Единственный солдат, еще способный сражаться (Леварт не мог узнать, кто это), рычал проклятия, протяжно кричал, с прикладом возле закопченной щеки непрерывно стрелял из пэкаэма, сеял пулями по предполью.

— Аллах-у акба-а-ар!

— Ялла, ялла!^[14]

— Басмачи сраные! — надрывался автоматчик. — Су-ки-блядь! Ну, иди! Иди!

В окоп, отскочив от бруствера, упали две гранаты — одна РГД и одно пакистанское яйцо светло-коричневого цвета. «Смерть», — подумал Леварт, как камбала, распластавшись на земле, усеянной гильзами.

Валун бросился коршуном, схватил и с лежащего положения отбросил эргедэшку. Она

взорвалась на предполье. Пакистанская граната закатилась между мертвых и раненых. Они приняли на себя большинство осколков после взрыва. Леварта отбросило навзничь. Он снова оглох от грохота и воя покалеченных. Кто-то рядом бился в конвульсиях. Он зацепился ботинком за ремень акаэма и вырвал его из рук Леварта.

— Аллах-у акба-а-ар!

На бруствер выскочили двое. Огромный бородач с диким взглядом и смуглый тип в арафатке, саудовский доброволец. Его тут же срезал очередью автоматчик с обожженным лицом, и сам погиб от очереди бородача.

— Аллах-у акба-а-ар!

«Мушка с кольцевым ограждением, — отметил иррационально Леварт, глядя на автомат бородача и лихорадочно ощупывая землю вокруг себя в поисках оружия. — Это китайский Калашников, китайская продукция, переброшенная из Пакистана...»

Наконец он нащупал, отчаянно охнул, поднял. Ему чертовски повезло. То, что он нащупал, оказалось чьим-то брошенным акаэсом, более легким, чем акаэм, а поэтому его быстрее можно было поднять. Держа короткое оружие в вытянутых руках, рефлекторно обороняясь, он нажал на спуск. И попал духу с китайским Калашниковым просто в лицо. Кровь, зубы и клочья бороды полетели во все стороны.

— Так ему! — заорал дико Валун. — В эту свиную морду! В это рыло басурманское!

Он схватил ПКМ убитого стрелка и на прямых ногах вскочил на бруствер.

— Га-а-а-ады! — надрывался он, валя с бедра и водя стволом по сторонам. — Су-у-у-у-уки-и-и! Уро-о-о-оды! Ёб-ва-шу-ма-а-ать-блядь!

«Милюкин, — вспомнил Леварт. — Тот убитый автоматчик — это был рядовой Милюкин». Он не мог подняться с земли, ноги были словно ватные. Казалось, что все тело, каждая мышца отказывалась слушаться. Сжатая на рукоятке акаэса рука ни за что не хотела разжиматься, судорожно дрожала. Вдруг земля под ним затряслась от взрыва, позиция заполнилась вонючим дымом. Леварт поперхнулся, закашлялся, от рвотного рефлекса на глазах появились слезы.

Валун выстрелял всю ленту из коробки, бросил ПКМ. Потом бросился на колени возле Леварта, схватил его за плечо, дернул. Его левый рукав был порван, голое плечо под ним было в крови.

— Ноги, Паша! Давай бегом отсюда! Бегом, братан!

Леварт поднатужился, поднялся. Они выскочили из окопа, пробежали следующие десять метров, часть дистанции на ногах, часть на четвереньках, под пулями, подгоняемые криками душманов сзади и поощряемые возгласами товарищей из пышущего огнем командного блокпоста. Спасительного блокпоста, который открылся перед ними, словно ворота рая, а они вкатились вовнутрь, хватая ртом воздух, как рыбы в неводе. И старший прапорщик Панин, словно святой Петр, поприветствовал их воистину неземным букетом матерщины.

— Живы, блядь? Целы? Так какого хуя лежите оба? Взять оружие, мать вашу! И в бой! В бой!!!

Оружия хватало. Блокпост был полон убитыми и ранеными, не способными сражаться. Прибежавшие схватились за акаэмы, присоединились к линии, к тому оставшемуся десятку солдат, которые яростно отстреливались. На дне, скорчившись, сидел Коля Синицин, радист, непрерывно повторяя в микрофон мантру призывов о помощи.

— Огонь! — разрывался Алексей Панин, святой Петр. Он даже был похож на святого

ключника, если бы святого побрили, постригли налысо, вымазали физиономию мазутом и кровью, а в руки сунули АКС-74.

— Огонь! Не прекращать огонь!

Блокпост стрелял. Возле Леварта, привалившись к нему плечом, жарил из пэкаэма младший сержант Крючков по кличке Крюк. За ним, делая размах, как изваянный греческий дискобол, рядовой Луговой бросал на предполье ручные гранаты. На глазах Леварта он получил пулю прямо в лоб. Кровь из затылка брызнула на целый метр фонтанной струей.

— Аллах-у акбар! Аллах-у акба-а-а-а-ар!

— Я «Нева», я «Нева»... — повторял срывающимся голосом Коля Синицин покачиваясь над радиостанцией, как иудей над Талмудом. — Ноль-первый, как меня слышишь? Я «Нева»...

— Аллах-у акба-а-а-а-ар! Марг бар шурави!

Коля Синицин перестал говорить, начал всхлипывать, качаясь все быстрее и быстрее. Крюк возился с заклинившим пэкаэмом. Валун стрелял и кричал. Разорвавшаяся граната обсыпала их песком и гравием, крики атакующих стали громче. Алеша Панин оторвал окровавленную щеку от приклада и смачно сплюнул.

— Хуево, ребята, — суммировал он. — Ей-богу, мы в глубокой жопе.

Действительно, казалось, что не выживут. Но они выжили.

Спасение, как ни странно, принесли им не «Крокодилы», штурмовые вертолеты МИ-24. Они появились позже, не намного, впрочем, опережая танки и БМП бронегруппы, которая шла с подмогой из-под Чарикара. Спасение пришло со стороны конвоя, откуда ее меньше всего ожидали. Их спасла, казалось, дотла сожженная, напроць разбитая и уничтоженная нитка. «Урал», замыкающий колонну, отстал на Саланге и на место засады прибыл с опозданием. «Урал» на кузове вез смонтированную зушку. Скорострельное зенитное орудие ЗУ-23 с двумя соединенными стволами. Двадцатитрехмиллиметровые снаряды со стволов зушки первым делом перепахали обочину с правой стороны дороги, быстро очищая ее от моджахедов с базуками. Потом артиллеристы повернули стволы налево, на душманов, которые были на предполье заставы. И перемешали их с гравием. Перемешали, можно сказать, на настоящую однородную массу, как фарш для пельменей. А потом со скоростью две тысячи выстрелов в минуту, лупили по убегающим, пока не перегрелись стволы. Но, прежде, чем стволы перегрелись, над заставой уже грохотали МИ-24, а горы затряслись от разрывов нурсов, которые они выстреливали. Леварту не суждено было видеть ни прилета вертолетов, ни ракет. Взрыв последнего выпущенного в блокпост снаряда из РПГ, тот самый взрыв, который искалечил младшего сержанта Крючкова, бросил Леварта на камни с таким разгоном, грохнул его с такой силой, что он рухнул в неподвижность и темноту, погрузился в небытие и утонул в нем. Окончательно и бесповоротно.

Когда пришло подкрепление, с заставы «Нева» на собственных ногах сошли семь солдат, в том числе старший прапорщик Панин и Валун — сержант Валентин Харитонов. Девятерых снесли на носилках. Среди них — радиста Колю Синицина, целого, но в тяжелой контузии. Травмированного настолько сильно, что это обеспечивало ему дембель. Крюка, который потерял руку по локоть, естественно, демобилизовали тоже. Леварт попал в медсанбат в Баграме, где ему диагностировали сотрясения мозга. Сотрясение мозга дембель не обеспечивало. Нападение на заставу, как вскоре донесли осведомители ХАД, осуществил со своим отрядом Тарик Саид Кадир, подчиненный группировке Джамиати Ислами, которая сотрудничала с пакистанской разведкой. А так как, по свидетельству одного из

осведомителей, опорный пункт Тарика Саид Кадира, должно быть, находился в деревне Хоранджарик, деревню Хоранджарик обстреляли и разбомбили штурмовики Су-25, не оставив от нее камня на камне. Тремя днями позже ХАД обвинил в нападении на заставу моджахедов муллы Абдурабуллаха, одного из подчиненных Гульбедин Хекматияра из группировки Хезби Ислами. А поскольку активную поддержку мулле Абдурабуллаху, должно быть, оказывала деревня Шаран Карз, деревню Шаран Карз подвергли обстрелу осколочно-фугасными ракетами из установки БМ-21 «Град», не оставив от нее даже маленького кусочка глины. Чуть позже ХАД расстрелял своего информатора. Ибо оказалось, что он выдвигал ложные обвинения, поскольку имел с жителями обеих деревень конфликты личного характера. Нападение же на заставу в действительности было делом временно ни от кого не зависимого полковника Мунавара Рафи Хафиза, время от времени базирующегося в кишлаке Шиндсарай. Однако, поскольку тем временем собралось много совсем новых и свежих нападений на посты, и в канцеляриях царил неопиcуемый бардак, логистика засбоила, и кишлак Шиндсарай позабыли разбомбить. Вместо этого штурмовики Су-17 сбросили бомбы на миролюбиво настроенную деревню Мираб Хель, которая была совершенно ни при чем. И перемешали ее с землей. Перемешали, можно сказать, на настоящую однородную массу, как фарш для пельменей. Разрушению подверглись даже окрестные скальные утесы и барельефы на них, которые помнили еще Селевкидов.

Тем временем Павел Леварт вышел из госпиталя.

А жители деревень, как обычно, согнали в кучу разбежавшихся баранов. Как обычно, похоронили убитых родных и знакомых. И, как обычно, начали отстраиваться.

От рева турбореактивных двигателей затрясся весь дом. С расположенной недалеко взлетной полосы как раз поднимался и круто шел вверх штурмовой истребитель-бомбардировщик Су-25, издавeка узнаваемый по коротким крыльям и элегантной фигуре. Дежурный с погонями сержанта поднял взгляд, отложил прочитанный журнал «Знание-сила». На столике лежали еще «Кругозор», «Искатель» и «Рыболов-охотник». Леварт подождал, пока стихнет рев двигателей.

— Прапорщик Леварт, пятая рота третьего батальона сто восьмидесятого полка...

— В курсе, — прервал его дежурный.

Потом зевнул так, что даже челюсть затрещала.

Посмотрел на часы.

— Раньше прибыли, — констатировал он. — Это хорошо. Товарищ майор человек пунктуальный, и от других требует пунктуальности. Если б опоздали, для конвоя это хреново б кончилось, а вы... Подожди, подожди, а где вообще ваш конвой, прапорщик? Это они должны были доложить о вашем приводе, а не вы. Где они? Вы что — сами пришли или как?

— Конвоиры, — пожал плечами Леварт, — сразу за госпиталем выбросили меня из УАЗа. И уехали, приказав явиться сюда самому. Предупредили, что за опоздание или, не дай бог, неявку...

— Надерут задницу и выбьют зубы, — закончил сержант, кивая головой. — Эх, обнаглел народ, уже ничего ему не надо, только самоволка, бабы и водяра. Но это хорошо, что ты их послушал, братан. Они слов на ветер не бросают. Надрали бы тебе задницу как пить дать.

Леварт проигнорировал тот факт, что сержант свободно перешел на «ты». Профессиональные сержанты обычно считались более важными, чем прапорщики, и с

трудом соблюдали иерархию. К тому же этот сержант служил в специальном отделе и мог позабавиться светской беседой с кем-то, кто, мало ли, через минуту может выйти из этого здания в качестве арестованного.

— Вообще, это хороший знак, — сержант словно читал его мысли. — Я имею в виду для тебя. Были бы на тебя какие-то серьезные зацепки, одного не пустили бы, в наручниках привезли бы. А так — обычное собеседование, ничего больше. Так что, братан, не нервничай. Посиди вот там на стуле. В первый раз попал к особистам?

Леварт сделал двузначную гримасу. Особистов, сотрудников отделов особого назначения контрразведки и КГБ, приходилось ему терпеть, как всем в Афганистане, в основном во время обысков, которые в жаргоне называли шмонами и целью которых было обнаружить ценные трофеи, предметы страстного желания, обмена и торговли, иногда ужасающе огромных масштабов. Это касалось в основном валюты, долларов, ну и героина и гашиша, а также предметов западной роскоши. Обладание таковыми специальные службы расценивали не только как доказательство совершенного грабежа, но и, в общем-то, справедливо видели в этом угрозу того, что может поколебать основы социалистическо-интернационального сознания армии. Строевые офицеры, как правило, исключались из унижительной процедуры потрошения личных вещей, но прапорщиков не щадили. Ему самому пришлось когда-то давать исчерпывающие объяснения по поводу авторучки «Паркер», в общем-то, собственной, привезенной с гражданки. Это был подарок девушки, которая работала в отделении «Интуриста» на Садовой.

— Первый раз, — дежурный понизил голос, — и сразу к майору, на самую верхушку дивизионной пирамиды. Высоко, братан, высоко. Ты слышал, что о нем говорят? О Хромом Савельеве?

Леварт утвердительно кивнул. Потому что слышал. Все слышали. Об Игоре Савельеве Хромом Майоре из особистов, в дивизии ходили легенды. Леварт знал их все. Или почти все.

Одна сплетня рождала другую, та — следующую, еще менее правдоподобную, чем две предыдущие. Леварт впервые услышал о майоре в ашхабадской учебке во время подготовки перед отправкой в Афганистан. Тогдашний начальник особого отдела сто восьмой мотострелковой дивизии Савельев, как рассказывал курсантам кто-то из хорошо осведомленных сержантов, до того был «каскадером», то есть служил в «Каскаде», элитном подразделении спецназа, которое в декабре 1979-го взяло президентский дворец Хафизуллы Амина в Кабуле, а самого Амина и всю его гвардию разбило гранатами. Это именно осколок одной из брошенных тогда гранат, настаивал сержант, когда сомневались в правдивости его заявлений, и стал причиной видимого увечья майора. Что ж, одни верили, другие — нет, а легенда, приправленная слухами о пикантных деталях, существовала. И просуществовала до того дня, когда доверие к ней подорвала другая легенда. Новую сплетню, как ни странно, распустили не советские граждане, а афганцы из 12-й дивизии армии ДРА. Леварт в то время уже был награжден афганским боевым крестом. Под Гардезом сто восьмая окружала душманов с сотрудничеством с аскерами из двенадцатой. Фамильярность и слишком дружеские контакты с зелеными не приветствовались и не были широко распространены, но от молвы не убежишь, а слухи имеют обыкновение расходиться. Вот и разошлось, что Савельев, чекист и вышколенный шпион, был в Афганистане задолго до того, как туда вошла 40-я армия и началось наступление на дворец Амина. А конкретнее, что он был в Герате в марте 1979-го, когда там вспыхнул бунт афганского гарнизона под командованием Исмаил Хана. Что только ему с девятью товарищами удалось вырваться и убежать в горы, избежав

ужасной судьбы трехсот тридцати двух советских военных советников и специалистов, офицеров и гражданских, которых во время продолжавшейся десять дней резни жители Герата линчевали, а мятежники Исмаил Хана пытали до смерти. Аскеры рассказывали, что из тех, кто убежал, выжили четверо, в том числе и Савельев, сильно изувеченный в результате обморожения. Майор вернулся в Герат после того, как он снова был взят правительственными войсками. Он вошел в город, а точнее, в то, что от города осталось после карательных налетов тяжелых бомбардировщиков Ту-16, во главе отряда спецназа. И вместе со спецназом активно расплачивался с жителями Герата за март 1979-го, добрых полсотни людей во время этой расплаты были поставлены к стенке. Преследовал якобы Савельев также и Исмаил Хана, однако с этим он уже не справился, Исмаил Хан командовал тогда целой армией моджахедов и был очень могуществен. За это последнее определение рассказывавшие ту историю зеленые получили в конце концов по мордам от выслушавшей все братвы из сто третьей гвардейской. Ибо слышали десантники в голосах зеленых нотки восхищения. А поскольку зеленых, каких-никаких, но союзников бить было строжайше запрещено и это грозило наказанием, то поднялся такой кипеш, что дело с трудом удалось замять. Симптоматично, но обеим легендам, о которых все шушукались, неожиданный удар нанесла женщина. Прекрасный пол. В лице Зойки Прохоровой, врачихи из ЦВГ Центрального военного госпиталя в Кабуле. Доктор Зойка вполне недвусмысленно дала понять, что ей пришлось давать майору. Этот факт должен был сильно повысить достоверность легенды. Таким образом, многие поверили в то, что исходило от доктора Зойки и разошлось через хорошо разветвленную сеть строевого, штабного и медицинского офицерского персонала, которому врачихе давать также приходилось. А вышло и разошлось то, что майор не был ни в Каскаде, ни в Герате, в Афганистан во время первого срока попал декабре 1981-го сразу после чекистской учебки в Фергане, а прихрамывал еще со студенческих времен, когда по пьяни выпрыгнул однажды из окна в общежитии. Удар, нанесенный нежной дамской ручкой, был, однако, как оказалось, скорее надоедливый, чем тяжелым, долгого лечения не потребовал и далеко идущих последствий не оставил. Вскоре появились свидетельства из первых рук, разоблачающие доктора Зойку как личность, чьи слова часто расходятся с правдой, или другими словами, как брехливую суку. Таким образом, всеобщий солдатский консенсус откровения Зойки признал недействительными, а легенда Хромого Савельева вернулась в старое русло — одни считали его спецназовцем и «каскадером», другие упорно связывали с резней в Герате. Сам майор, досконально зная обе сплетни, подпитывал их, время от времени появляясь перед войском не в предписанной форме, а в короткой курточке, спецназовском берете и со «стечкиным» в открытой кобуре на бедре.

— Ну ладно, — дежурный спрятал журналы в ящик стола, встал, одернул мундир. — Одиннадцать ноль-ноль. Пошли!

С ВПП стартовал очередной турбореактивный самолет, «Сухой» или «МиГ». О грохота, нарастающего, будто раскаты грома, штабное здание сначала начало дрожать, а затем трястись. Идущий навстречу по коридору здоровяк зашатался, облокотился о стену и застыл. Лицо у него было красным и блестящим от пота, на расстегнутой куртке мундира — двухзвездные погоны подполковника.

— Честь, — вполголоса предупредил сержант.

Предупрежденный Леварт энергично отдал честь.

Проходящий мимо здоровяк проямлил что-то, что прозвучало как «нахуйблядь», направляя в их сторону мощную струю алкогольного духана. На вонь такой силы, прикинул

Леварт, нужно было выпить по меньшей мере литр.

— Офицеры, — не оглядываясь, пробурчал себе под нос сержант. Леварт не комментировал. Дежурный подошел к двери, постучал. Вошли.

— Товарищ майор! Дежурный сержант Можейко...

— Вольно. Свободен, сержант.

— Товарищ майор! Прапорщик Леварт...

— Вольно, я сказал. Присаживайтесь.

На стене над головой майора висел (как же иначе?) портрет Дзержинского. Леварт посмотрелся уже на Феликса Эдмундовича при разных иных обстоятельствах своей биографии. Испанскую бородку и благородные польские черты мог бы нарисовать по памяти и даже в темноте. Так что много внимания он портрету не уделил.

Майор Игорь Константинович Савельев был высоким даже тогда, когда сидел. Волосы на его висках были более чем седые, а на темени — более чем редкие. Хотя был он худощав, но руки имел, как у колхозника: большие, красные и узловатые.

Внешность его была не менее благородная, чем у его патрона, а глаза, на удивление ласковые, были цвета увядших васильков. Но это Леварту еще предстояло констатировать тогда, когда уже майор счел целесообразным поднять свою голову и взглянуть. Пока же ничего не указывало на то, чтобы майор собирался так счесть. Он сидел за столом, казалось, полностью поглощенный папкой из бурого картона, переворачивая красными лапищами колхозника вставленные туда документы.

— Прапорщик Леварт, Павел Славомирович, — промолвил он наконец, по-прежнему уткнувшись носом в папку, как бы и не говоря, а вслух читая какую-то из бумаг в папке. — Как там ваше сотрясение мозга? Отлежался? В здравом уме и полной памяти?

— Так точно, товарищ майор.

— В состоянии отвечать на вопросы?

— Так точно, товарищ майор.

Савельев поднял голову. И глаза цвета увядших васильков. Потом взял карандаш и постучал им по крышке стола.

— Кто стрелял в вашего старлея? — спросил он в такт постукиваниям. — Старшего лейтенанта Кириленко?

Леварт проглотил слюну.

— Докладываю: не знаю, товарищ майор.

— Не знаете.

— Не знаю. Я этого не видел.

— А что вы видели?

— Бой. Потому что шел бой.

— А вы сражались?

— Так точно, товарищ майор. Сражался.

— А за что же, интересно, вы сражались, прапорщик? За правое ли, по-вашему, сражались вы дело? Или неправое?

Леварт снова обескураженно проглотил слюну. Савельев смотрел не него из-под опущенных век.

— Ровно четыре года и восемь месяцев, — сказал он, акцентируя важность некоторых произносимых слов постукиванием карандаша по столу, — прошли после заседания Политбюро, на котором незабвенной памяти Леонид Ильич Брежнев, воспользовавшийся

советом незабвенной памяти товарищей Андропова и Громыко, принял решение о том, что стоит помочь партии и пролетарской власти Демократической Республики Афганистан придушить ширящуюся контрреволюцию. А также фанатизм, разжигаемый ЦРУ. Уже четыре года и восемь месяцев ограниченный контингент нашей рабоче-крестьянской армии под мудрым руководством партии исполняет в ДРА свой интернациональный долг. А в рамках контингента, в составе третьего батальона сто восемнадцатого механизированного полка сто восьмой мотострелковой дивизии также и вы, прапорщик Леварт.

Справедливо полагая, что это не являлось вопросом, Леварт сохранял молчание.

— Воюешь, значит, — констатировал майор. — С рвением, преданностью, с полной убежденностью в правоте того, что делаешь. Я прав? С полной? А может, не полной? Может, у тебя иная оценка советского военного присутствия в ДРА? Иная оценка решения Политбюро? И его незабвенной памяти членов?

Леварт отвел взгляд от безобразного потолка с осыпавшейся штукатуркой и посмотрел на Савельева. Не на его лицо, а на его руку и постукивающий по столешнице карандаш. Майор, казалось, заметил это, потому что карандаш замер.

— Интересно было бы узнать, — начал он, — как ты, представитель младшего командного состава, смотришь на этот вопрос. А? Леварт! Откройте рот в конце концов! Я задал вопрос.

— Я... это... товарищ майор, — Леварт откашлялся. — Я одно знаю. Родина велела.^[15] Савельев минуту помолчал, вращая карандаш в пальцах.

— Скажите на милость, — промолвил он наконец, меняя тон с насмешливого на как бы задумчивый. — Это следовало бы отметить. Представитель младшего командного состава, когда его спрашивают о политическом сознании, отвечает не банальными словами, но цитатой из Окуджавы. Полагая, наверное, что спрашивающий цитату не распознает. А цитата эта, — майор вернулся к обычному тону, — в твоём конкретном случае смахивает на шутку. Фамилия какая-то такая странная. Русью-то она не пахнет, ой, не пахнет. А русский дух? Усилился через поколения? Прадед, польский бунтарь, умер и лежит в могиле темной, к тому же, как назло, католической, в Таре, в бывшей Тобольской губернии. Дед, тоже поляк... Хотите что-то сказать? Говорите.

— Мой дед, — спокойно и тихо сказал Леварт, — не вернулся в свободную Польшу, хотя мог. После возвращения из Сибири остался в Вологде, возле бабки, урожденной Молчановой. А его младший сын, мой отец...

— Участник Великой Отечественной, отмечен орденом Славы первой степени за бой на Курляндском полуострове в марте тысяча девятьсот сорок пятого, — столь же спокойно не дал закончить майор. — Наверное, самый молодой кавалер этого ордена. Все задокументировано. Все, Леварт, о тебе, о твоей семье, о родных и знакомых. Бумага большую силу имеет, Леварт, и многое из этого удастся использовать... Когда потребуется. Поэтому спрашиваю еще раз: кто стрелял в спину старшему лейтенанту Кириленко?

— Не знаю. Не видел. Шел бой.

— Если, — карандаш снова завис в воздухе, — если я узнаю от тебя то, что я хочу знать, через неделю будешь дома. В Питере. Тьфу ты, хотел сказать — в Ленинграде. Войну будешь смотреть по телевизору. Будешь ходить на Фонтанку попить пивка с корешами. Девочек снимать своими медалями и афганским загаром. Ну, чего уж там, устрою тебе интервью в «Комсомольской правде», а после такого нефиг делать поймешь какую-нибудь активисточку. Сам знаешь, какие это создает перспективы... Устрою тебе всё. Если

скажешь, кто стрелял.

— Не скажу, потому что не знаю. Может, мне соврать? Выдумать? Демобилизуете, если выдумаю?

— Нет. Совсем наоборот, я б сказал.

— Значит, не выдумаю.

Замолчали. Оба. Замолчать их заставил рев двигателей, доносящийся снаружи, сверху. Очередной штурмовик отрывался от взлетной полосы. Здание задрожало, ложечка в стакане майора дико зазвенела, разоблачительный стаканно-бутылочный звон донесся из-за прикрытой двери металлического шкафа с документами. Сам майор смотрел на Леварта холодно.

— Последний шанс, пан Леварт. Или скажешь, кто стрелял, или навешаю тебе соучастие. Время военное, получишь двадцать пять, даже глазом не успеешь моргнуть. Я бы мог сказать, что возобновишь семейную традицию, но это было бы неправда. Сам знаешь, что в сравнении с нашим советским местом труда и перевоспитания, на этакой, допустим, Колыме, тарская ссылка твоего строптивого дедушки была попросту черноморским курортом.

Леварт эти слова не принял близко к сердцу. Еще со времен учебки несметное количество раз ему приходилось иметь такие разговоры и слышать такие угрозы. Нельзя сказать, что он привык, потому что привыкнуть к такому было невозможно. И не перестал бояться, потому что невозможно было перестать. Просто стал безразличным.

— Я бы помог вам, товарищ майор, — солгал он складно, стандартно и равнодушно, — если бы только мог. Поверьте.

— Ясно, — Савельев резко захлопнул папку. — Я поверил. Посмотри на меня. Видишь, какой я верующий. Эх, отдал бы я этого ляха под трибунал, хотя бы для примера... Эх... Не буду вас задерживать, прапорщик. Свободен.

Леварт встал так энергично, что едва не опрокинул табурет, принял стойку смирно.

— Товарищ майор, прапорщик Леварт...

— Пошел вон, я сказал.

* * *

— Почему Савельев прицепился именно ко мне? А откуда я знаю? — вопросом на заданный вопрос отвечал Леварт. — Повторяю, я видел, как старлей Кириленко получил очередь в спину, это произошло на моих глазах. Но ведь Савельев этого знать не мог. Мне старлей даже нравился... Случилась между нами когда-то стычка, не скрываю, потому что он цеплялся за что угодно... Но это было без свидетелей... Во всяком случае, я так думал. Наверное, все-таки, об этом донесли...

— Даже на войне, — Ванька Жигунов, задавший вопрос, протяжно прокашлялся и плюнул далеко перед собой. — Даже на войне не продохнуть от сраных ментов. Как и там, на гражданке, где за каждым углом мент или ищейка. Везде: на улице, во дворе, на лестничной клетке, в туалете. Получается, в армии не слаще. В казарме ли, в окопе ли, в походе ли, везде у тебя за спиной мент или кагэбист. Совсем как дома. Я правильно говорю, Матюха?

— Правильно, Вань, трудно спорить, — согласился старший прапорщик Матвей

Филимонович Чурило, самый старший в компании по званию и по афганскому стажу, которого друзья называли уменьшительно-ласкательным именем Матюха. Это был огромный мужик с милым лицом ребенка. Очень большого, очень мордастого и очень коротко стриженного ребенка.

— Трудно спорить, Вань. Но такова жизнь. И почему это должна отличаться от гражданки наша рабоче-крестьянская армия? Почему тут, за речкой, должно быть иначе, чем на нашей Руси? Что делать? Зубы стиснуть да терпеть.

Они сидели перед модулем,^[16] который служил им временной квартирой, скрываясь в тени от афганского солнца. Которое, впрочем, здесь в Баграме, было значительно менее мучительным, чем там, в горах и на перевалах. Здесь не жарило и не высушивало так, как в походах на броне бэтэров. Здесь, в Баграме, меньше мучили пыль и ветер. А тот факт, что тебе не угрожает мина, фугас или пуля снайпера, также значительно влиял на приятное чувство комфорта.

В собрании, кроме Леварта и Валуна, принимали участие еще четыре сержанта из стс восьмой МСД.^[17] Упомянутый уже Матвей Чурило, сибиряк из-под Омска. Сержант Иван Жигунов, земляк Леварта из Питера, на гражданке забияка на иждивении то старенькой мамы, то правоохранительных органов. Старшина Марат Рустамов из Степанакерта, с черными усами а-ля Чапаев, которые в последнее время среди сержантов были модным украшением физиономии. Командование относилось к усам снисходительно, к тому же они сигнализировали о внушительно долгом стаже их носителя. И младший сержант Саня Губар, по возрасту тоже самый младший, двадцатидвухлетний белорус из Орши.

Кроме того, что они прослужили уже более одного года «за речкой», то есть за Амударьей, всех их сейчас объединяло одно: вынужденное ожидание нового распределения. Причины были разные, никто в них не вникал, тем более что они не выходили за рамки привычного. Как правило, это были конфликты между сержантами и офицерами. Конфликты, по-разному окрашенные и различного напряжения. Правда, редко такие, за которые грозил дисбат или уголовное наказание. И довольно редко заканчивающиеся так, как закончились для старлея Кириленко.

— А до меня дошло, — поделился Марат Рустамов, закуривая следующую папиросу, — что Хромой Савельев сильно подозревает Алешу Панина. Ходят слухи, что это именно Панин тогда старлея замочил. Грохнул его, чтобы братву спасти, потому что повел их старлей на верную смерть. Что вы об этом думаете, Харитонов, Леварт? Вы же были не «Неве»...

— Были, — опередил Леварта Валун. — И вот что я вам скажу. Если Савельев Панина подозревает, то как-то странно это проявляется. Алексею Панину за тот бой на заставе «Красную Звезду» дали. И оставили его в батальоне. Он единственный на старом месте остался, хотя ему до дембеля вовсе не дольше, чем мне, например.

— Я, — признался Матюха, — не верю, чтобы Алеша Панин в старлея стрелял. Я его хорошо знаю, он не из таких. А что касается подозрений... Что ж, непостижимы решения и непонятны тайные пути чекистов.

— Аминь, — суммировал Жигунов. — Но слушайте, что я вам скажу. Савельев не отступится. Если убийца старлея в том бою выжил, Хромой Майор его достанет. Он этого так не оставит.

— Не оставят и хадовцы, — добавил Саня Губар. — Ходят слухи, что они рвут и мечут, только чтобы достать тех зеленых с афганского поста, с «Невы», которые предали. Правда,

шансов у ХАД не очень много. Те уже в горах, у духов. Так что ищи ветра в поле.

— А я всегда говорил, — вспомнил Рустамов, — что давать зеленым оружие — это большая глупость. Мало того, что техника зря тратится, так еще себе вред делаешь. Ты ему сегодня со склада новенький акаэм выдаешь, а он завтра с этим акаэмом в горы. А послезавтра уже стреляет в тебя из засады. Все предатели, грязь, скрытые моджахеды.

— Может, не все, — Валун искоса посмотрел на него. — Может, они не все такие. На том посту возле нашей заставы, о котором мы говорим, было двенадцать. Ровно столько потом насчитали.

— Слышал я, — Губар неприятно скривился, — что всех двенадцать сделали профессионально. Шомполом в ухо во сне. Потому что, если спящего ножом по горлу полоснешь, он иногда может вскрикнуть, других потревожить. А шомполом в ухо пырнешь, даже не пикнет.

— Регулярную армию, — перебил Рустамов, — удалось застать врасплох во сне и заколоть, как свиней? Рохли какие-то, а не армия. А шомполами кололи их же коллеги. И их коллеги басмачей на пост впустили. Все равно по-моему выходит: это все предатели. Слушайте, что я вам говорю. Доверять им наивно, вооружать — глупо.

— Только вот... — задумчиво сказал Матюха. — Это в конце концов, блин, их страна. Афганистан то есть.

— Ну да, их, — оглядевшись сначала, буркнул Валун. — Не наш. Уж не из-за этого ли возникают все проблемы?

— У тебя, может быть, и возникают, — Губар тоже огляделся. — А может, и не только у тебя. Но у нашего замполита так уж точно нет. У него интернационализм, интернациональная дружба, интернациональный долг. Как то мы посчитали, сколько раз за час он использует это слово. После тридцати считать перестали... А ты меня, Харитонов, часом не подначиваешь? Только что о доносах речь шла...

— Ой, братан, — перебил Валун, щуря глаза, — сдастся мне, хочешь ты получить по морде.

— Ладно, ладно... — белорус поднял руки. — Я ничего не говорил. Не было разговора.

— Был, — мягко возразил Матюха. — Но тихий. И в своем кругу. Правда, прапорщик Леварт? Твоего мнения в обсуждаемом вопросе что-то мы не услышали. А наверняка оно у тебя есть.

— Я — солдат, — пожал плечами Леварт. — Слушаю приказы. Делаю то, что прикажут. Что Родина велела.

— Возможно, ты не заметил, — сказал после минуты тишины Рустамов, — тогда я напомню. Ты уже не на допросе КГБ.

— Вижу. И по-прежнему делаю то, что Родина велит.

Наступившая тишина длилась еще дольше, чем предыдущая. Прервал ее Ваня Жигунов По-солдатски.

— Да хуй с этими разговорами, смысла в них нихуя, и нахуй нам вся эта философия, — заявил он. — Давайте решим, господа сержанты, что нам лучше сделать с таким классным послеобеденным временем, быть может, последним свободным? Быть может, завтра нас снова погонят на войну, каждого в другой конец этой плодородной страны, чтоб ее черти взяли, пропади она пропадом. Итак, есть два предложения. Альтернативные. Пить или ебать.

— Не понимаю, — нахмурил брови Санька Губар, — почему это должна быть альтернатива?

— По экономическим причинам. Средств хватит либо на одно, либо на другое. Разве что, кто-то из вас получил наследство, выиграл в лотерею или ограбил лавку. ^[18] Никто? Тогда посчитаем. Значится так. Я договорился с сержантом, из интендантов, могу достать литр водки, настоящей «Столичной». Тридцать чеков за пол-литровую бутылку, цена, как для брата. Имеется также самогон первач, качество сомнительное, десять чеков за литр.

— А альтернатива?

— Я слышал о двух поварах из казино. Хотят по десять от клиента.

— Не слишком много, — быстро прикинул Губар. — Если по десять с каждого из нас...

— Не считая презентов, — внес коррективу Марат Рустамов. — Ведь не пойдешь же ты, как какой-то жлоб, ебать без презентов. Хотя бы винограда, но купить надо. Однако, если решиться на необходимые нашей братии четыре литра самогоняры, получается по шесть с копейками с рыла. А поскольку от самогонки приятные ощущения делятся несравненно дольше, а удовольствие значительно больше, нефиг, джигиты, тут долго раздумывать.

— Подожди, подожди, — вмешался Матюха. — Давайте рассудим спокойно. Какие это поварахи. Ты на них хотя бы смотрел, Вань?

— Если хочу посмотреть, иду в Эрмитаж.

— Верно, — поддержал Жигунова Саня Губар. — Какие еще могут быть поварахи? Вы что, мужики, поварих не видали?

— Видали, — покивал головой Матюха. — Ой, видали. Так что тогда, наверное, водочка?

— Естественно, водочка, — подкрутил казачьи усы Рустамов. — Давайте сбрасываться, товарищи интернационалисты. Бабки в шапку.

— Один раз живем, — Матюха расстегнул карман мундира. — Нечего скупиться, потому что завтра может быть Кандагар или бойня похлеще... Возьмем, я думаю, тот литр «Столичной» для рывка и вкуса. А на второе блюдо три литра того первака по десять. Вместе пятнадцать чеков на душу населения. Почти два месячных жалованья.

— Афощками можно? — Саня Губар выгребал из кармана горсть мятых афгани. — По курсу, семнадцать за чек?

— Можно. А ты, прапор, что?

— Пересчитайте взнос, — Леварт встал. — Не считая меня. Я в этом участия не принимаю.

— Значит, — захохотал Жигунов, — все-таки предпочитаешь повариху? А может, обеих?

— Это мое дело, что я предпочитаю. Сказал, — меня в расчет не принимайте.

Жигунов собрался было комментировать и дальше, но Матюха утихомирил его. Жестом, словом и авторитетом.

— Оставь. Он хочет побыть один. Пойми и уважь.

* * *

Ему казалось, что он идет без цели, лишь бы вперед, лишь бы подальше. Как минимум аэродром его целью не был. Но он не удивился, когда на аэродроме оказался. Так уж было в Баграме — куда бы ты ни направлялся, попадаешь на аэродром. По его полю как раз кружил четырехмоторный АН-12, брюхатый, с задраным хвостом. После достаточно

продолжительной серии маневров самолет подкатился под ангар, под самую рампу. Открыли транспортный люк, вокруг засуетились люди в форме и комбинезонах. На глазах Леварта, успевшего подойти совсем близко, с рампы начали грузить продолговатые деревянные ящики. Он знал, что в них содержится. Груз под кодовым названием «двести».

— А ты чего, боец? Читать не умеешь? Вход воспрещен! — заорал на него какой-то юнец с офицерской кокардой на кепке. — Вали отсюда, быстро!

— Документы! — рядом тут же появился второй, не намного старше. — Покажи документы! Кому сказал?

— Отставить, — скомандовал им худощавый капитан, которому достаточно было одного взгляда на загорелое и иссеченное ветрами лицо Леварта. — Оставьте его в покое. За работу!

На «антонова» грузили деревянные ящики, один за другим. Леварт знал, что ящики содержат другие контейнеры, жестяные и запаянные. Только сейчас он заметил эмблему на корпусе самолета — нарисованный черной краской цветок. Конечно, он знал жаргонное солдатское название этих машин, но никогда не предполагал, что они в действительности летали с таким рисунком. «Интересно, — подумал он, — то ли это название произошло от рисунка, то ли рисунок от названия...»

— Что? Может, кого-то из твоих друзей грузим? — тихо спросил капитан.

— Может быть.

— Можешь попрощаться.

Леварт отдал честь.

— Я тоже лечу, — сказал через минуту капитан, не глядя на него. — Туда. Пришла моя смена, дембель, как говорится. Думал, что всё, прощай Афганистан, я выжил, конец страху... Двадцать пять месяцев войны... И только сейчас начал бояться. Того, что я застану... там. Что меня там ждет. Как меня там примут. Смогу ли привыкнуть... Понимаешь?

Леварт не ответил.

— Придет время — поймешь, — вздохнул капитан. — А сейчас иди уже. Действительно, не положено тут.

Леварт отошел не спеша. Не прошло и полчаса, как услышал шум двигателей. И увидел, как «Черный тюльпан» взмывает в небо. Загруженный грузом, известным под названием «груз 200». Транспортируя его назад, туда, откуда он прибыл.

«Кто знает, — подумал Леварт, — может там, в грузовом отсеке, в запаянных гробах и вправду летят Зима и Мишка Рогозин? Рядовой Милюкин? Старший лейтенант Кириленко? Кто знает? Кто знает, кто полетит следующим рейсом».

Когда идешь от баграмского аэродрома, куда бы ты ни направлялся, всегда попадаешь в «городок», центр базы — скопление блоков и штабных зданий, солдатских жилых модулей и палаток, окруженных афганскими дуканами и ларьками, которые предлагают всякий хлам и разнообразное барахло. Леварт ускорил шаг. По его мнению, здесь было слишкомлюдно и слишком громко. Он прибавил ходу, желая как можно быстрее покинуть этот район, выйти к отдаленному полевому госпиталю, где было значительно тише и спокойнее. Но лабиринт внутренних перепутанных дорог крепко держал его и не хотел выпускать.

Минотавр жаждал жертвы. Чтобы поглумиться. Или хотя бы жестоко с ней поиграть.

— Куда прешь, пехота? Шланг ебанный.

Он уступил дорогу группе парашютистов из сто третьей витебской. Не достаточно быстро, чтобы избежать грубого столкновения. Их было четверо, все коренастые, крепко

сбитые, загорелые, в выцветших панамах и полосатых тельняшках, которые виднелись из-под демонстративно расстегнутых мундиров. Он уступил дорогу, обошел их, опустив голову. С десантурой шутки плохи.

Модули и квартиры, обвешанные сохнувшей стиркой, выглядели, как крейсера из Порт-Артура,^[19] идущие на рейде в парадной форме сигнальных флажков. Такие же живописные, хотя в роли флажков были портянки, носки, подштанники и тельняшки. Отовсюду, с каждого окна, из-за каждой двери, доносилась музыка. Казалось, что в каждом помещении есть включенное радио. Везде, казалось, имеются тут кассетные магнитофоны, приобретенные на кабульских базарах контрабандные «Шарпы», «Саньо» и «Самсунги», милые миниатюрки, почти на грани фантастики чудеса японской техники. В которые были вставлены японские кассеты. С советской музыкой.

Все могут короли, все могут короли!
И судьбы всей земли вершат они порой,
Но, что ни говори, жениться по любви
Не может ни один, ни один король!^[20]

* * *

Он ускорил шаг. Но лабиринт спутывал, Минотавр грозил, музыка преследовала. Постоянно советская.

Ra, Ra, Rasputin, lover of the Russian queen
There was a cat that really was gone
Ra, Ra, Rasputin, Russia's greatest love machine
It was a shame how he carried on.^[21]

Раздался пронзительный рев клаксона, мимо, вздымая клубы пыли, промелькнул «Лазик». На переднем сиденье сидели два десантника в голубых беретах, на заднем — две молоденькие барышни в гражданской одежде, заливающиеся визгливым смехом. В «Лазике» тоже был магнитофон.

If you change your mind,
I'm the first in line
Honey, I'm still free
Take a chance on me...^[22]

«Завтра, — подумал Леварт, предвидя с непоколебимой уверенностью, — завтра пошлют меня на линию».

В следующей бочке,^[23] мимо которой он проходил, наверное, магнитофона не было.

Или там предпочитали более традиционные мелодии.

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном. [\[24\]](#)

«Загляну в госпиталь, — подумал он, — Да, определенно так. Это лучше, чем Валун, Матюха и самогон, который у них еще остался».

Он прошел мимо очередного барака, тоже с гитаристом. Тоже традиционалистом.

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй дорогая,
Здравствуй, моя Мурка, и прощай.
Ты зашухерила всю нашу малину,
И теперь маслину получай! [\[25\]](#)

Перед дуканом, заставленным бутылками соков и мешочками сушеных фруктов, сидел худой и высохший, как жертва чумы, старичок в грязной чалме. В руке, почти как у скелета, он держал тасбих, мусульманские четки. Глядя впереди себя мертвым взглядом, он как-то смешно раскачивался, аритмично, словно сотрясаемый неровным тактом Аллы Пугачевой, напористой синкопой «Аббы» и «Бони М», охрипшим баритоном Высоцкого и певуче-трогательной ноткой бандитской «Мурки». Старик качал седой бородой и причмокивал губами, непрерывно что-то повторяя, какие-то слова. Может, жалобы. Может, молитвы. Может, проклятия.

Леварт прибавил ходу. Оставляя позади себя Лабиринт. Неся с собой его часть. Его пятно.

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые!
Коль дожить не успел, так хотя бы — допеть!
Я коней напою, я куплет допою,
Хоть немного еще постою на краю... [\[26\]](#)

Небо было темно-синего цвета.

— Добрый вечер, Таня... То есть, Татьяна Николаевна... Извините... Я... Хотел бы... Потому что завтра...

Глаза Тани, сестры Татьяны Николаевны, смягчились. Так красиво, как могут смягчаться только глаза Татьян. Медсестричек Татьян, упоительно пахнущих эфиром и йодоформом, белокрылых ангелов афганских медсанбатов.

— Таня... Я...

— Ничего не говори, парень. Пойдем.

* * *

Пополнение насчитывало шесть человек, не считая командовавшего младшего сержанта. Пополнение, не считая сержанта, явно появилось на свет в годах 1963—1965-х и, наверное, поэтому выглядело, как дети. Дети, одетые в новенькие, пахнущие складом хэбэ и панамы, дети, которым взрослого и боевого вида никак не хотели добавить ни акаэмы на ремне, ни забитые магазинами холщовые патронташи, которые на солдатском жаргоне назывались лифчиками, то есть бюстгальтерами.

— Равняйся! — скомандовал младший сержант, определенно старше своих подчиненных. — Смирно! Товарищ прапорщик...

— Отставить, вольно, — не по-уставному махнул рукой Леварт. — А вы... Я вас, кажется, знаю.

— А как же, — подтвердил с улыбкой вовсе не такой уж молодой младший сержант. — Ты же Павел Леварт. Мы познакомились в Ашхабаде, в учебке. Не помнишь? Станиславский Олег Евгеньевич...

— В Ашхабаде, понятно, — Леварт не слишком удачно скрыл смущение. — Называли тебя... Менделеев?

— Ломоносов, — поправил Олег Евгеньевич Станиславский с прежней улыбкой. — Это потому, что я закончил МГУ. Был научным сотрудником в Институте ботаники. Какое-то время. До того времени, когда...

Леварт кивнул головой. Он знал, до какого времени. Потому что об этом тоже ходили слухи в ашхабадской учебке.

— Ну-ну, — вздохнул он, — значит все-таки попал ты за речку, Ломоносов.

— А почему я должен был не попасть?

Леварт не ответил. Ему надоело постоянно смущаться.

— Слушай мою команду! — Леварт выпрямился, бросил суровый взгляд на сопливое войско. — Взять вещи и в путь. Шевелись! Поторопи-ка ты эту компанию, младший сержант.

— Не желаешь сначала познакомиться с солдатами?

— Позже. Успею. Сейчас выходим, идем на точку, оттуда с колонной едем на позицию.

— Далеко? Куда?

— Куда приказано.

— А... — бывший ботаник проглотил слюну. — А дорога? Будет безопасно?

— Здесь Афганистан. Здесь нигде не бывает безопасно.

На пункте, заполненном людьми и машинами, их ждал Ваня Жигунов. По воистину удивительному стечению обстоятельств его распределили и послали туда же, куда послали Леварта и вверенное ему пополнение, недавно прибывшее из Ташкента.

С остальной братвой пришлось попрощаться, вероятно, надолго, если не навсегда. Всем до дембеля было уже недалеко, а гражданка, известное дело, разбрасает их по всему Союзу. Хоть они и обменялись гражданскими адресами, шансы на встречу будут мизерны. Леварт расставание с Валуном перенес болезненно. Более болезненно, чем можно было ожидать. До последней минуты он питал бессмысленную надежду, что они все-таки останутся вместе. С Валуном он сжился, что и говорить. Настоящей военной дружбой, крепкими путами связал их Афган, тот ночной бой под Газни, ^[27] ущелье Ларгави, подлая засада под Джабал-ас Сараф, побоище в кишлаке Дех Кала, тела товарищей, вывозимых на броне из-под Шехабада. И застава «Нева» на пятнадцатом километре за Салангом, та, на которой старлей Кириленко получил пулю в спину. В наказание за это их подразделение расформировали, а их разделили. Сейчас он ехал на восток, в сторону Джелалабада, а Валун на юг, черт знает куда.

— Черт возьми, — сказал он громко.

— Черт, — согласился Ваня Жигунов. — Салам, прапорщик. Привет, младший сержант. Мое почтение, солдатики. Сразу после учебки? Ну, тогда звания солдата вы еще не достойны. Вы — чижики. Кру-гом! Запрыгивать на броню, чижики, мигом! Куда? Как? Господи, что за остолопы!

— Будем ехать на броне? — удивился Ломоносов. — Почему не внутри?

— Когда-нибудь узнаешь, — скривил губы Жигунов, — когда будешь внутри, а бэтээр наедет на мину. Не дискутируй, браток. Не мудри, не думай, делай, что тебе приказано, причем быстро. Здесь Афганистан.

Казалось, что только их и ждали, потому что не прошло много времени, а транспортеры (колонна насчитывала их более десяти) заревели двигателями, засмердели выхлопами, затряслись и тронулись. Ванька Жигунов перекрестился украдкой. Ломоносов посматривал на него со странным выражением лица. Леварт молчал. Он отсутствовал. Он думал о Тане.

Ехали. На повороте дороги удалось сосчитать машины колонны. Их было четырнадцать: БРДМ, идущая во главе, две БМД, две БМП, один МТ-ЛБ ^[28] и восемь бэтээров. Все входили в состав разведроты 345-го гвардейского парашютно-десантного полка из Баграма. Леварт и его группа были здесь только на прицепе, их забирали по пути. Десантура выделила им в качестве транспорта последний БТР в колонне, так что теперь они давились выхлопами всего конвоя и собирали всю пыль.

Ехали. Молокососы из пополнения, сначала бледные, судорожно схватившиеся за поручни и на каждой выбоине бьющие друг друга по головам мушками акаэмов, постепенно приходили в себя, даже пытались шутить и ругаться солдатским матом, пока Жигунов на них не шикнул. Они замолчали и широко открытыми глазами поглощали пейзаж: глиняные стены дувалов, мимо которых проходила колонна, дуканы, ослики, женщины в паранджах, таджики в тюбетейках, низкие заросли зеленки, ^[29] грязно-бурые скаты гор под сапфировым афганским небом.

Ехали. Жигунов уснул. Леварт делал вид, что спит. Чтобы избежать вопросов Ломоносова и необходимости отвечать на них. Какой-либо фамиллярности.

Олег Евгеньевич Станиславский был научным сотрудником Московского государственного университета имени Ломоносова. От этого и происходила его военная кличка. В МГУ Ломоносов делал научную карьеру. Какое-то время. Точнее, до того времени, когда он что-то заявил. А может, подписал. Что-то, чего не следовало заявлять, а тем более подписывать. Вскоре после того, как он заявил, или, возможно, подписал, Ломоносов из МГУ вылетел. Тут же вслед за этим пришла повестка из военкомата, и не успел он оглянуться, как уже ехал эшелоном в Туркменистан. Попав в 40-ю армию с клеймом смутьяна и политического подстрекателя, легкого житья там не имел и свое наверняка получил. На учебке в Ашхабаде слегка ожил, потому что там щемили не так сильно, перспектива Афганистана умеряла пыл сержантов. Ломоносов же совсем не хотел вписываться в стереотип кретина и университетского придурка. Служил образцово, а поскольку был не глуп, вскоре, ко всеобщему изумлению, щеголял с лычкой ефрейтора на погонах. На которые, как теперь оказалось, ему добавили еще одну лычку.

Леварт, вообще-то говоря, не питал особой симпатии к диссидентам, нарушителям спокойствия, вольнодумцам, всевозможным противникам социализма и советского строя, критикам представителей власти и господствующих в СССР порядков. Не то чтобы он был слепым приверженцем этого строя, чрезмерно любил социализм и обожал людей при власти. Боже сохрани, ко многим вещам и делам в своей отчизне относился он весьма критично, а советской власти и ее сановитым представителям, случалось, иногда желал далеко не всего самого лучшего. Но в глубине души и тихо. Людей, которые делали это громко и демонстративно, Леварт не уважал, считал их помешанными и склонными к саморазрушению. По его мнению, полагать, что социализм можно свергнуть, а Советскому Союзу как-то навредить тем, что ты публично критикуешь, ходишь на демонстрации, подписываешь протесты относительно Чехословакии, открытые письма касательно Солженицына, равно как и поешь «*We Shall Overcome*» на митинге с Анджелой Дэвис, — так полагать могли только фантазеры, мечтатели, личности наивные и психически недоразвитые. Его собственный опыт в этом отношении был более чем печальный. Он сам с ленинградским вузом попрощался за неосторожную подпись под петицией в защиту кого-то. Имени подзащитного он не запомнил, в эффективности защиты сомневался, а если благодаря всему этому кто-то и понес урон, то вовсе не Советский Союз. С тех пор он решил держаться подальше от диссидентов всех мастей. Решение это обновилось в предафганской учебке. С диссидентами там было скорее туго, что не означало, что их там не было вовсе. И следовало бдительно остерегаться дружбы с ними. Психическая недоразвитость и склонность к самоуничтожению, опасные у друга на гражданке, на войне могли оказаться и вовсе губительными. Так что в Ашхабаде Леварт последовательно охлаждал все дружеские инициативы Ломоносова. Твердо решил он придерживаться того же и сейчас. Товарищеские отношения и братство оружия — пожалуйста. Но дружба вовсе не обязательна.

— А знаешь ли ты, прапорщик, — вдруг подал голос Ломоносов, — что более двух тысяч триста лет тому назад именно этой дорогой вел свою армию Александр Македонский? Именно по этому пути? Вы знали об этом, пацаны?

Пацаны не знали. Леварт знал, но молчал.

— В триста тридцатом году до нашей эры, — начал излагать Ломоносов, — летом, разбитый под Гавгамелами и убежавший персидский царь Дарий был убит своим родственником Бессом, который объявил себя новым владыкой Персии. Александр, который уже сам считал себя владыкой Персии, немедленно двинулся на Бесса с войском. Опасаясь

столкновения, Бесс ушел в Бактрию.

— Куда, — Жигунов, оказалось, только прикидывался, что спит. — В партию?

— В Бактрию, то есть, сюда, в Афганистан. Во времена Александра гряды Гиндукуша, которая называлась тогда Индийским Кавказом, делила нынешний Афганистан на Бактрию, Дрангиану, Арейу, Арахозию и Паропамисады. Столица Бактрии была приблизительно там где сегодня Мазари-Шариф. Столицей Арейи был нынешний Герат, Дрангиана — это нынешняя провинция Гильменд, Арахозия — это Кандагар, Паропамисады — это современные окрестности Кабула и Баграма. Преследуя Бесса, Александр не напал на Бактрию прямо, но пошел в обход. Через Арейу и Дрангиану дошел до самих Паропамисадов, где основал город под названием Александрия Кавказская, на месте сегодняшнего Чарикара...

— Вокруг Чарикара, пацаны, — Ваня Жигунов захотел тоже козырнуть знаниями, — находятся виноградники. Самый сладкий виноград во всем Афгане, во-о-от такие, бя, большие гроздья...

— Оттуда, собственно, — продолжал Ломоносов, — в триста двадцать девятом году Александр отправился дорогой, по которой мы сейчас едем, долиной реки Кабул. Потом повернул на север, в горы, в Драпсаку, нынешний Кундуз. Перевал перешел весной, когда там еще лежал снег, чем совершенно ошарашил Бесса, который без сопротивления смылся на север, отгородившись от Александра рекой Окс, то есть Амударьей. Но река македонцев не остановила. Тогда боевой дух персидской армии упал, а взбунтовавшиеся командиры Спитамен и Датам схватили Бесса и выдали его Александру. Интересно, что вскоре Спитамену суждено было стать самым грозным противником...

— Такая светлая у тебя голова, младший сержант, — скривился Жигунов, — просто удивительно, что ты в пехоте. А не в КГБ.

— Каски, — резко прервал Леварт. — Всем каски на головы, быстро.

Не прошло и полминуты, как их транспортер резко затормозил перед небольшим мостом над высохшим арыком. Мост действительно мог здесь стоять еще во времена Александра. У него был на удивление античный вид. Леварт отметил это мысленно, автоматически, уже неизвестно в который раз шокированный. Тем, что предвидит. Предчувствует то, что произойдет через секунду. Он почувствовал на себе взгляд Ломоносова. И знал, что Ломоносов это заметил. От головы колонны раздались выстрелы. Длинные очереди. С остановившейся перед ними бээмдэшки спрыгивали солдаты десанта, тотчас занимая позицию вдоль дороги.

— С машины! — разрывался Жигунов. — Всем с машины!

Снова раздались разрывы. Леварт проглотил слюну, чтобы избавиться от назойливого жужжания в ушах. Он дал знак Жигунову, чтобы тот следил за хозяйством, а сам подошел ближе, присев на корточках за БМД.

— Что случилось? Засада?

— В штаны наделал, пехота? — парашютист, которого спрашивал Леварт, сплюнул через плечо. — Не бойсь! Это только обстрел. Оттуда, из-за кишлака. Два духа на мотоцикле. Выпалили очередь по ведущей бээрдээмке. И слиняли.

— Там может быть их больше, — добавил второй. — Наш ротный вызвал авиацию. Стоим, чтобы не сунуться под собственные бомбы. А кишлачок тем временем польем из «Василька».

Раздалась серия взрывов, но не вблизи, а справа, со стороны кишлака на плоскогорье.

На глазах Леварта кишлак забурлил от взрывов и почти исчез в дыму. В середине колонны на МТ-ЛБ десантура везла установленный «Василёк», автоматический миномёт 82-миллиметрового калибра. Как только облако дыма над крышами развеялось, «Василёк» снова зашелся от грохота и врубил в кишлак следующую очередь гранат. БМП направили на деревушку стволы своих орудий, но не стреляли. Леварт услышал возбужденные голоса. Капитан, командир роты десантников, кажется, спорил с командиром группы саперов, дело необыденное.

— Место, из которого были осуществлены выстрелы, — резко и громко закончил капитан, — не называется у меня гражданским объектом. Место, откуда стреляют, называется огневой позицией противника. Вам ясно, младший лейтенант Берзин?

Ответ младшего лейтенанта Берзина заглушил рев турбореактивных двигателей. А через минуту мощный взрыв.

— Что они делают! — закричал капитан. — Что они делают, идиоты! Надо было на юг от дороги! На юг... А ёб-твою-мать!

Над их головами с ревом пронеслись два «Мига». Земля и дорога затряслись, горы словно подпрыгнули и, казалось, упали прямо на них. На ногах устояли разве что несколько тренированных в боях десантников, но через секунду их также распластал по земле ужасный грохот, а после него серия быстро идущих друг за другом взрывов и сверлящий уши свист стальных шариков. Самолеты пронеслись и исчезли. Небо срослось, горы стояли, как стояли. Остался только дым, медленно опадающая пыль и удушающий смрад аммотола.^[30]

Леварт открыл глаза. Лежащий рядом десантник отхаркнулся и выплюнул песок. Капитан ВДВ стал на четвереньки. И начал материться. Ужасно. Даже по солдатским меркам.

— Сначала фабы,^[31] потом кассеты,^[32] — профессионально оценил парашютист, перетирая зубами то, чего выплюнуть не сумел. — Чуть было, блядь... На волосок промазали орлы наши... Асы поднебесные, чтоб вам пусто было... Чуть было... От собственной, блядь, авиации...

Леварт поднялся. И уже знал. Прежде, чем увидел лица Жигунова и Ломоносова. Знал. Снова знал.

Один из пополнения. Наверное, на минуту снял каску, чтобы вытереть пот в такую жару. Получил стальным шариком в висок. И лежал навзничь, откинув одну руку в сторону. С застывшим выражением удивления на лице.

Ломоносов наклонился над телом. Из расстегнутого кармана вытащил документы. Письма. Надломленную фотографию толстощекой девушки. Плоский крестик на плетеном шнурке.

— Бессмертных нам не прислали, — Ломоносов поднял голову и посмотрел на Леварта. — Не успели. Ты тоже не хотел с ним познакомиться, говорил, что успеешь. Так что вот тебе информация: это был рядовой Якушин Иван Сергеевич. Из Пскова. Шестьдесят пятого года рождения.

— Грузили в Баграме вчера в девять утра, — покачал головой Ваня Жигунов. — Навоевался чижик. Двадцать шесть часов с минутами... Говорил же пацану, каску на голову... А ты чего слюни распустил, малый? Куда, ты думал, тебя посылают? Это война.

— Пехота сраная, — орал бледный капитан из ВДВ.

Они не заметили, как он подошел.

— Новобранцы занюханые! Чижи! Долбоебы! Говнюки сопливые! Пехота сраная!

Какого хуя вас сюда присылают? Чтобы вас, блядь, отсюда в гробах вывозить? Справимся тут сами, мы, десант. Обойдемся без вас! Вы только балласт, чертов балласт, помеха.

— Мы знаем, — тихо и спокойно сказал Ломоносов, — знаем, товарищ капитан, что вы боитесь. И что реагируете на страх бессмысленным яростным гневом.

Капитан побледнел, хоть это казалось невозможным, еще больше. Его губы начали дрожать.

— Знаем, командир, — тихо добавил, сам себе удивляясь, Леварт, — что ты не психопат. Ты просто обыкновенный человек на войне.

Капитан перестал бледнеть, начал краснеть, стал похож на чайник, казалось, что вот-вот закипит. Но не закипел. Совершенно их огорошив, отвернулся и ушел. Один из сопровождавших его ветеранов из десантуры какое-то время смотрел на них и с недоверием крутил головой. Потом присоединился к первому.

— Еще раз... — Леварт глубоко вздохнул. — Еще раз так выскочишь — и не дождешься полевого суда. Сам тебя укокошу. Собственной рукой. Понял, Станиславский?

— Тем не менее, — улыбнулся Ломоносов, — красиво ты мне подыграл, прапорщик. Неплохой у нас получился дуэт.

— Заткнись. А вы, вояки, ко мне. Становись в строй. И представиться. Дорога дальняя, могу опять не успеть.

* * *

Машины гвардейской разведроты поочередно исчезали за поворотом дороги. Замыкающий колонну БТР, прибавив газу, попрощался с ними синеватым облаком выхлопов. Шум двигателей стих. Перестал шуршать скатывающийся по склону гравий. Вернулась тишина. Пронзительная, горная, афганская тишина. Придорожный КПП, такой же, как и все другие КПП в Афганистане, смотрел на них импровизированными амбразурами импровизированного, хоть довольно презентабельного на вид бункера. Бункер казался мертвым.

— Салам, шурави! — крикнул Ваня Жигунов. — Есть тут кто? На калитке? Эй! Мужики! Братва! Мы из пополнения!

— По тропинке вверх! — отозвался скучающим голосом бункер.

— И мы сердечно вас приветствуем! — Жигунов поправил эр-дэ и акаэм на ремне, посмотрел на Леварта. Леварт пожал плечами.

— По тропинке вверх. Значит, вверх. Шевелись, чижи!

Лавируя среди камней самых причудливых форм, тропинка вывела их прямо на позицию. Таковую же, как и все другие позиции Афганистана. Здесь они тоже не стали сенсацией. Солдаты на позиции едва удосуживались поднять голову при их появлении, а на приветствия отвечали взмахом руки, указывая направление. Взмахи направляли на блокпост, хитроумно выложенный из больших камней дот и окруженную венком из мешков с песком позицию утёса, крупнокалиберного пулемета НСВ.^[33] Они подошли к блокпосту, и сразу же все изменилось.

— Пополнение? Сюда, ко мне!

Зовущим оказался загорелый брюнет с биноклем на груди. Рукава его свободно расстегнутого мундира были закатаны, на ремне финский нож и пистолет в кобуре. С ним

были еще трое, в похожем обмундировании и экипировке. Леварт выпрямился, чтобы по уставному доложить, но брюнет, видимо, не был фанатиком устава. Он подошел, попростому пожал Леварту руку, простецким жестом поприветствовал остальных. Леварт, уже привыкший к такому обхождению, также, не кобеньясь, представил себя и остальное пополнение. Брюнет к пополнению присмотрелся критично, хмурия темные брови.

— А офицер? — спросил он. — Офицера не прислали? Сто раз докладывал, чтобы прислали на заставу кого-то со звездами на погонах. А вместо этого очередной рядовой. Да ты не обижайся, братан. Я тебе рад. Тебе и твоим. Салам. Здравствуйте. Послужим вместе, во славу Советского Союза, так сказать. За командира здесь я. Самойлов Владлен Аскольдович. Старший прапорщик Самойлов. Для друзей и равных по званию — Бармалей.

Леварта заинтересовало, откуда такая кличка. Старший прапорщик Самойлов, хоть и был крупным детиной, хоть черты его были довольно простоваты, однако вовсе не был похож на разбойника из иллюстрации к стихотворной сказке Чуковского. Но происхождение солдатских кличек часто расшифровать было очень трудно.

— Гушин, — Бармалей кивнул одному из сопровождавших его сержантов. — Забери пацанов. Двоих определи на «Руслана», троих дай на «Горыныча». И пускай там за них возьмутся и поспособствуют. Надо сделать из них боевых солдат, причем быстро.

— Не бойсь, — добавил он, видя выражение лица Леварта. — Дедовщины здесь у нас нет. Но молодых следует приучить. Если надо, то и по шее можно дать. Иначе не протянут тут и недели.

Сержант погнал молодняк из пополнения, не жалея для них ни окриков, ни солдатского мата. Бармалей снова заметил взгляд Леварта, снова покрутил головой.

— Нет здесь дедовщины, — повторил он. — И не будет, пока парадом команду здесь я.

Дедовщина, как называли террор и садистские методы, применявшиеся старослужащими, то есть дедами, по отношению к чижикам, молодым солдатам, — была настоящим бедствием в армии. И проклятием для новобранцев. Несмотря на многочисленные случаи самоубийств и дезертирства, вызванных дикостью дедов, было просто удивительно, что командование дедовщину терпело, смотрело на нее сквозь пальцы, а бывало, даже поощряло. Афганистан и военные условия ситуацию не изменили. В боевых подразделениях дедовщина цвела, дальше некуда, чижей постоянно били и унижали. Изменилась ситуация только в 1982-м, после происшествия в Кундузе в одном из батальонов 201-й МСД. Доведенный до крайности, молодой сержант ночью закатил гранату Ф-1 в палатку, в которой спали его мучители. Пять сержантов погибли на месте. С этого времени ситуация поправилась. Немножко.

— С вашего позволения, — Бармалей кивнул им, — я объясню, на чем мы тут сидим и чем служба одарила. Прошу на эн-пэ.

Территория, видимая из пункта наблюдения, напоминала подкову, с севера и востока ограниченную крутыми и скалистыми склонами гор, а с юга открытую на выющую серпантинном дорогу. Между дорогой и горами проходил ряд плоских холмов. На одном из них, том, что ближе к дороге, чуть ниже остальных, располагалась застава.

— Эта дорога, — показал Бармалей, — для наших очень важная. Поскольку связывает Кабул и Баграм с Джелалабадом. И с Асадабадом в провинции Кунар. А в этой стране так уж повелось: то, что важно для наших, является важным и для моджахедов. По тем же причинам, только противоположным. Поэтому вдоль дороги стоят КПП и заставы, в том

числе и наша. Под кодовым названием «Соловей». Место, где мы сейчас находимся, называется «Муромец», пункт командования заставой. Правое крыло, по восточной стороне, ближе дороги и ка-пэ-пэ, это блокпост «Руслан». Точкой командует присутствующий здесь Якорь, познакомьтесь.

— Авербах Яков Львович, — приложил руку к козырьку кепки невысокий и загорелый старшина, приветствуя Леварта. Выглядел старшина совершенно, как Людвиг ван Бетховен, если бы композитора постричь под бобрик и одеть в выгоревшую песчанку.

— Западный блокпост, — указал Бармалей, — тот, что вблизи обрыва, напротив выхода из ущелья, — это «Горыныч». Хозяйство Шипа, прапорщика Никиты Шипачева. Захарыч, а где Никита?

— Пьяный в жопу, — заморгал припухшими глазами сержант Захарыч. — Со вчерашнего дня. Дембель, однако.

— Ну да, — кивнул головой Бармалей, — я забыл. Шип и еще трое идут на гражданку. Такой ход вещей. Вы прибываете, они отъезжают. А так как смену ожидали еще позавчера, то уже три дня пьют. Так что ты, прапор, присмотришь к блокпосту «Горыныч». Поскольку должность командира на практике уже вакантна, то сразу там принимайся за хозяйство. Сержант Жигунов будет тебе помощником. Вы оба опытные воины. Это видно с первого взгляда, и спрашивать не надо. Так что, справитесь, припеваючи. А младший сержант... Как ваша фамилия?

— Станиславский Олег Евгеньевич.

— Младший и совсем зеленый сержант Станиславский остается с вами. Не буду вас разделять, потому что необычайно живописно вы скомпонованы как комплект. Пожалуйста, прошу в кают-компанию. Захарыч, у дембелей осталось что-то выпить?

— Разве что кишмишовка, — пожал плечами сержант. — Или брага.

— С вашего позволения, — Ломоносов снял эр-дэ и пошарил в нем. — У меня тут есть кое-что. Сувенир из Ашхабада.

При виде пол-литра «Московской» глаза Бармалея и Якоря заблестели, а Захарыч облизнулся. Быстро нашлись кружки. Налили, выпили, понюхали хлебную корку, вздохнули. Леварт решил, что пришло время вопроса экзистенциального значения.

— Скажите, — поднял он глаза, — как тут у вас?

Бармалей фыркнул.

— Как тут, спрашиваешь? Скажи ему, Якорь, как тут.

— Слева хуйня, — объяснил Яков Львович Авербах. — Справа хуйня. А посредине пиздец.

* * *

Как в хорошем фильме, уже первая ночь принесла массу впечатлений и доказала, что застава нужна, что расположена она именно там, где ей следует быть расположенной, одним словом, что она имеет полный и заслуженный смысл своего существования.

Как только пробило полночь, со стороны расположенного за дорогой ущелья сверкнуло, грохнуло, загремело, а ночь заполнил жуткий хохот стальных сборных осколков мин ОЗМ. [\[34\]](#) Из-за этого хохота их и прозвали «ведьмами». Из «Муромца» застрочил ПКМ, размечая темноту огненными стежками бэээтэшек. В отмеченную бэээтэшками цель с грохотом

вгрызся утёс, ^[35] а черное небо запылало осветительными ракетами.

— Не стрелять, — Леварт утихомирил возбужденных новичков. — Спокойно. Это не на нашем дозоре. Смотреть прямо, а не по сторонам. И ждать приказа.

Утёс снова зашелся грохотаньем долгой очереди. А потом наступила тишина. Медленно падали ракеты, рассыпая искры. Леварт взглянул на стоящего поблизости сосунка из пополнения, который судорожно сжимал АКМ и как-то странно подергивался. При ближайшем рассмотрении удалось выяснить причину: под юнцом спазматически дрожали колени. Прежде, чем догорела ракета, Леварт увидел слезы на его лице. Он плакал от стыда, не в состоянии совладать с дрожью.

— Ничего страшного, — тихо сказал Леварт. — Это сейчас пройдет.

Ночное происшествие как нельзя лучше проиллюстрировало те указания, которые Бармалей давал Леварту с вечера. Когда уже перешли друг с другом на ты.

— Видишь, Пашка, то ущелье за дорогой? Называется Заргун. И второе, по ту сторону дороги, напротив твоего блокпоста. Это Даври Джар. От ущелья к ущелью тянется душманская тропинка, путь, по которому они ходят из кишлака Дэх-и-Шахаб в кишлак Сара Кот. Иногда вовсе не для того, чтобы по нам ударить, а обычно себе путешествуют из кишлака в кишлак, бывает далеко не с военными намерениями. Но бывает и по-другому. Бывает, что это транспортируют из Пакистана через Хайберский перевал и Кунар оружие, которое предназначено для больших банд в Давлат-Шах и далее, в Нуристане в долине Панджшер. Оба выхода ущелий заминированы, у нас там растяжки, «ведьмы» и пэ-эм-энки. Духи об этом знают, поэтому обычно гонят перед собой баранов. А когда бараны подрываются на растяжках, тогда они пытаются прорваться из ущелья в ущелье. Ну а мы тогда их немножечко поливаем. Так, чтобы сноровку не потерять. В общем, нечего переживать.

«В общем-то, действительно, — подумал Леварт, глядя на ниспадающие ракеты, — нечего переживать. До рассвета пять часов».

— Иди спать, Ломоносов. Я останусь на позиции.

Ломоносов и не думал уходить. Стоял и как-то странно смотрел на него.

— Ты знал, — сказал он наконец. — Там, тогда, в колонне.

— Что в колонне?

— Ты знал о засаде. Предчувствовал ее. Интуитивно.

— Опыт, — холодно ответил Леварт, отвернувшись. — После нескольких месяцев в Афгане кожей чувствуешь...

— Я так не думаю, — Ломоносов не дал от себя отделаться. — Думаю, что это что-то большее. Думаю, что у тебя этот дар был уже на гражданке. Более того, он у тебя с рождения. И ты открыл его в себе еще ребенком.

— Что именно?

— Паранормальные способности.

Леварт помолчал какую-то минуту, глядя на очередную падающую ракету.

— В Советском Союзе, — наконец ответил он, медленно выговаривая слова, — нет никаких паранормальных способностей. Не существуют. У нас все нормально. Медицина находится на высоком уровне. И тут же вмешивается, если обнаружится что-то паранормальное. У того же ребенка. Медицина своевременно вмешивается и лечит. Есть специальные медицинские учреждения, в которых из паранормальных делают нормальных. Процесс этот бывает длительным и кропотливым, но, в принципе, всегда дает результаты.

Отсюда нормальность, которая так повсеместно и отовсюду говорит сама за себя в нашей социалистической стране.

— Знаю, что ты хотел этим сказать.

— Знаю, что знаешь.

— Сейчас уже не те времена. Интуитивные способности, ясновидение и экстрасенсорное восприятие наука признает и исследует. Новейшие исследования...

— Станиславский!

— Что?

— Отъебись от меня.

Осветительные ракеты падали медленно, с достоинством, как низвергнутые с небес взбунтовавшиеся серафимы.

* * *

Ефрейтор Белых, которого все звали Валерой, и который сам хотел, чтобы его так называли, был родом из Москвы. Леварт понял это еще до того, как Валера представился. Ибо эту модель производила исключительно столица. Невысокий, худой и сухолицый, несмотря на молодой возраст, с редкими волосами и недостающими зубами, с постоянно прищуренными глазами, Валерий Семенович Белых был настоящим сыном темных московских переулков, ворот и подъездов, типом, которого лучше было не встречать, когда смеркнется, в парке Горького или в Сокольниках. Леварт придерживался мнения, что таких столичных типов, как Валера, не должно встречать нигде, кроме Воркуты. Свое мнение он, как обычно, скрывал, не желая, чтобы оно воспринималось как проявление тривиальной антипатии между Москвой и Питером. В Афгане он уже успел насмотреться на таких, как Валера, которые были, в общем, сильны только на словах или в группе себе подобных. Он знал, как с такими себя вести.

— Послушай, ты, говнюк, — процедил он сквозь зубы, оттягивая Валеру в сторону. — Ты мне тут не выпендривайся и не корчь из себя старого афганца. Не на такого нарвался. Я тебе не зеленый прапор только из учебки, которого ты думаешь вокруг пальца обвести. Я тринадцать месяцев за речкой. Я был в боях, которые тебе даже и не снились, а таких, как ты, пачками на броне свозил на базы. Давай договоримся: если будешь знать свое место, пролетит нам служба, как вечеринка в доме культуры. А если будешь ломаться и ставить мне палки в колеса, то дни до дембеля тебе так обрыднут, что синим будешь плакать, а красным будешь какать. Ты меня понял?

Валера легко кивнул головой, но прищуренных глаз не опустил. Леварт схватил его за грудки, коротким движением головы показал на новичка с расквашенным носом.

— Особенно, если еще раз молодого ударишь, — прошипел он, — то, курва, пожалеешь. Понял? Ефрейтор Белых! Смирно! Приказ понятен? Выполнять!

— Есть выполнять, товарищ прапорщик!

Состав блокпоста «Горыныч», в котором объединялись один дот и две соединенные между собой огневые позиции, насчитывал двенадцать солдат, одних рядовых, под временным командованием ефрейтора Белых. Основным огневым средством на каждой позиции был ПКМ, подкрепленный двумя ручниками и одним РПГ-16. Сейчас, после пополнения, после того как Леварт призвал к порядку ефрейтора, личный состав

«Горыныча» увеличился до семнадцати. Одну позицию Леварт распределил за Ваней Жигуновым, отдав ему под командование Валеру, командование другой принял сам, оставив с собой Ломоносова.

Блокпост, когда они на него только пришли, являл собой картину нужды, отчаяния и упадничества. Смердел уже на расстоянии десятка шагов. С такого же расстояния сверкал, словно Лас-Вегас, десятками блестящих банок из-под консервов, которые солдаты, вместо того, чтобы убирать и закапывать, беспечно вышвыривали на предполье. Везде валялись грязные тряпки, бумаги и втоптаные в землю обрывки одежды. Везде были также разбросаны цинки, то есть пустые жестяные ящики для боеприпасов, которые солдаты считали очень полезной вещью, имеющей различное применение. В такой цинк, находясь на позиции и не имея возможности оставить ее, можно было пописать или даже испражниться. Можно было в цинке заварить чай или приготовить суп, побеспокоившись, чтобы раньше этот цинк не был использован для иных целей. В цинке получалось замешать и забродить кишмишовку. Тут уже было безразлично, для каких целей служил цинк раньше, потому что вкус кишмишовки — отвратительной бражки из сушеных фруктов — уже и так нельзя было ничем ухудшить. Использовался цинк также для азартных игр, в качестве жестяного микрозаменителя Колизея: вбросив в нее два скорпиона, два верблюжьих паука, либо по одному каждого вида, можно было поиграть, делая ставки на результат поединка.

Леварт был безразличен к играм и развлечениям, а на бардак просто не мог смотреть, так что вскоре весь рядовой личный состав поста, включая Валеру, убирал территорию истинно стахановскими темпами. Проходящий мимо Бармалей одобрительно покивал головой, даже присел на минутку, чтобы посмотреть. И поговорить заодно.

— Что там случилось с вашим офицером? Был же у вас такой?

— Замочили мы его, — фыркнул Бармалей. — Пуля в спину. Как вы вашего старлея на «Неве».

— Быстро, ничего не скажешь, слухи разошлись.

— Конечно. В этом деле на Картера можно положиться. Это шоферюга из автобата, заглядывает сюда со снабжением. Заехал за дембелями, при случае сплетню притаранил. А если серьезно, то наш лейтенантик пропал без вести.

— В бою?

— Нет. Просто, вечером был, утром исчез. Искали мы, искал спецназ, шмонали по кишлакам, перерыли все ущелья, заглянули в каждую дырку. Никаких следов. Прошло уже три недели, значит, надо нам снять лейтенанта Богдашкина с учета. И ждать, пока другого пришлют. Поскорее бы. Пока что я тут за командира, но, если честно, тяжеловата для меня эта ноша. Ответственность, понимаешь?

Леварт понимал. Однако был убежден, что Бармалей хочешь не хочешь должен будет окрепнуть для ноши и что от ответственности его никто не освободит. Личный состав, насчитывающий в данный момент пятьдесят шесть человек, неполная рота, был уже его ротой. В афганских условиях это не было чем-то необычным. Продвижение по службе предопределял опыт, вверх по лестнице должностей шел тот, кто выжил и дал выжить подчиненным. Ротами командовали рядовые и сержанты, после почти пяти лет войны в Афгане это уже никого не удивляло. Удивляло как раз совсем другое: отсутствие заместителя по политическим делам.

— Наш замполит? — когда Бармалея об этом спросили, он как будто удивился такому вопросу. — Наш Лазаретик? В Кабуле, как обычно. Болен, как обычно. Пожалуй, желтуха на

этот раз. Болезненный, бедолага. У него, как говорится, постоянно невезуха — не понос так золотуха. В Афгане неполный год, а уже всем переболел. Тиф, малярия, бактериоз... Всем, говорю. Оттого мы и окрестили его соответственно: наш любимый Лазарь.^[36] Уменьшительно — Лазаретик. Может, познакомишься с ним, когда вернется в перерыве между болезнями.

— Я не удивляюсь, — прокомментировал Ломоносов позже, когда Леварт поделился с ним содержанием разговора. — Болезнетворно, извини за прямоту, все здесь выглядит. Спишь там, где ешь, ешь там, где выделяешь. А ешь это. Посмотри.

— Скумбрия в томатном соусе, — прочитал Леварт на поданной ему банке. — Предприятие по производству рыбных консервов «Конрыбпроизвод», Белгород. Срок годности — полтора года. Дата изготовления... 1959 год. У тебя какие-то пораженческие настроения, Ломоносов. Я эти красные рыбки ем уже год и ничего со мной не случилось. Даже понравился этот вкус. Тебе тоже понравится.

— Этого, собственно, я больше всего и боюсь.

* * *

Бармалей, Якорь и остальные ветераны «Соловья» убеждали, что ночные тревоги и канонады — вещи не такие уж частые и никогда не случаются две ночи подряд. Вопреки заверениям, вторая ночь на заставе, равно как и первая, была нарушена взрывами мин, на этот раз в ущелье Даври Джар, том, что поближе к «Горынычу», на дозоре Леварта. Леварт событие предчувствовал, уже с вечера приказал Ване Жигунову сесть за ПКМ. Когда все началось, Ваня был готов и сосредоточен, рубанул по взрывам длинными очередями, трассирующими пулями указывая цель остальным. На этот раз моджахеды ответили огнем, пули засвистели мимо ушей, а вспышки в темноте открыли местоположение стрелков, некоторых значительно ближе к позиции, чем можно было ожидать. Поэтому Леварт отдал приказ и при свете падающих осветительных ракет блокпост «Горыныч» вжарил со всех орудий. «Горынычу» подсобил утёс из «Муромца». Остальные на заставе в бой не вступали.

— Прекратить огонь!

— Есть прекратить! — выкрикнул солдат, находящийся ближе всех. Леварт отметил, что это тот, который вчера дрожал от страха и плакал от стыда. Сегодня ему стыдиться было нечего. Ракеты падали, заливая предполье жутким трупным сиянием. Вонял кордит.^[37]

* * *

Валера смотрел на Леварта, переступая с ноги на ногу. Вместо уставных кирзовых сапог он был обут в подделки спортивных «адидасов», производимых в городе Кимры, Тверской области. В афганских условиях «кимры» очень хорошо себя зарекомендовали и пользовались огромным спросом.

— Что? — приставил Валера руку к уху, как будто не расслышал. — Идти? Куда это?

— На предполье, — терпеливо повторил Леварт, вместо того, чтобы тут же обложить ефрейтора матом. Утро было исключительно красивым, солнечным, не хотелось портить его скандалом.

— А какого... хера? — не отступил Валера. — То есть, так сказать, какого черта? Чего туда лезть? Товарищ прапорщик?

— Готовность пять минут, — Леварт ленивым движением согнул в локте руку с сигаретой. — Повторять не стану.

Валера, прикинув, что будет лучше притвориться послушным, сделал смиренно-невинное выражение лица. Ну просто вылитый кот, который насрал за телевизором.

— Есть, пять минут!

И появился пунктуально с «лифчиком» на груди и с калашниковым. Вместе с другим солдатом, вооруженным драгуновым. [\[38\]](#)

— Козлевич, — плутовато улыбаясь и потягивая носом, объяснил Валера. — Хорошо управляется с эсвэдэшкой. Если идти, то уж лучше со снайпером. А? Прапорщик?

— Верно, — Леварт коротко кивнул, сунул за ремень свой недавно полученный короткий калибра 5.45-мм АКС-74У, который солдаты прозвали ласковым словом «ксюша». — Пошли. Ты иди впереди, ефрейтор. Ломоносов, не вырывайся. Держись возле меня.

Они перешли через усыпанное камнями предполье. Валера опередил их, в своих кимрах легкий и прыгучий, как горный козел. Подождав остальных, указал впереди себя, налево и направо.

— Внимание, — предупредил он, — путанки. Там и там. Мы должны пройти между ними.

Шли, осторожно переставляя ноги. МЗП, малозаметные препятствия, матрасы из пружинящей стальной проволоки, которые солдаты называли путанками, было действительно чертовски трудно заметить. Были они похожи на ковер из мха или лишайника. Вступить в эм-зэ-пэ означало запутаться и завязнуть намертво. Без помощи товарищей, ножниц для проволоки и пассатижей выбраться из этой хренотени было невозможно. В путанке вязло все: люди, животные, машины и даже танки.

— А ну, Козлевич... — Валера остановился, стал на колени. — Зыркни-ка там в свой телескоп.

Козлевич приложил приклад к плечу, приблизил глаз к оптическому прицелу, прицелился в сторону ущелья Даври Джар, потом за дорогу, в сторону ущелья Заргун. Леварт знал, что снайпер родом из Вильнюса, жил в Москве, а кличкой был обязан одному из героев книжки Ильфа и Петрова.

— Ничего, — сообщил он. — Ни души, ни духа.

— Прекрасно, — оценил Валера. — Можем идти. Внимание. Смотреть под ноги!

— Мины? — спросил, уже несколько запыхавшись, Ломоносов. — Так близко? Я думал, что поле подальше...

— В этой стране, — резко оборвал его Валера, — мины путешествуют. Такая у них скверная привычка. Раз здесь, раз там. А чаще всего там, где их меньше всего ожидаешь. Ну что, командир? Хватит прогуливаться?

— Я скажу, когда хватит. Веди, ефрейтор.

Шли. Козлевич время от времени через прицел осматривал ущелье и склоны. Валера оглядывался, высматривал что-то. Принюхивался.

— Тянет тротилом, чувствуете?

Он повернул за камни, через минуту вернулся.

— На одного чумазого меньше, — захохотал он, демонстрируя найденную сандалию. —

Бандюга подорвался на «вдове».

— Это только сандалия, — заметил Ломоносов. — Может, просто кто-то потерял.

— Стопа тоже там была, оторванная выше щиколотки. Ее я не принес, потому что я брезгливый. Еще много крови видел на камнях. Могло быть больше, чем один, трудно сказать. Духи своих убитых забирают... А там... Видите? Кровь, обрывки чалмы или халата. Ха, говорил я — «черная вдова»!

Леварт знал, что черными вдовами солдаты называли мины ПМН. Поскольку контакт с этой миной часто имел последствия такие же роковые, как и с пресловутым пауком.

— Суки! — вдруг закричал Валера. — Выкопали! Суки поганые, чтоб вам...

— Что там?

— Забрали мины, — указал Валера, красный от злости. Вот: здесь, там и там. Видите ямки? Это не от взрывов. Выкопали. Выкапывали, как картошку, прежде, чем какая-то взорвалась. За этим вчера сюда и приходили. Забрали и сейчас ставят где-то в другом месте, сволочи. На наших, понятное дело. Давай возвращаться, командир.

— Вернемся, когда отдам приказ. Что там?

— Там? — Валера сдвинул панаму на затылок. — Расселина. Ущелье, можно сказать. Узкое, длинное, но глухое. В общем, дырка в скале, ведущая в никуда. Духи туда не ходят. Никто туда не ходит.

— Ну а мы таки пойдем, — Леварт холодным взглядом задушил оппозицию в зародыше. — Проверим это ущелье.

— Лейтеха Богдашкин, — прижмурил глаза Валера, не думая сдаваться, — тоже лазил, где не надо. Проверял, так сказать, чего не надо. И плохо кончил. Интересно, прапорщик, что тебе суждено.

— Иди вперед, Белых.

— Это лазанье, — Валера двинулся вперед, но брюзжать не прекратил, — хреново может кончиться. Получить пулю — это дело солдатское. Но мина... Она и ногу и яйца отрывает. Без ноги хреново, а без яиц... Тьфу, тьфу.

Леварт не дискутировал, демонстративно пропуская мимо ушей Валерино нытье. Валера видел это.

— А живьем попасть духам в руки, господи... Бандюги кинжалами отрежут от тебя все мягкое, что можно отрезать. Режут понемногу, твари, потихоньку. Что отрежут, в ведро бросают. Ты, прапор, в Афгане давно уже, так что, наверное, не раз приходилось по кишлакам видеть такие ведра. И не дрейфишь? Ну-ну... А вот и ущелье.

Ущелье в самом деле было очень узким, в тесном проходе между скалами с трудом помещались двое плечом к плечу. Вертикальные стены, казалось, сходились вверху, разделенные тонкой светлой полоской неба. Дальше разлом в скале становился чуть шире, лазурь неба была виднее, становилось светлее. Дно заполняла осыпь, а также оползни валунов, обветренных камней и гравия, который скрипел под ногами. Ломоносов заметил что-то между камней, сделал шаг, наклонился. И тут же испуганно отскочил.

— Змея.

— Кобра, — закричал Валера. — Осторожно, кобра!

Леварт действительно заметил движение между камнями. Что-то там было желтое, золотистое. И по-змеиному извивалось, быстро от них удаляясь.

— Всем отойти! — Валера вытащил из «лифчика» осколочную РГН. — Отойти и укрыться!

Он схватил чеку гранаты, но не успел ее выдернуть. Леварт схватил его за руку. Как раз в то мгновение, когда Ломоносов поднял руку.

— Это не кобра, — предупредил он. — Эта змея наверняка не ядовита. Не опасна.

— Змея есть змея, — Валера сцепился с Левартом. — Ненавижу змей! Зафигачу ее пока не убежала. Пусти, прапор!

— Спрячь гранату!

Змея не убежала. Удалившись от них на какой-то десяток шагов, остановилась. Свернула. И подняла голову.

Леварт невольно вздохнул, увидев плоскую голову, сегментированный зоб и быстро двигавшийся раздвоенный язык. И глаза. Золотые. С черными вертикальными зрачками.

Он сделала шаг. Змея выше подняла переднюю часть тела и пронзительно зашипела. Золотисто-желтая чешуя заблестела на солнце.

— Ломоносов!

— Что?

— Ты уверен, что это не кобра? Не что-то ядовитое? Ты ведь ботаник, а не герпетолог.

— Знаю о змеях достаточно много. Это не кобра.

— А что же тогда?

— Не знаю. Возможно, полоз... Из семейства ужеобразных.

Полоз из семейства ужеобразных по-прежнему не думал убегать. Легко покачиваясь, неподвижным взглядом он пялил в Леварта свои золотые зенки. Леварта передернуло. Не отрывая взгляда от змеи, он сделал шаг назад. Споткнулся. Ломоносов его поддержал. Леварт затрясся, словно его облили водой. Потом потряс головой, чтобы освободиться от назойливого звона в ушах.

— Идем, — выдавил он из себя. — Возвращаемся.

— И оставляем змею живой, — прокомментировал язвительно Валера, поправляя акаэм на ремне. — Если ты, прапор, такой жалостливый ко всяким гнидам и паразитам, так что ты в Афгане делаешь?

Леварт не ответил. Голос Валеры не доходил до него. Его заглушали мысли.

* * *

Ночь прошла спокойно. Но не для Леварта, который до рассвета глаз не сомкнул. Он не мог уснуть. Его преследовал образ золотой змеи, мертвый взгляд ее золотых глаз.

Утром он пошел к расселине.

Один.

* * *

Он был более чем уверен, что ее там не увидит. Было все еще холодно, солнце над горами висело низко, затемненное мутным утренним туманом. Рептилии, сам себя убеждал он, не теплокровные, они не переносят холода, прячутся от него. Змея, как постоянно называл он ее в мыслях, наверняка где-то спряталась. Может, вообще уползла из оврага.

Змея не спряталась и не уползла. Совсем наоборот, казалось, будто она ждала его.

Свившись в клубок на плоском камне, она встретила его, подняв голову и зашипев. Ее взгляд привел его в дрожь.

Неподвижно застыв, змея смотрела на него. Ее золотистая чешуя поблескивала на солнце.

Леварт тоже смотрел.

В ушах стояло навязчивое жужжание, словно гудели пчелы, которых потревожили, постучав по улью.

* * *

Полоз ведет себя неестественно, согласился Ломоносов. Слушая рассказ о совершенной в одиночку экспедиции к ущелью, ботаник присматривался к Леварту странно и многозначительно, но не комментировал. Высказался только тогда, когда его прямо спросили, каково его мнение. Он рискнул выдвинуть гипотезу, что рептилия может быть больна. Или очень голодна. Или и то и другое, поскольку из-за болезни невозможно охотиться и иметь добычу. Ботаник обратил внимание, что в окрестностях нет никакой живности. Ни ящерицы не встретишь, ни суслика, ни даже мыши. Змея, сделал он вывод, должно быть сильно проголодалась.

— Может, ее подкормить? — поинтересовался Леварт. — Дать ей что-то? Принести и бросить?

Ломоносов посмотрел ему в глаза. Со странным выражением лица.

— Ты серьезно?

— А что?

— Влияние войны, как пить дать, влияние войны. Долгая изоляция от естественности, от нормальной жизни. Подсознательные поиски суррогата...

— Что ты несешь?

— Ничего. Пойдем, обеспечим провизию твоей змее.

* * *

Водитель Картер, хоть типичный рубаха-парень, никому не говорил ни свою фамилию, ни имя и отчество. Родом был якобы откуда-то из-под Воронежа. Использовал исключительно грубый словарный запас. Не признавал военную дисциплину. Всегда носил темные очки, уродливую пластмассу лилово-румяного цвета, импорт из Польши. Два передних зуба его были золотые. Могло быть и больше, он выбил их об руль, когда его ГАЗ-66 наехал на мину под Бараки Барак. На «Соловье» бывал раз в неделю, иногда чаще, попутно, когда ему выпадал маршрут в Джелалабад. Доставлял амуницию и оборудование. Доставлял также все, что ему заказывали. Имел доступ к таможенным складам и хранилищам Военторга, имел контакты с контрабандистами; сколотив шайку вместе с еще несколькими шоферюгами, монополизировал спекулятивный бизнес в долине реки Кабул, в провинции Лагман и Нангархар. Чего бы только кто не пожелал: японский спальный мешок, туалетную бумагу, теплые носки, «Плейбой», колоду карт с голыми бабами, сигареты «Золотое руно», швейцарские часы, шоколад, водку или героин — все Картер был готов

доставить. По грабительской цене, надо понимать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Леварт и Ломоносов навестили Картера, когда тот, распределив товар клиентам, готовился к отъезду и осматривал состояние шин своей потасканной «шишиги». При их появлении он улыбнулся, рассыпая во все стороны отблески своих золотых зубов. Цель их визита угадал сразу.

— Что надо? Чего начальство желать изволит? Говорите, достану. Договоримся...

— Мне нужна крыса, — прервал его Леварт.

Улыбка Картера исчезла. В мгновение ока. Так, как исчезает стодолларовая купюра, положенная на стол служащего в паспортном отделе.

— Шутите?

— Нет. Мне нужна крыса.

— Какая, на хуй, крыса?

— Крыса, — спокойно вмешался Ломоносов. — Раттус норвегикус. Наверняка, хорошо тебе известная. Если не по научному названию, то по внешнему виду. Когда просыпаешься в своей родной стороне, это первое, что видишь, протерев глаза. Сидит на кухонном столе возле пустой бутылки и остатков ужина, шевелит усами, потирает лапками уши, скалит зубки и таращит свои маленькие черные глазенки. Это, собственно, и есть крыса.

Картер сам вытаращил глаза. Потом сильно покраснел.

— Чего-о-о? — заорал он. — Чего-о-о-о-о? Ка-а-а-ак? Ты меня... Ты мне... А-а-а, интеллигент ебаный! А-а-а, выискался! А пошел ты в пизду на хуй! Вместе со своей крысой! Валите! Пошли на хуй! Оба! Пидарасы!

— Спокойнее! Не надо, — Леварт сдержал Ломоносова. — Держи себя в руках, товарищ водитель. Сам говорил, что доставляешь по заказу все, что начальство пожелает. Начальник пожелал крысу. Товар есть товар. Взгляни-ка! Хороша вещичка, а? И фирменная.

Увидев летные противосолнечные очки со стеклами темно-янтарного цвета, Картер облизал губы и рефлекторно сжал пальцы.

— Настоящие? Не подделка?

— Написано: Поляроид. Читать умеешь?

— И я их получу за крысу?

— Ты, видать, браток, еще не протрезвел, — снова вмешался Ломоносов. — Достанешь десять крыс. По две в неделю. Очечки получишь после осуществления первых двух поставок. Годится?

— Примерить можно?

— Можно.

Картер напялил поляроиды на нос, долго рассматривал свое отражение в боковом зеркале грузовика. Под разными углами. Наконец его лик засиял улыбкой, сначала осторожно кривоватой, а потом во всю ширь его выщербленного золота.

— Эти крысы, — спросил он, — какой должны быть масти?

* * *

Картер доказал и подтвердил свою репутацию; первую крысу, бурую мерзость, доставил уже через два дня и заверил, что имеет выход на остальных. Но если шофер-спекулянт

оправдал себя и не подвел, то змея обескуражила и, что там говорить, просто разочаровала Леварта. Когда он пришел в ущелье и принес за хвост крысу, змея вообще не показалась, хотя он прождал больше часа. Положив грызуна на плоский камень, он отошел, пытаясь самого себя убедить в том, что это нормально и естественно, что змея из ущелья — это не экспонат, выведенный в террариуме, и нечего ожидать, что он будет вылезать за кормом и есть с руки. Что вообще неизвестно, захочет ли она хотя бы притронуться к пропитанной человеческим запахом падали. Убедить себя удалось, но на долго его не хватило. После обеда он не выдержал и пошел, чтобы проверить. И, что тут скрывать, при виде нетронутого грызуна, лежащего там, где он был оставлен, Леварт почувствовал горечь и совершенно иррациональную злость.

Овладел собой он быстро. Решил убрать крысу с плоского камня и занести глубже в ущелье, в самый конец, к тому месту, где оно становилось настолько узким и тесным, что доступно было разве что только змее. Он подошел и протянул руку.

Змея выстрелила неизвестно откуда, не к крысе, а к Леварту, прямо в его глаза. Он испуганно бросился назад, споткнулся и с разгона полетел на землю, АКС сполз с его плеча. Стирая о гравий штаны, Леварт панически пятился, а рептилия сунулась за ним, высоко подняв переднюю часть туловища. Ее раздвоенный быстродвигающийся взад-вперед язык едва не касался его лица. Парализованный от страха он посмотрел в глаза змеи. И совершенно одеревенел. Окаменел. Единственное, что в нем, казалось, еще жило, было сердце, которое громыало в груди, как паровой поршень.

Змея поднялась еще выше, сейчас, когда он сидел отклоненный, она возвышалась над ним, смотрела на него сверху, гипнотизируя своими колеблющимися движениями. Вдруг она пронзительно зашипела, выгнулась в букву «S» и атаковала. Быстрым, незаметным глазу движением, настолько молниеносным, что Леварт даже не успел испугаться. Мчащая в атаке голова остановилась только перед его лицом. Змея открыла пасть, и Леварт увидел ядовитые зубы. Маленькие, но, вне всякого сомнения, ядовитые.

В голове у него зазвенело и зашумело, в глазах потемнело, а потом вспыхнуло, замелькало вдруг тысячью быстро пролетающих, беспорядочных, рассыпающихся, как в калейдоскопе, картин. Змея раскачивалась, медленно и мягко, просто успокаивающе. Он водил взглядом за ее глазами, чувствуя во рту сухость. Сухость ужасную и хорошо знакомую. Так у него сохло во рту в самые страшные моменты боя. Когда смерть была так близко, что между ней и собой не втиснул бы и копейки.

Рептилия вдруг отвела голову, и чары развеялись, связь разорвалась, он почувствовал, что может шевелиться. Но не пошевелился.

Змея грациозно мелькнула между камнями, шурша чешуей, вползла на оставленный АКС, свилась на прикладе и магазине. Угрожающе зашипела и закачала головой. Леварт проглотил слюну.

— Нет... — выдавил он из себя. — Я бы не выстрелил... В тебя. Никогда.

Змея приподнялась, совершенно так, будто слушала. Снова грациозно закачалась, более плавно. Потом сползла с акаэса, отползла к плоскому камню, молниеносным движением схватила крысу. Поднялась со свисающим из пасти грызуном, посмотрела на Леварта. И быстро удалилась. Исчезла.

Леварт поднялся чуть погодя.

Ночные чередования огня со временем прекратились, наконец можно было до рассвета спокойно выспаться. Под конец даже сам Бармалей признал, что застава оказалась действительно спокойным местом службы.

— Жить тут можно, — заверял он. — Вообще-то я предпочел бы лучше такую службу, а не гонять по горам вокруг Баграма и выплевывать легкие на кручах под Теплым Станом. [\[39\]](#) Я свое уже выбегал, заслужил покой и отдых. Так что наслаждайся, Паша, покоем, пока он есть.

Действительно, через пару дней на заставе стало так спокойно, что даже скучно. Было бы совсем скучно, если бы не патрулирование.

От оптического наблюдения за верхушкой горы над ущельем Заргун Леварт отказался. Не обнаружил он там ничего, никакого силуэта, ни малейшего движения. В сущности, никогда там ничего не обнаруживал, ни разу, ни на одном патрулировании, за двенадцать дней службы на заставе. Наблюдение за этим местом превратилось в рутину и начало надоедать. Леварт тщательно избегал рутинной работы, хорошо зная, чем грозят рутина и безразличие. В этом отношении Афганистан уже успел преподать ему несколько весьма болезненных уроков. Он знал, что ущелье Заргун было угрозой, и его следовало остерегаться.

Поддавшись непреодолимому импульсу, поистине магнетическому притяжению, он повернулся и направил бинокль в сторону обрыва и ущелья. Еще до того, как в поле зрения попал конец оврага, он уже упрекал себя за то, что делает, понимая его бессмысленность. Ясное дело, что змею он не обнаружил, не мог обнаружить. Но это не помешало ему всматриваться в горловину яра более минуты. А потом разочароваться и разозлиться. На то, чего не увидел.

— Ну что? — поинтересовался, стоявший рядом на коленях Ломоносов. — Увидел что-нибудь?

— Я бы сказал, если б увидел, — Леварт опустил бинокль и выпрямился. — Конеч вылазки. Скажи Валере, пусть соберет людей. Возвращаемся на блокпост.

Патруль строем покинул холм. Шуршали осыпающиеся по склону камешки.

— Станиславский!

— Я.

— Что, по-твоему, змея делает в том яру? Почему она постоянно там?

Ломоносов поправил ремень акаэма и посмотрел на Леварта. Смотрел долго.

— Спрашиваешь, как я понимаю, вполне серьезно?

— Совершенно серьезно.

Ломоносов сделал шаг в сторону, наклонился, поднял что-то с осыпи, может быть, какой-то маленький камушек. Леварт сердито покрутил головой. Ему уже осточертело каждый раз предупреждать ботаника о минах. Но все еще злила его беспечность.

— Твоя змея, — сказал Ломоносов, рассматривая находку, — это хранитель ущелья. Она охраняет его от непосвященных. От варваров.

— Не по-онял!

— Согласно классической картине мира, — начал излагать бывший ученый, — змея является стражем сокровища, хранителем тайны, охранником у входа в страну мертвых. Как и покровитель нашего блокпоста, наш русский Горыныч, который, как известно, тоже Змей. Впрочем, всю нашу заставу, как ты мог заметить, каждый ее элемент, кодовыми обозначениями наделил какой-то любитель русских былин и российской романтической литературы. Возвращаясь к Змею Горынычу, он охраняет...

— Калиновый мост над огненной пропастью, ведущий в Тридесятое царство, расположенное за тридевять земель... — закончил Леварт. — Я тоже читал кое-что, и былины и русских романтиков. Признаюсь, что, задав вопрос, я рассчитывал услышать не сказки, а толковый ответ...

— Ответ был настолько же толковый, насколько и вопрос, — нисколько не смутился ботаник. — Твоя змея — это хранитель.

— Чего? Камней?

— Конечно, с большой долей вероятности, — Ломоносов продемонстрировал ему свою находку, черный камушек с красивым полосатым узором. — Это, к примеру, оникс. Декоративный камень, полудрагоценный. Он обладает ценностью. Лежит себе, а мы по нему топчемся. А знаешь ли ты, что Гиндукуш скрывает под землей? Что вывозили отсюда захватчики с незапамятных времен? Назову только несколько: изумруды, рубины, лазуриты, агаты, бериллы. Твоя змея, Павел, охраняет эти залежи и сокровища. Чтобы к ним не добрались и не захватили в свои лапы очередные варвары и грабители, напавшие на эту страну. Всегда с одними и теми же лозунгами на устах. Прогресс, развитие, интернационализм, братская помощь, свобода, демократия. А ведь всех интересуют, собственно, эти изумруды. Рубины и ляпис-лазурь. Золото, медь, уран, железная руда, газ, цинк, литий, боксит, барит, все, что хотят грабануть и украсть в этой стране, что хотят вырвать у этой земли. От них охраняет сокровища твоя змея. А ты...

— А ты смотри под ноги, блядь! Здесь мины! Сколько раз я должен повторять?!

* * *

Утром, когда солнце уже над вершинами, Гиндукуш, словно бабочка, выключнувшаяся из куколки, демонстрирует все свои цвета и оттенки. Хвастается ими.

Внизу, у своего основания, горы похожи на смятую упаковочную бумагу. Грязно-бурые, серые, покрытые древним пеплом. Похожим на светлый пепел жертвенных костров. Как пепел фимиама оракула. Как пепел из урн.

Выше, над этой пепельной серостью, тянется полоса тенистого мрака, можно сказать, черноты. Угнетающей и траурной черноты. Это тоже пепел, но это пепел пепелищ, чернота обугленных зданий, чернота смытых дождем комочков, оставшиеся после аутодафе. А над всем этим на фоне ослепительной синевы неба возносится, словно мираж, словно видение, настоящий Гиндукуш — голубой, искрящийся льдом, переменчиво прозрачный, призрачно нереальный. Слово видение, доступный только глазам. И воображению.

Голубой Феникс, восставший из пепла.

Змея лежала на плоском камне, аккуратно свернувшись в клубок. При виде Леварта она подняла голову. Казалось, будто ждала его. Казалось, будто приветствовала его, вглядываясь в него своим золотым, мертвым, зловещим взглядом. Он посмотрел ей прямо в глаза. Без страха и с готовностью.

В голове у него зашумело, зазвенело, зажужжало тысячью разгневанных пчел. В потемневших на мгновение глазах вдруг вспыхнули и замелькали мириады беспорядочных калейдоскопических картин, которые неожиданно превращались в разноцветное стеклянное крошево, после чего тут же снова становились картинами. Совершенно другими.

И сквозь каждую картину, сквозь каждое видение, сквозь каждый мираж неустанно смотрели в него, пробиваясь, как водяные знаки, злые и всезнающие глаза змеи. Он видел их даже тогда, когда зажимал глаза.

В ушах пульсировали удары барабана, слышались отрывки далекой музыки. Вдруг он обнаружил себя в Египте, возле Табы, слышал извечную жалобу колосса Мемнона, слышал, как статуя звенит и поет своим естеством, трескающимся под лучами восходящего солнца. Слышал «голос небес» органов Собора Парижской Богоматери на острове Ситэ. Слышал, как порывы ветра трогают струны анемохордов,^[40] Эоловых арф, заставляя звучать их в утонченном, идеально гармоничном хоре.

Не успел он удивиться, откуда к чертям этот Египет и откуда этот Париж, как хор Эоловых арф нарушил звук трубы. Которая играла то ли сигнал сбора, то ли сигнал отбоя. Не успел он над этим поразмыслить, как труба резко изменила тон и перешла в кавалерийский сигнал, команду на рысь.

Come fill up my cup, come fill up my can,
Come saddle my horses and callup my men;
and to the West Port, and let us be free.
And some wear the bonnets of Bonny Dundee!^[41]

Вокруг застучали копыта, замелькали фаланги, атласные бока и хвосты. «Один из этих коней мой, — подумал он. — Мой тесальский вороной, черный, как ночь, а что касается красоты и силы, уступающий разве что только царскому Буцефалу. Мой аргамак,^[42] который зовется Зефиос, Западный Ветер. За него было заплачено на рынке в Ларисе семьсот драхм сумму, за которую там тогда можно было бы купить пять невольников. Конь, который нес меня в атаку в битве при Иссе.^[43] Который спас мне жизнь в битве при Гавгамелах.^[44] Зефиос, вороной жеребец, вожжи которого я держу в руках...»

Леварт смотрит и с изумлением констатирует, что в руках он ничего не держит. Что его предплечье, вместо длинной кожаной повязки и бронзовой браслетки, как это было еще мгновение тому, сейчас обтягивает рукав мундира цвета хаки, с шевроном и латунными пуговицами на манжете. Что скачущие рядом всадники носят пробковые шлемы, короткие обшитые тесьмой куртки и брюки с лампасами. Батарей «Е», Королевская конная артиллерия, эскортирующая свои девятифунтовки.

There hills beyond Pentland, and lands beyond Forth,
If there's Lords in Lowlands, there's Chif's in the North;
There are wild Duniewassals three thousand times three.
Will cry «Hoigh» for the bonnets of Bonny Dundee!

— Друммонд, *old fellow*, подгони солдат! Марш! *By Jove!* В таком темпе мы к ночи в Кветту не успеем.

— Марш, солдаты, бегом марш! Пошевеливайся, Шестьдесят Шестой!

Пчелиное жужжание достигло своего апогея в высоком крещендо. А мираж вдруг лопнул и рассыпался в калейдоскопический узор. Снова была пустая расселина, каменистая осыпь. Почти сходящиеся высоко стены и голубая полоска неба между ними.

И плоский камень, на котором еще недавно лежала змея.

* * *

— Станиславский!

— Я.

— А у змеи... Есть ли у нее способности... Известны ли науке случаи... Возможно ли, чтобы змея загипнотизировала? Взглядом?

— Следует ли это так понимать, что твой полоз загипнотизировал тебя?

— Отвечай на вопрос.

— Хм-м... — Ломоносов отложил на тряпку золотник акаэма, который он чистил. — Змея, Павел Славомирович, это существо очень таинственное. Уже на заре человеческой истории она представляла для людей загадку, все в ней было непонятно и неразгаданно. Вид, поведение, реакции, образ жизни, методы нападения, размножение, тревога, которую они вызывают... Все в ней было непонятно и давало поводы для самых фантастических легенд. Несмотря на атавистичный, инстинктивный ужас и отвращение, которые вид змеи вызывает в человеке, ее имидж издревле связан с медициной, является атрибутом целителей. Яд змеи — это смертельная отравка, но с необычайными регенеративными свойствами. Считается, что это благодаря ее яду, шкура змеи периодически обновляется. Змея — это символ регенерации и обновления. В Кабале змея взбирается по Древу Жизни, имея возможность касаться всех сефирот^[45] одновременно. Гностики, почерпнув, впрочем, от алхимиков, обратили внимание на достаточно частое в иконографии представление змеи, а точнее, двух змей, сплетенных и обращенных друг к другу головами, как на кадуцее Меркурия, который, кстати, является гермафродитом, то есть двуполым, божеством. И сделали из змеи символ равновесия сил Добра и Зла. Манихейская дихотомия,^[46] одним словом. Змея — это одновременно дружелюбный и добрый Агатодемон,^[47] опекун хлебных полей и виноградников, и вместе с тем злой Какодемон,^[48] враг рода человеческого. Это добрый Ормузд и злой Ариман. Это Гор и Сет... Можно тебя что-то спросить?

— Меня? Что именно?

— Как давно ты не был с женщиной? С гражданки, правда?

— Неправда, но это не твоё дело. Держись темы.

— Я и держусь. Из всех сил. Стараюсь вникнуть в подтекст твоего восхищения этим

полозом и думаю, что сюда больше подходит: *latet anguis in herba*^[49] или шерше ля фам. Змея — это фаллический символ, связанный с сексом. Первобытный змий укусил первобытную женщину в ее лоно, привив ей змеиное двуличие в делах любовных. И если в землю закопать волосы менструирующей женщины, то из них выведутся змеи. Змея, оплетающая свою жертву, лишая ее свободы, — это символ оболыщения, совращения, одержимости: Ясона Медеей, Геракла Омфалой, Самсона Далилой, Адама Лилит.^[50] Отсюда мой вопрос о твоих отношениях с женщинами или скорее отсутствии таковых. Возможно, тогда бы мы нашли ключ к объяснению твоей змеиной мании...

— Не корчь из себя Фрейда, Станиславский. Не ищи ключа. Отвечай на вопрос. Может ли змея загипнотизировать?

— Амброз Бирс,^[51] «Человек и змея». Не читал?

— Нет.

— Жаль. Если бы читал, не спрашивал бы меня о змеях и их гипнотических способностях. Знал бы ответ. Литературный, но насколько правдивый, подчеркивающий силу самовнушения. Это не змея, мой дорогой. Нет змеи. Это самовнушение.

— Понятно. Самовнушение. И литература. Ты кто — литературовед или естествоиспытатель? К тому же бывший?

— Как бывший естествоиспытатель, — Ломоносов не обратил внимания на его издевку, — могу тебе ответить только таким образом: наука не подтверждает никаких гипнотических способностей у змей. Это легенда, у истоков которой лежит миф о Медузе и по всей вероятности замеченный факт, что жертва змеи неподвижно замирает. Но это вовсе не гипноз, а защитный механизм. Животное в опасности цепенеет, потому что инстинкт учит его, что хищник реагирует на движение, атакует движущиеся объекты. Впрочем, в случае змеи инстинкт жертву подводит, потому что у змей орган Якобсона...^[52]

— Спасибо. Достаточно.

— Так что я думаю...

— Хватит, я сказал.

* * *

Змея лежала на плоском камне, в точности там, где он ее и рассчитывал найти. Увидев его, она подняла голову. Это выглядело так, словно она ждала его. Чтоб поприветствовать его, как только он вступит в яр. И сейчас она приветствовала Леварта, всматриваясь в него своим омертвелым взглядом.

Он осторожно положил АКС на гравий. Подошел. Опустился на колени. Посмотрел змее прямо в глаза, делая это без страха, прямо с удовольствием. Он знал, на что идет, что с ним случится. Знал это еще до того, как у него застучало в ушах, как в них появился шум и жужжание тысячи пчел. До того, как в глазах на мгновение потемнело, а потом вспыхнули фейерверки видений, заискрились мириады калейдоскопических, беспорядочных мерцаний.

Он знал, что его ждет. И не боялся.

Разве могли гипнотические миражи, призраки и видения испугать советского прапорщика? Причем такого, с которым уже на восьмом году жизни разговаривали ожившие книжные иллюстрации? Который уже в возрасте девяти лет мог предчувствовать и

предвидеть? Вещать? Пророчествовать и пророчить события? Разные события. От обычных и забавных до чреватых последствиями и трагическими.

* * *

Павел Леварт помнил день и минуту своего первого опыта ясновидения. Он прекрасно осознавал, что никогда, до конца жизни не забудет ни дня, ни минуты этого события. Ни сопутствующих ему обстоятельств.

Он пролистывал книжку, которую получил в подарок на свой день рождения. Книга была огромной; чтобы как-то управиться с ее страницами, ему пришлось сидеть на полу. Он обожал эту книгу, мог часами рассматривать иллюстрации, изображающие кадетов, пацанов не намного старше его, которые в элегантной парадной форме выглядели, как настоящие маленькие офицеры. Особенно на одну картинку он мог смотреть бесконечно. На ней был изображен трубач, играющий сигнал сбора. Нарисован он был так здорово, что было почти слышно его трубу. Маленький Паша в действительности несколько раз слышал эту трубу, но думал, что это с улицы.

В оконную раму с гневным жужжанием стучалась пчела, из кухни доносились голоса, временами возбужденные. Мама разговаривала с соседкой, тетей Лизой. Мама жаловалась на папу, который как раз очень сильно опаздывал с работы. А все, конечно же, потому, что снова пошел с друзьями пить водку. Хотя обещал, что бросит пить. Тетя Лиза, муж которой был железнодорожником и пил, как лошадь, успокаивала маму. «Протрезвеет и придет, они всегда приходят, потому что — где им еще будет так хорошо?» — твердила соседка. «Но ведь обещал же!» — повышала голос мама. «Они всегда обещают», — успокаивала тетя Лиза.

И тогда в ушах Паши застучало, зазвенело и зашумело. А кадет из книжки отвел трубу от губ. Посмотрел на Пашу Леварта. Заморгал, как бы удивленный тем, что видит.

«Твой отец не придет, Пашенька, — сказал он. — Несколько часов тому назад возле магазина он присоединился к двум незнакомцам, искавшим третьего, богатого пятью или шестью рублями, которых им не доставало, чтобы сделать соответствующую покупку. Получив то и сколько надо, с целью распития, они пошли на остров Декабристов, в парк над Смоленкой. Там незнакомцы, заметив у отца еще пять рублей, кожаный портфель и часы „Пилот“, именно сейчас, в эту минуту, убили его. Ударом кирпича в висок. А тело через пару минут затянут в кусты над речкой Смоленкой. Вот там скоро окажется твой отец, Пашенька. В кустах над Смоленкой, возле Смоленского моста».

Паша резко захлопнул книжку о кадетах. И расплакался. Побежал на кухню, чтобы обо всем рассказать маме и тете Лизе. Первым делом женщины на него страшно накричали и пригрозили наказанием за вымыслы и фантазии. Но поскольку он не переставал плакать, побежали в милицию.

И все, что рассказал кадет трубач, оказалось правдой.

«Повышенная возбудимость», — определил врач, к которому привели Пашеньку после того, как он предсказал, что старший брат сломает руку в пионерском лагере. «Были ли в семье случаи сифилиса и не пьет ли малец?» — хотел узнать другой после того, как Паша напроорочил мужу тети Лизы, железнодорожнику, что его посадят за кражу дизельного топлива. «Истерия», — поставил диагноз третий после очередных видений Пашеньки, уже в клинике отделения детской психиатрии Государственного психоневрологического

института имени Бехтерева. «Параноидальная шизофрения», — было мнение четвертого из этого института. «Классическая парафрения»^[53] — дискредитировал обоих предшественников пятый. И обещал это вылечить.

Пашенька вышел из клиники после полугода пребывания в ней, в самый раз, чтобы полностью не одуреть от психотропных препаратов. Его признали излеченным, потому что он сумел удовлетворить профессора Викентия Абрамовича Шилкина, который просил называть его дядей Кешей.

Дядя Кеша был лысый, как колено, носил толстые очки, потертый белый фартук и замусоленный галстук в горошек, впрямь как Ленин на большинстве портретов. Леварт вспоминал, что злые языки в институте датировали галстук дяди Кеши временами нэпа, годом эдак 1925-м. Им не верили. Галстук должен быть старше. Даже при нэпе не производились в СССР галстуки такого высокого качества и настолько прочные. Паша удовлетворил дядю Кешу. Научился не признавать, что имеет видения, и отрицать, что хоть какие-то имел. А все тесты дяди Кеши он сдал, потому что какой-то голос подсказывал ему правильные ответы и реакции. В точности такие, каких и ожидал дядя Кеша.

Накануне выписки из клиники у Паши было видение. В видении дядя Кеша умирал от обширного инфаркта. Среди толпы, во время празднования круглой годовщины Дня Победы, Девятого мая 1965-го. Через четыре дня.

Паша Леварт, выписываясь, не сказал ему об этом. Не мог.

Он же вылечился.

* * *

Курс лечения, который прошел Павел Леварт в Институте Бехтерева, был эффективен только в одном, но зато принципиальном аспекте: десятилетний Павел был готов на все, абсолютно на все, лишь бы только не попасть туда снова. Притворство, отрицание видений и предчувствий, как и ложь относительно их появления, парень счел недостаточными. В конце концов во лжи он мог быть уличен, мог попасться невзначай, мог запутаться в показаниях настолько, что вызвал бы подозрения. Павел Леварт решил добраться до сути проблемы. Он решил подавлять картины ясновидения на этапе их возникновения, душить их в зародыше и не давать им развиваться. Видения анонсировали свое появление. Сразу перед тем, как что-то должно было происходить, Павел чувствовал непродолжительное давление в ушах, переходящее в назойливое жужжание, быстро нарастающее, будто жужжали пчелы, потревоженные стуком по улью. Парень натренировался, что на этом этапе ясновидение можно было задержать. Причинив себе боль. Хорошие результаты давало, если себя сильно ущипнуть, а еще лучше — уколоть, сильно, до крови. Павел приучил себя всегда иметь воткнутые в одежду шпильки либо английские булавки, а в карманах постоянно носил канцелярские кнопки, которые в случае угрозы втыкал себе в подушечку пальца. Помогало. Пчелиное жужжание прекращалось, вспугнутые болью видения разлетались. И появлялись все реже и реже. Павел Леварт перестал видеть будущее, получал только неясные предупреждения, сигналы о том, что что-то случится. Но и эти сигналы приходили все реже и реже.

И со временем прекратились почти полностью.

Возобновились только в Афганистане.

Змея сползла с камня, развернувшись, как лента, и зигзагообразно поползла к Леварту, который стоял на коленях. Подползла, медленно подняла голову и чуть больше четверти длины тела. Этого было достаточно, чтобы иметь возможность смотреть ему в глаза.

В этот раз перед шумом и звоном в ушах появились пульсирующие и светящиеся в глазах концентрические круги, которые возникали и исчезали, как круги на воде. Леварт почувствовал, как у него зябнут и немеют пальцы рук. Воздух в яру, который до этого момента был неподвижным, горячим и затхлым, вдруг остыл и ожил. Он почувствовал ветер на лице и в волосах. Излученные из глаз змеи круги взрывались в узорчатую мозаику, в мерцающий и изменяющийся узор. Из узора образовалась скалистая пустыня. Залитая ослепляющим солнцем пустошь.

Порывы ветра разведали волосы. Вихрь поднимал песок, песчинки кололи лицо. Под копытами хрустели камни и гравий. В левой руке — мокрый от пота ремень поводьев, в правой — короткая кавалерийская сарисса.^[54] У левого бедра — копис,^[55] кривой меч с односторонней заточкой лезвия.

Вороной конь поворачивает голову, сверкает глазами. Его зовут Зефиос, Западный Ветер. Всадник с правой стороны — это Бризос, фракиец. Тот, что слева — Стафил, фригиец. И остальные наемники из Фракии, Панонии, Илирии и других стран. Все они составляют продromу — легкую кавалерию, авангард армии Александра, Великого царя Македонии. Она насчитывает пятьдесят коней тетрархии в составе третьей илы. Я — тетрарх Герпандер, сын Пирра. Веду отряд долиной реки Арахозии, направляемся в Гозаку, оттуда в Паропамисады, к гарнизону в Ортоспане,^[56] городе, лежащем в тридцати стадиях южнее от недавно основанной Александрии Кавказской.

Потому что достигающие неба, ослепительно сверкающие горы на севере называются Индийским Кавказом или Паропамисадам. А на языке горных племен — Гинду Кушем.

Изображение треснуло, как стекло, видение исчезло. Но из глаз змеи почти тут же излучилось следующее.

Горное ущелье, скалы причудливой формы, создающие что-то наподобие ворот, ведущих прямо на просторное, залитое солнцем пустынное место. Сквозь ворота проходит войско. Впереди шагает кавалерия, уланы в тюрбанах, с трепещущими на ветру флажками на копьях. За ними конная артиллерия, пушки, упряжки, всадники в обшитых тесьмой куртках. За ними длинная колонна пехоты в серо-бурой форме и пробковых шлемах. Пехотинцы поют, их песнь разносится бодро и боевито.

Our hearts so stout have got us fame
For soon 'tis known from whence we came
Where'er we go they fear the name
Of Garryowen in glory!^[57]

Блеск штыков, колышущихся над головами пехоты, на мгновение заслепил Леварта, он зажмурил глаза. Когда их открыл, войска уже не было.

Был черный дым, стелющийся по дну скалистого ущелья. Был дымящийся остов бэтээра.

Транспортер, должно быть, наехал на мину левым передним колесом, поскольку оно было полностью вырвано, просто исчезло. Левое колесо второй пары с разорванной в клочья шиной опиралось на землю ободом. Броня бортов за колесом была смята и искорежена. Были почти полностью вырваны и причудливо изуродованы два передних листа брони, верхний и нижний. Леварт уже видел машины, подорванные таким способом, и знал, что случилось. БТР наехал на две итальянские мины ТС-6, уставленные одна на другую, дополнительно усиленные закопанным под ними десятикилограммовым зарядом тротила. Он знал, что водитель и командир подорванного таким образом транспортера не имели ни малейших шансов выжить. А из экипажа и десанта смерть забрала по меньшей мере половину солдат. На земле, в клубах дыма, стелющегося из разбитого бэтэра, кто-то сидел. Это был солдат. Разодранная песчанка на его сгорбленной спине уже не была песочного цвета, она была смолисто черной. И дымила. Леварт приблизился к нему. Подошел так, чтобы зайти спереди, чтобы увидеть его лицо. Оказалось, что это невозможно. Создавалось впечатление, что земля крутится. Вращается, как карусель. С какой бы стороны он ни заходил, постоянно видел только обгорелую спину и сгорбленные плечи, с которых поднимался дым. Опаленные волосы на затылке. Кровавые, заполненные плазмой ожоги и волдыри на шее. Лицо солдата он увидеть не мог. Тем не менее, он знал, что этот солдат — Валун. Сержант Валентин Трофимович Харитонов.

— Не было тебя с нами, — сказал отвернувшийся Валун. — Не было тебя с нами, Паша.

— Валентин? Что случилось? Что с тобой?

— Не было тебя с нами в том бэтэре. Если б ты был, может ты бы почувствовал. Смог предвидеть эти итальянки. Но не было тебя.

Дым из транспортера заслонил вид, въелся в глаза, они наполнились слезами.

Призрак исчез. А Леварт вздрогнул, затрясся, неожиданно почувствовав на щеке прикосновение руки. Женской руки.

— Вика?

* * *

Встречаясь с Викой в городе, к определенным вещам следовало привыкнуть. Главным образом ко всевозможным взглядам, которые в зависимости от обстоятельств ей либо дарили, либо на нее бросали. Конечно же, Вика, Виктория Федоровна Кряжева, притягивала взгляды, потому что была красивой девушкой. А все, что в ней не было красивым, было симпатичным. То есть получалось то же самое. К тому же Вика работала в «Интуристе», одевалась по-модному и по-западному. Леварт никогда не был уверен, удивляют ли того, кто пялится на Вику, ее ноги или итальянские туфельки. Яростно завидуют ее фигуре или короткой курточке «Леви Страус». Или всему одновременно. Он уже привык, и это его не заботило.

— Ты не должен, — повторила Вика, отодвигая чашку. — Ты не должен ехать на эту войну. Я больше скажу: тебе нельзя ехать на эту войну.

— То есть, — он криво усмехнулся, — мне надо отказаться от выполнения приказа? А может, дезертировать? Этого ты хотела бы? К этому меня склоняешь?

— Это плохая война. Война, которую по-глупому начали и которая закончится трагедией. Для нас всех.

— Не так громко, Вика! Я прошу тебя.

— Война, — Вика подняла голову, — настолько непристойно грязная, что тебе даже стыдно о ней громко говорить. Война настолько плоха и непопулярна, что тому, кто говорит о ней громко, закрывают рот, угрожая последствиями.

— Это не так. Постарайся понять. Существует такое понятие, как интернациональный долг. Как ответственность перед союзником...

— Говоришь, как последний лицемер, — прервала она, смешно сморщив веснушчатый нос, что немножко контрастировало с ее серьезными декларациями. — В свое время, я сама слышала, ты не боялся критиковать шестьдесят восьмой год, когда ввели войска в Чехословакию. Как ты тогда говорил? Давайте позволим каждой стране свободно принимать решения. Нельзя принуждать к социализму танками. И не ты ли, случайно, убивался над тем, какие тяжелые последствия имели события шестьдесят восьмого для нашей репутации в мире? А сейчас тебе не больно, что нас называют Империей зла?

— А ты говоришь текстами западных газет. Прочитанных и смятых. Которые получаешь со вторых рук от своих заграничных туристов. Ты поддавалась рейгановской пропаганде.

— Не говори мне о том, что кто-то поддается пропаганде, хорошо? Ты со своим интернациональным долгом.

Люди в кафе косились на них.

— Я солдат, — тихо сказал он. — Всегда и везде. Так было угодно судьбе. Армия — моя последняя пристань. Нигде больше не нагрел я себе места, нигде не смог себя реализовать, отовсюду меня выгоняли. Армия — это место, в котором я чувствую себя хорошо, которое мне подходит, которому я гожусь. Сейчас я прапорщик, но после службы... там... У меня есть шанс на продвижение по службе. Стать офицером... Но не это важно. Мне необходимо туда ехать, Вика. Я чувствую, что я должен. Знаю, что я должен.

Она пожала плечами, отвела взгляд. Чтобы тут же посмотреть ему прямо в глаза.

— Скажи так, — попросила она. — Громко, с поднятой головой. Заяви ясно и однозначно: да, я верю, я знаю, я абсолютно убежден, что война, которую моя страна ведет уже два года, — это справедливая война, это не агрессия, это не война доктринеров, людей, которые мою страну и ее граждан ни во что не ставят. Скажи, глядя мне в глаза: я верю, что должен не протестовать против этой войны, а ехать и принимать в ней участие.

Пожилая пара за соседним столиком смотрела на них с открытыми от изумления ртами. Пара за столиком дальше поспешно рассчитывалась и покидала помещение. Через открытую на мгновение дверь в кафе ворвался подвижный и шумный Невский проспект.

— Ну вот, пожалуйста, — сказала Вика, по-прежнему глядя Леварту в глаза. — Приходится жить в стране, в которой люди боятся не только говорить, но даже слушать. Испуганно бегут из кафе, только бы не слышать и не видеть. Невежество — это сила, как у Оруэлла. Ты, хорошо чувствующий себя в армии солдат, считаешь, что это хорошо и правильно? Что ж, получается, что именно так ты и считаешь. Иначе боролся бы против этого. А ты хочешь бороться за это.

— Я должен, — сказал он, — туда ехать. В Афганистан.

Она молчала, глядя в окно. Так длилось долго. Наконец она повернула голову и сказала:

— Жаль, Павел.

Он ответил не сразу.

— Можно позавидовать нашим дедам. Их на войну провожали слезами, иконами и словами утешения.

— Что было, не вернется, — ответила она почти сразу. — Ни прежние времена, ни ресторан «Ярь»,^[58] ни Александр Сергеевич Пушкин. А ведь жаль. Мне очень жаль, Павел. Это вовсе не звучит как слова утешения, я знаю. Но вместо слез и иконы должно тебе хватить.

* * *

Он рванулся во сне и проснулся. Лежал, моргая, не до конца уверенный это явь или еще сон. Мир, его окружающий, не выглядел слишком реально. Не совсем реальным показался ему также и шум, доносящийся с улицы.

«Мне очень жаль», — сказала она тогда, на Невском, в кафе «Фиалка», вспоминалось ему сквозь сон во сне.

«Мне очень жаль».

«Мне тоже».

* * *

— Я люблю тебя, Вика.

* * *

Сон во сне вдруг лопнул, рассыпался в калейдоскопический узор. И сложился снова. По-другому.

* * *

— Я тоже люблю вас, Эдвард. Я люблю вас, — повторила Шарлотта Эффингем. — И не хочу потерять вас. Там, в этой ужасной варварской Азии... Покоятся кости моего деда... Лежат там где-то среди диких гор и пустынь. В Аббертоне, на фамильном кладбище стоит только надгробие. Плита, под которой нет ничего...

«Это правда, — подумал лейтенант Эдвард Друммонд. — Это правда, ее дед, Реджинальд Эффингем, погиб в Афганистане. В январе 1842-го, в бойне под Гайдамаком, по дороге в Джелалабад, во время этого ужасного отступления из Кабула. Майор Реджинальд Эффингем из 44-го Пехотного полка из Эссекса».

— А теперь вы... — Шарлотта Эффингем широко открыла полные слез глаза. — Я не хочу, боюсь даже думать об этом... Что и вы можете также... Эдвард, пожалуйста, ну не надо ехать.

— Я солдат, мисс Эффингем. Это мой долг. Перед королевой и родиной.

Она молчала, глядя в окно, на многолюдную и оживленную Оксфорд-стрит. Так длилось долго, прежде чем она снова повернула голову.

— Со дня нашей помолвки у вас есть также обязательства и в отношении меня,

лейтенант Друммонд.

— Вы не понимаете. Я должен.

— Понимаю, — ответила она. — И мне очень жаль.

* * *

Он рванулся во сне и проснулся. Лежал, не до конца уверенный, это явь или еще сон. Мир, его окружающий, не выглядел чересчур реально. Но был реальным. Реальный, как бушлат и его воротник из искусственного меха, как жесткая ткань маскхалата. Как холодный АКС под рукой. Как храпящие солдаты в дотах и землянках.

Как афганский месяц на звездном небе, странный и неестественно горизонтальный серп, узкий и острый, как клинок ятагана. Как глядящие в небо золотые глаза с вертикальными зрачками.

— Печально, Павел. Мне очень жаль.

— Я люблю тебя.

Он уснул.

* * *

Утром снова пошел к яру. К змее.

* * *

Был полдень, когда он встал, совсем одурманенный от видения. Змея лежала на скале и, наверное, тоже была измученной. Свилась в тугой клубок и, казалось, спит. Леварт поднял АКС. Оружие было невыносимо тяжелым, едва дало оторвать себя от земли. Он зашатался и неуверенно направился в сторону выхода ущелья. Ему удалось сделать не более четырех шагов. Он почувствовал на плече руку. Женскую руку. «Это не конец, — подумал он трезво. — Я все еще нахожусь под ее гипнозом, в трансе. Видение продолжается».

— Вика?

Это была не Вика.

Это не была рука Вики. Вика никогда не носила такие длинные ногти, никогда не красила их золотистым цветом, так, что они выглядели как будто гальванизированные, покрытые тонким слоем благородного металла. Кожа руки также имела слегка золотистый оттенок и была покрыта филигранным едва заметным узором. Напоминающим чешую.

— Не выходи.

Голос, который он услышал из-за спины, был удивительный. Симфоничный и полифоничный одновременно. Потому что был не один, а отчетливо два голоса. Один, Леварт был готов поклясться, — это был голос Валуна, его характерный бас. А на голос Валуна накладывался и был созвучен с ним другой, более нежный, сопрано или альт, слегка шипящий, назойливо жужжащий, тихонький, но прекрасно слышимый, словно далекие бубенчики мчащейся тройки.

«Не выходи. Там смерть. А я тебя не отдам. Уже нет. Я тебя выбрала и ты мой».

Он почувствовал, как что-то обвивается вокруг его щиколоток. Стоял, как парализованный. Рука продвинулась по погону, золотистые ногти коснулись шеи, нежно погладили щеку.

Он чувствовал, что снова погружается в транс. Вдруг зазвучало крещендо эольских арф, а также доносящиеся откуда-то сверху дикие заклинания и пения, которые с арфами абсолютно не компонировали. И далекие тубы, которых бы не постыдился сам Вагнер.

«Сейчас иди, — голос пробился сквозь какофонию. — Уже можно. Смерть ушла».

Снаружи, из-за выхода из ущелья прогремел выстрел. И сразу после этого заревела яростная канонада. С Леварта мгновенно спали чары и оцепенение. Он перезарядил АКС и направился к выходу. Перед этим оглянулся.

Змея лежала на плоском камне. Казалось, спит.

* * *

— Повезло тебе, командир, — покачал головой Ванька Жигунов. — Крупно повезло. Видать, у тебя чрезвычайно добросовестный ангел-хранитель.

Валера и остальные вытащили труп из расщелины. Худой моджахед носил военную американскую куртку, надетую на пирантумбон, длинную, ниже колен, афганскую рубаху. Когда, сраженный пулями, он свалился между скал, тюрбан съехал с его головы и теперь скрывал окровавленное лицо. Густо утыканная сединой борода свидетельствовала, однако, что это далеко не юноша.

— Подкрался и засел прямо напротив выхода из расщелины, — неторопливо продолжал Жигунов. — Должно быть, видел, как ты туда входил. Ждал, пока выйдешь.

— Ждал тебя с этим, — Валера показал поднятую винтовку. — Ух, живым бы тебе не выйти, прапор.

Это была английская «Ли-Энфилд Марк I», которую солдаты называли буром. Оружие хоть и древнее, поскольку было произведено еще в начале тридцатых годов, часто использовалось душманами, было надежным, на удивление далекобойным и абсолютно убийственным.

— В засаде старичок прикемарил, наверное, — пояснял Жигунов. — Себе на погибель. Должно быть, его что-то разбудило, а он...

— Сорвался с укрытия, — продолжил Ломоносов, посматривая на Леварта странным взглядом. — Неизвестно почему, неизвестно кем разбужен и неизвестно чем перепуган, вскочил и выпалил вслепую. Прямо в скалу. Выстрелом себя раскрыл, а тогда...

— А тогда я его замочил, — похвастался Валера. — От моей руки пал, товариш прапорщик, от моей пули из моего верного калаша.

— Ты бы успокоился, ефрейтор, — скривился Жигунов. — Побойся Бога так врать. Весь наш блокпост палил по этому духу. А попал скорее всего Козлевич. Ты поскромнее будь и не суйся сюда со своим верным калашом. А нам лучше сматываться отсюда. Стоим тут, как мишени на стрельбище, а где-нибудь второй сидит с таким же буром...

— А нам может повезти не так, как нашему командиру, — сказал Ломоносов, по-прежнему не спуская с Леварта глаз. — Ни один ангел-хранитель не заслонит нас от пули, не сбережет нас от нее никакая таинственная сила. На такое могут рассчитывать только

привилегированные.

— Я знал, — пробурчал Жигунов. — Амулет, правда? Носишь счастливый амулет, прапор? Из тех, что цыганки продавали в Ташкенте? Вот блин, а я не купил...

— Амулет, — сказал с легкой издевкой Ломоносов. — Счастливый талисман. Апотропей.^[59] Правда, носишь такой? Павел Славомирович?

Он не ответил.

* * *

Бармалей скорее всего инцидент не принял к сердцу, правда, за то, что Леварт оставил пост, он сделал ему втык, но хотя имел при этом строгое выражение лица, он скорее всего только притворялся сердитым. Зато серьезно и заботливо предупредил о минах. Напомнил о печальной судьбе погибшего лейтенанта Богдашкина. Выразил, так сказать, общее неодобрение, хотя и не слишком резкое.

Леварт выслушал его, демонстрируя общее внимание, хотя и не слишком пристальное. Он знал, что ничто, даже самый строгий нагоняй и однозначный запрет не удержал бы его от походов в ущелье. Он просто должен был ходить к змее. Обязательно хотел узнать еще что-то об оседлавшем вороного коня кавалеристе Герпандере, сыне Пирра. С огромной силой он жаждал узнать судьбы лейтенанта Эдварда Друммонда и мисс Шарлотты Эффингем. Хотел увидеть, хотя бы как призраки, Валуна и Вику.

Жаждал хотя бы еще раз увидеть руку с золотыми ногтями.

* * *

Двадцатого мая, в воскресенье, поднялся ветер. Это не был знаменитый «афганец», далеко ему было до «афганца», страшного бурана, который поднимал и нес не только песок, но и крупный гравий и даже небольшие камни. Который валил с ног сильных мужчин на горных хребтах и приводил к тому, что небо становилось темнее земли. Но и этот более слабый ветер утомлял, изматывал и подавлял всякую активность. И очень скоро привел к тому, что на «Соловье» и вокруг него жизнь во всех ее военных проявлениях замерла. Не происходило ничего. Воцарилась скука, безделье и праздность, одним словом то, что в армии принято называть жаргонным словом кайф.

Кайфу предавался весь личный состав заставы, за исключением весьма недовольных судьбой дневальных и часовых. Способы кайфовать были разными. Одни спали; все время, почти непрерывно, погружались в спячку, похожую на зимнюю, и как в зимней спячке аккумулировали энергию на будущее. Другие пили. Или курили гашиш и чарс.

Алкоголь на позиции был роскошью, и как любая роскошь редким и трудно доступным. Водитель Картер, ясное дело, был с состоянием привезти самогон, да что там, даже казенную водку или спирт, но желал за это вознаграждения, которое значительно превосходило возможности солдата, получающего восемь чеков в месяц. А гнать брагу в солдатских условиях было тяжело. Оставалась кишмишовка. Самогонка из сушеных плодов, в основном изюма, которую покупали у местного населения разлитую в полиэтиленовые мешочки. Пойло было преотвратнейшее, со вкусом разболтанного в прокисшем компоте говна с

примесью шампуня для волос, аммиака и электролита из аккумулятора. Не каждый мог это проглотить. А из тех, что смогли, очень многие потом сильно сожалели, ужасно страдая в ротном сортире. Но были и любители, которые кишмишовку ценили, пили, как только подворачивался случай, и клялись, что будут гнать ее даже на гражданке. Гашиш, он же гаш, и марихуана, она же анаша или чарс, были повсеместно доступны и дешевы. Каждый взрослый житель Афганистана выращивал это ароматическое растение и перерабатывал его, а каждый несовершеннолетний житель Афганистана им торговал. Дань, которую часовые на КПП взимали с контролируемых афганских автобусов, платилась главным образом гашишом и чарсом. Курило траву большинство солдат, когда ветер стихал, конопляный дым окутывал блокпосты и стелился по траншеям.

Скуку кайфа убивали также разговоры. В разных группах, на разные темы. На «Горыныче» регулярно собиралась группа фанатиков спорта, а конкретнее — хоккея на льду. Все, как один, из Москвы, а поэтому стандартно поделены на соперничающие группировки болельщиков ЦСКА, «Динамо» и «Спартака». Происходили споры о том, кто лучше. «Никто, — разрывался Валера Белых, фан и приверженец ЦСКА, — никто и никогда не сравняется с такими профессионалами, как Рагулин, Фетисов, блядь, Ларионов, Касатонов или незабвенной памяти Харламов». «Да что вы говорите! — протестовали Эдвардас Козлаускас и Федя Сметанников, новый из пополнения, оба яростные сторонники „Динамо“. — Лучше всех Голиков и Мальцев, а кто думает иначе, тот просто блядь». «Да прямо уж! — наносил контрудар сержант Гушин, болельщик „Спартака“. — Нет лучше нападающих, чем Якушев, Тюменин и Капустин, а „Спартак“, вспомните, блядь, мои слова, еще выиграет первенство СССР». «Волосы у меня вырастут», — орал Валера, обстоятельно объясняя и демонстрируя, где они у него вырастут. Споры продолжались обычно от часа до полутора, после чего фаны клубов соглашались и объединялись в общий вывод. Самая лучшая, мастерская и непобедимая — это сборная СССР, объединяющая все самое ценное и лучшее из разных клубов. Единогласно и бурно заявлялось, что сборная вздрючит любого противника, без разницы, будь то сраные шведы или канадские бандюги из профессиональной лиги НХЛ, кто станет у нас на пути, тот, ёб его мать, будет собирать зубы по льду. «Скоро продажные чехи в этом убедятся, — грозились Валера и Гушин, — гребаных чехов-дубчековцев^[60] следует крепко вжарить, уж они-то знают за что».

Лица бойцов начинали светлеть и лучиться, глаза зажигались воодушевленным блеском, пылали, как у святых на церковных иконах. Они становились глазами победителей, глазами людей, которых никто не в силах одолеть. Потому что, если бы, ах, если бы всё в этом мире можно было решать на хоккейном поле, в трех периодах, клюшкой и шайбой, то не только канадских профессионалов из НХЛ, не только вероломных антисоциалистических чехов, но и весь мир, да что там, даже душманов из Панджшера, Герата и Кандагара крепко и сокрушительно трахнула бы хоккейная сборная СССР, а в ее составе Рагулин, Фетисов, Касатонов, а также, блядь, Капустин, Голиков и Мальцев.

Благами кайфа пользовались не только солдаты. В КПП на «Муромце», в помещении, называемом кают-компанией, учредился своего рода дискуссионный клуб. В дискуссиях принимали участие узкий круг командования, то есть Бармалей, Якорь, а также Леварт, если только он не был в это время в яру у змеи. В этот кружок был принят также и Ломоносов, который хоть и был всего лишь младшим сержантом, однако получил признание на основании образования, которое определенно имел выше всех.

Поначалу Леварт как огня избегал каких-либо разговоров или даже намеков, способных

раскрыть его мировоззрение. В конце концов они находились в ОКСВ, ОКСВ был частью Советской Армии, а Советская Армия была вооруженной ветвью Советского Союза. Как правило, это означало, что содержание любого разговора тут же будет известно КГБ, ибо тут же будет донесено. Ситуацию изменило высказывание, которое как-то раз позволил себе Бармалей. Ветер в тот день доставал особенно сильно, сметал со склонов пыльные бури, колот песком лица. Бармалей ворчал, ворчал, пока, наконец, не выдержал.

— У меня песок за воротником, — заявил он сердито. — У меня песок в ушах. У меня песок в зубах и был в жратве. У меня песок в подштанниках. У меня песок даже в жопе. Паршивая страна, паршивая сраная война. Ничего не скажешь, въебал нас в эти пески Леонид Ильич, пусть земля ему будет пухом.

— Благодарить стоит скорее Юрия Владимировича, — недолго мешкал с комментарием Ломоносов. — Потому что это Андропов, а не Брежнев принял решение о введении войск. Андропов, а вместе с ним Устинов и Громыко. Чтоб земля им была пухом, желало очень много людей, с положительным, видать, результатом, потому что весь триумvirат уже на том свете. Что нашу ситуацию скорее не меняет. Говоря «нашу», я имею в виду нас четверых, заставу, полк и весь Ограниченный Контингент.

— А о каких изменениях речь? — подключился Якорь, Яков Львович Авербах. — Что бы ты хотел изменить? Мы вошли в Афганистан с определенной целью, выйдем, когда этой цели достигнем.

— Собственно эта цель меня больше всего и беспокоит, — спокойно ответил Ломоносов. — Достижима ли она? А если да, то какой ценой?

— Речи об интернациональном долге, как я погляжу, тебя не слишком убеждают.

— Не слишком, — согласился бывший ботаник. — Предпочитаю те, где правда и фактическое состояние дел. Геополитическая расстановка сил. Сферы влияния и интересов.

— Это одно и то же. Мы же не ведем войну с грязными моджахедами, не с каким-то Масудом,^[61] Хекматияром^[62] или Хаккани.^[63] Наш противник — ЦРУ, которое собирается аннексировать Афганистан с помощью Пакистана и использования его территории под базы ракет. Установленные здесь американские «Першинги» будут нацелены на многие важные объекты в СССР, в том числе и космодром Байконур. Если мы отсюда выйдем, афганские залежи урана использует Пакистан и Иран для производства ядерного оружия. Наконец, распоясавшийся и жаждущий господства ислам воспользуется афганским плацдармом, чтобы совершить экспансию в южные республики СССР, а все это в рамках создания новой Оттоманской Империи.

— Понятно, — иронично прокомментировал Ломоносов. — Мы в опасности. Нам угрожают агрессивная Евразия и варварская Остазия.^[64]

— Опасность существует и она реальна, — настаивал Якорь. — А защищать себя — это наше священное право. Окружить себя оборонительным кордоном сателлитных государств — это святое право святой Руси. «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной». ^[65] Достоевский, Федор Михайлович.

— Ограниченные люди, к тому же фанатики являются язвой общества, — тут же парировал Ломоносов. — Беда государству, в котором такие люди имеют власть. ^[66] Гоголь

Николай Васильевич.

— Война — это мир, — вдруг решил, что будет уместным вмешаться, Леварт. — Свобода — это рабство, невежество — это сила. Джордж Оруэлл, уже сегодня цитированный.

— Не знаю такого и не слышал, — признался без всякого смущения Бармалей, доставая из ящика для гранат бутылки и кружки. — И не слишком шарю, что из всех этих цитат должно следовать. Ну что, мужики, по пятьдесят?

— Да можно и по сто.

— Премного благодарен, — покрутил головой Ломоносов. — Этот ваш ароматный бальзам в последнее время что-то мне не идет.

— Война — это мир, — Бармалей выпил залпом, энергично выдохнул, понюхал хлеб. — Так кто-то из вас сказал? Это как бы глупо чуток.

— Только на первый взгляд, — улыбнулся Ломоносов. — Дорога к миру божьему — это священная война. Так не мы утверждаем, а святые и философы.

— Следовательно, дорога к миру божьему, — Леварт вытер слезы, выступившие от афганского самогона, — это напалм, кассетные бомбы и мины, разбросанные с вертолетов. ХАД и тюрьма Пули-Чархи. Дорога к миру божьему — это ефрейтор Белых, который в время дежурства на КПП, угрожая оружием, грабит пассажиров автобусов.

— Не понимай вещи превратно, — ответил Ломоносов. — Одно дело средства, и другое дело цель. Война, скажу я вам, это один из путей развития. Развития, ведущего к изменениям. И эта война и наше участие в ней тоже.

— Как это?

— Эта война изменит все. Она будет толчком, закваской, началом перемен. Ведь ничто не нужно нам так, как перемены. Нам, каждому индивидуально, а равным образом всей нашей стране, в которой нам довелось жить. И которая остановилась, застыла, стала, как скованная льдом. Эта война сокрушит лед. И положит начало оттепели. Это, как мне кажется, Андропов и Громыко не предусмотрели. Вовсе не это их интересовало, когда они приказывали ввести войска в Афганистан.

— Перемены — вещь хорошая, — покивал головой Бармалей. — Особенно если к лучшему. Но я их немножко боюсь. У нас на Руси, когда идут перемены, обычно кровь течет рекой, головы летят и царит страшный бардак. После которого наступает длительный период смуты. Давайте выпьем!

— Будущее, — Якорь выпил и тяжело вздохнул, — это вещь далекая. А сейчас война вокруг. А на войне гибнут. Один Бог знает, останемся ли мы живы. И что нам делать, чтобы выжить.

— Выжить, — добавил Ломоносов, задумчиво глядя впереди себя, — и остаться человеком. Сохранить человечность.

— Не получится. Не получится сохранить человечность на войне, — медленно произнес Леварт и после паузы продолжил. — Война оскверняет. Каждое пролитие крови тянет за собой нечистоту и грязь. Каждый, кто принимает участие в войне, становится испорченным и изуродованным войной. Война освобождает в нем наихудшие инстинкты. Люди дичают и звереют так, что это становится не просто привычным и обыденным, а даже банальным. Однако зря питают иллюзии те, кто верит, что можно сохранить человечность, достаточно только не одичать, не дегенерировать и не стать скотиной. Что Порядок международного права и Гармония военного права в состоянии сдержать или хотя бы уравновесить Хаос

войны.

Человечность на войне — это самообольщение, бред, грезы. Нельзя остаться человеком на войне. Не получится, принимая участия в войне, сберечь и спасти свою человечность. Потому что война и человечность — это понятия, взаимоисключающие друг друга...

Бармалей, Якорь и Ломоносов смотрели на него со странными выражениями лиц. Как будто ждали, когда же он закончит. До Леварта вдруг дошло, что они действительно ждут. Но не окончания, а чтобы он вообще что-то сказал. Потому что он говорил не вслух, а только мысленно.

— А поэтому — да здравствует война, господа. Война, которая нас изменяет и изменит навсегда. И спасет нас от человечности. Той человечности, которая не дает нам ничего, кроме замкнутого жизненного круга, кроме скучного прозябания и тошных банальных будней, кроме боли неисполненных надежд, кроме безысходного сознания собственного ничтожества и отсутствия значимости. Война избавит нас от человечности, за которую нас ждет только неверность жен, предательство друзей, враждебное презрение власть имущих, безразличие ближних. Война сбережет нас от человечности и от того, что она с собой несет: рака легких, невроза, язвы желудка, цирроза печени, аденомы простаты, камней в почках и инфаркта, в результате которых остатков человечности нас лишат больничные койки, а остатки достоинства заберут у нас приюты и дома инвалидов. Война спасет нас от замкнутого круга водки и героина, которые рано или поздно отчеловечат нас окончательно и бесповоротно. Так, что в конце не останется ничего. Никакой альтернативы. Никакого выхода. Кроме того, что из гостиницы «Англетер».^[67]

— Выпьем за войну.

Долгую тишину прервал Бармалей, Владлен Аскольдович Самойлов, прокашляв и подняв кружку.

— Так давай по пятьдесят. За войну.

— За войну, — подключился Якорь. — За войну, мужики. Пока мы еще люди.

— За нас, — поднял пустую кружку Ломоносов. — За войну и за нас. Прежде, чем мы потеряем человечность. А похоже, что мы все обречены на это. Что нам остается? Павел?

— То, что всем обреченным. Искушение.

— И еще по пятьдесят, — подытожил Бармалей.

* * *

Через шесть дней ветер прекратился, но кайф продолжался, потому что по-прежнему ничего не происходило. От духов и след простыл, они исчезли, словно этот ветер их собственно и выдул отсюда. И парадоксально, но продолжавшееся спокойствие начало беспокоить. Среди военных начали шептаться, что война закончилась, но сюда, в отдаленную глушь, весть об этом просто еще не дошла, и одному Богу известно, когда дойдет. Здесь, на заставе, нашему брату по-прежнему приходится торчать в окопах и глотать пыль на постах, а там, кто знает, возможно, большинство солдат уже дома, на гражданке. Потому что как иначе объяснить эту тишину и спокойствие?

Никто из командного состава, понятное дело, в подобный бред не верил, а сплетникам здорово досталось. Однако, как это часто бывает, посеянное зерно дало щедрые всходы. «Кто знает, — чесал затылок Якорь, — может, объявили перемирие?» «Кто знает, — задумывался

Ломоносов, — может, в Женеве Джордж Шульц^[68] договорился, наконец, с Шеварднадзе?»^[69] Бармалей посмеялся над их фантазиями и был прав. Потому что война вернулась, причем с удвоенной силой. Джелалабадская дорога закишела конvoями, транспорт шел за транспортом, над горами волны штурмовых вертолетов молотили небо лопастями пропеллеров. Время от времени по дороге проносились поднятые по тревоге бронегруппы, а издали доносился гул танковых орудий. А в один прекрасный день всю заставу поднял рев четырех Су-25, летящих боевым порядком на высоте не более шестисот метров. А вскоре после этого земля затряслась от недалеких взрывов.

— Налет был, — объяснил всезнающий Картер, появившийся на следующий день. — На кишлак Баба Зиарат. Как обнаружила наша разведка, у них там был штаб их исламского комитета, а в той сельской школе проводилась какая-то агитация или что-то такое. Ну, так наши «Грачи» сбросили на всю эту Бабу две термобарические полутонки и немного фугасных. Так что нет там уже ни комитета, ни школы, ни агитации. Ничего там уже нет. Если не считать огромной ямы.

— И никаких других новостей? Из ООН? Из Женевы? Шульц не договорился с Шеварднадзе? Никаких вестей о перемирии?

— Вы никак охуели в этой глуши, — фыркнул Картер. — Война идет по полной, во всем Афгане так наяривает, что мама милая. Семидесятая гвардейская бригада и десантура в непрерывных боях под Кандагаром и в пустыне Регистан. Продолжается наступление под Гератом, в основном силами пятой эмэсдэ. Подразделениям двенадцатой афганской пехотной дивизии здорово досталось в Пактии,^[70] под Гардезом. Им на помощь должна была идти наша пятьдесят шестая отдельная дэ-шэ-бэ, иначе зеленых там раздавили бы, наверное, совсем. Двести первая завязала бои под Кундузом, в Ташкургане и Ишкамыше. А ваша сто восьмая принимает участие в наступлении в долине Логар и на равнине Шомали. Говорят, что под Мохаммад Агой тяжелые потери понес шестьсот восемьдесят второй полк. На северо-востоке восемьсот шестидесятый о-эм-пэ ведет бой под Файзабадом. В долине Кунар окружен и осажден гарнизон в Барикоте.^[71] На пакистанской границе спецназ охотится за караванами, а наши непобедимые вэ-вэ-эс лупят по кишлакам бомбами так, что пух летит. А вы меня спрашиваете о перемирии. Какое там, на хуй, перемирие?

* * *

Для тех, кто действительно тешил себя надеждой на скорый конец войны и возвращение домой, привезенные Картером вести оказались ударом. Удивляло то, что хоть надежда была достаточно призрачной, и внешне мало кто ею жил, но когда она лопнула, это было болезненно, и последствия можно было наблюдать везде и на каждом шагу. Боевой дух войска упал. С хорошо слышимым грохотом. Солдаты сделались нервными, злыми, грубыми, доходило до ссор, склок, стычек, а в конце концов до драк. Бармалей на это отреагировал тотчас же. Он нашел бойцам занятие. Роту поделили на рабочие бригады и погнали на работу, насколько тяжелую, настолько ж и глупую — копать большую яму невдалеке от посадочной площадки вертолетов. Яма, которую Бармалей назвал «Бастионом», в действительности не имела никакого практического значения, и была нужна, как козе баян, но помахать кирками и лопатами бойцам было полезно для их же здоровья. Тем более что

Бармалей приказал сержантам установить строгую норму, а тем, кто собирался сачковать, пригрозил дисбатом.

Леварт как-то присел возле сержанта Гущина, надзирающего за земляными работами. Разговор не получался. Гущин был не словоохотлив и явно угнетен.

— Докладываю, — наконец выдавил он из себя, получив прямой вопрос и джойнт [\[72\]](#) в придачу, — что какой-то месяц мне до дембеля остался. Считаю дни. И чем больше дней проходит, тем, как ни странно, больше начинаю бояться... Хотелось бы, прапорщик, живым вернуться. Пускай в инвалидной коляске, на колесах... Но живым. Извините. Разговорился я.

— Ничего, сержант. Ничего.

* * *

Шестого июня на заставу прибыла мощная бронегруппа. Пять БМП и пять танков Т-62 серые от покрывавшей их пыли, зловещие и плоские, как скорпионы. Боевые машины с марша заняли позицию на дороге, возле калитки. И стояли как мертвые, а танкисты игнорировали солдат с «Соловья», пытающихся завести разговор. Даже Бармалей, которому стуком по броне удалось вызвать из танка капитана в шлемофоне, ничего не узнал. Капитан быстро отделался от него и закрыл люк.

Вскоре после этого заревели двигатели, а из-за гор, как коршуны, показались три штурмовых Ми-24. Вслед за ними вылетел небольшой Ми-9, а за ним две «Пчелки» вертолеты Ми-8. Взбивая тучи пыли, все они сели на «взлетке» в двухстах метрах от «Муромца». С бортов прыгнули солдаты в пятнистых комбинезонах.

— Спецназ, — без труда угадал Бармалей.

— А с ними Савельев, — не ошибся и Якорь. — Этот чертов хромой. Ну и знакомства он должен иметь, если его до сих пор с этой хромой ногой из армии в отставку не погнали! Представляете себе, уже второй срок в Афгане ковыляет. А сейчас сюда к нам черт его принес. Интересно, зачем? Кто-нибудь догадывается?

Леварт догадывался. Но в этом не признался.

* * *

Майор ничем не выделялся среди спецназовцев. Как все остальные, он был одет в маскировочный комбинезон, который все называли комбезом, и берет, который называли «балахоном». Как обычно, в поле он носил свой «стечкин», который по-ковбойски болтался на ремне, и ночной бинокль БН-2.

— Я приехал к тебе специально, — начал он безо всяких вступлений, как только Леварт предстал перед его глазами. — У меня для тебя две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

Леварт легко пожал плечами. Он слишком хорошо знал кагэбистов и их шутки, чтобы спешить с ответом. Савельев внимательно присматривался к нему.

— Не можешь решиться, — с пониманием сказал он. — Боишься плохой. Или ты вообще не интересуешься новостями. Предпочитаешь удобства и комфорт невежества. Этому последнему мне будет трудно поверить.

— Почему? — снова пожал плечами Леварт. — Невежество — это сила.

— Свобода — это рабство, а война — это мир, — закончил после недолгого молчания майор. — Любишь цитаты? Уважаю. Выбор источников, однако, не одобряю. Чтение Джорджа Оруэлла в нашей стране не поощряется, хотя в настоящее время мыслепреступлением не считается. Но хватит об этом, у меня нет времени на литературные диспуты. Раз уж ты отнекиваешься, я сам выберу очередность новостей. Начну с плохой. Твой друг, тот сержант, Харитонов, Валентин, дай бог памяти, Трофимович, погиб в бою. Под Мохаммад Агой. Почти две недели тому.

— Как? — спросил после недолгого молчания Леварт.

— А я откуда знаю? Погиб и все. Смертью храбрых, разумеется. Ну а сейчас хорошая новость. Относительно дела об убийстве старлея Кириленко. Ты сух и чист. Следствие выявило, что стрелял рядовой Иван Милюкин. Дело закрыто. Ты за проявленное на заставе «Нева» мужество во время боя награжден медалью «За боевые заслуги». Пришпилят ее тебе, как только канцелярия управится с бумажной работой. А выпить с товарищами можешь уже сегодня.

— На заставе «Нева», — Леварт прочистил горло, — ничего я не проявил. Мужества в особенности. И ничего не заслужил.

— Какая скромность! К счастью, не ты решаешь. Награды присуждает командование, а командование не ошибается. За мужество награждает мужественных, за заслуги — заслуженных. И наоборот. Бывай, мужественный и заслуженный поляк. Я спешу, вместе с бронегруппой летим на задание. Вот только еще...

Хотя это казалось совершенно неправдоподобным, ба, просто граничащим с чудом, Игорь Константинович Савельев, Хромой Майор, явно колебался. Не зная, как начать.

— Донесли мне... — сказал он наконец, поднимая на Леварта глаза цвета увядших васильков, — донесли мне, что ты тут со змеями развлекаешься. Правда это?

Леварт не ответил.

— Что ж, — майор по-прежнему выглядел нерешительно, — устав не запрещает, партия не осуждает... А эта змея... Она случайно не золотистого оттенка? У нее золотые глаза? Можешь не отвечать. Если не хочешь.

Леварт не ответил. Не хотел.

Майор повернулся на пятке. А Леварт все-таки решился.

— Неужели, — тихо спросил он, — вы когда-то видели такую змею?

Майор остановился.

— Нет, — ответил он через плечо. — Не видел. Не мог. Потому что таких змей нет. Не существуют. И не могут существовать. В самом деле, не могут. Но здесь Афганистан, — добавил он через минуту. — Здесь все возможно.

* * *

— Ух ты! Ну и элегантные у тебя очки, Картер! Пиздец! Просто Париж! Водку привез? Давай. Как раз есть повод. Прапорщика Леварта наградили «За бэ-зэ», надо обмыть медаль. Захарыч, организуй какую-нибудь закуску. И пошли кого-нибудь на «Горыныча» за Левартом и Ломоносовым, за обоими.

— Прапорщика Леварта нет на блокпосте. Как раз подался к той своей змее.

Четырьмя днями позже, утром, когда Леварт собирался в свой очередной поход в ущелье, прибежал запыхавшийся гонец. «Старший прапорщик Самойлов, — просопел он, — срочно вызывает к себе прапорщика Леварта и командование блокпоста „Горыныч“». Срочно так срочно, Леварт, Жигунов и Ломоносов за десять минут явились на «Муромец». Там уже ожидали Якорь и Гушин с «Руслана». Равно как и Захарыч, сержант Леонид Захарович Свергун, не слишком рослый, но красивый, можно сказать, как Вячеслав Тихонов.

— У нас будет встреча, — начал без вступлений Бармалей. — Военная дипломатия. На переговоры приглашает Салман Амир Юсуфзай, главный местный дух и наш самый близкий противник, объявляя на время переговоров перемирие. Надо идти, отказ означал бы оскорбление и потерю лица. Иду я, идет Захарыч, идешь и ты, прапорщик Паша. Ты тут командир новый, удобный случай тебя представить. Пойдет также Станиславский, так как он человек образованный и имеет глуповатую интеллигентскую физиономию. То есть я хотел сказать, что у него взгляд честный. На «Горыныче» на боевое дежурство заступает сержант Жигунов, на «Руслане» — Гушин. На время моего отсутствия старший старшина Авербах. Вопросы есть? Нет. Очень хорошо. Отправляемся немедленно. Что, Ломоносов?

— Идем с оружием, как я понимаю?

— В этой стране, уважаемый профессор, — холодно посмотрел на него Бармалей, — мужчина без оружия все равно, что мужчина без яиц. Он мужчина только номинально. Такой, я бы сказал, член-корреспондент. Сам о себе может мнить, что он мужчина, но для других мужчин партнером по переговорам не является. Несмотря на обещанное перемирие и данное слово, Салман Амир будет обвешан железом до самых зубов. Пусть знает, что и мы не лыком шиты.

Иллюстрируя сказанное, Бармалей перезарядил свой Макаров, поставил его на предохранитель и засунул его сзади за брючный ремень, после чего повесил на плечо АКС-74. Красивый, как Штирлиц, Захарыч вооружился похожим образом, дополнительно еще бросил в карман Ф-1.

— Случись что, — пояснил он, видя взгляд Леварта, — выдерну кольцо. Предпочитаю собственную эфку, чем их кинжалы и шипцы. Лагерь для военнопленных в Пакистане мне тоже вовсе не улыбается.

Захарыч не мог знать, что плен ему уже не грозит. Бадаберский лагерь под Пешаваром был переполнен, над военнопленными жестоко издевались, и в нем постоянно вспыхивали бунты. Поэтому на основании приказа Гульбеддина Хекматияра моджахеды пленных брать перестали. Пойманных убивали на месте. Или немножко позже.

— Так, из любопытства, — спросил Леварт, проверяя свой АКС. — Вы доверяете этому вашему Салману Амиру? И его слову? Потому что в отличие от Ломоносова у меня в этом отношении некоторый опыт есть. Я знаю, что духи держат слово и клятву Аллаху. Но только тогда, когда им выгодно. Аллах, видимо, им это прощает. Джихад есть джихад.

— Да бог с этим Аллахом, — перебил его Бармалей, надевая панаму. — И с джихадом. Я уже встречался с Салманом. Захарыч тоже. И живы, как видишь. Но осторожность никогда не мешает, и готовым стоит быть ко всему. Если дрейфишь, можешь остаться на хозяйстве, с нами пойдет Якорь.

— Я иду с вами.

— Так, собственно, я и думал, что ты так ответишь, — Бармалей хлопнул его по плечу. — Это нас должны бояться. Правда, Пашка?

— Правда.

— Ну вот, — Бармалей поправил ремень АКС-74. — Кому в дорогу. С Богом!

— Храни вас Господь, — попрощался с ними Гуцин.

Тронулись. Через метров двести пути по краю дороги свернули на тропинку, вьющуюся среди скал. Подъем был довольно крутой. Не прошло и пятнадцати минут, как Ломоносов начал сопеть. Бармалей заметил это и чуть сбавил ход.

— Салман Амир Юсуфзай, чтобы ты знал, — обратился он к Леварту, — это не какой-нибудь бандит. До того, как пошел к духам, был учителем. Говорят, что даже коммунистом. Но это у него прошло, когда мы вошли, и сейчас он нас не слишком любит. Когда, прошлый раз я с ним разговаривал, то чувствовал, что он читает мои мысли. Не позволил бы себя ни обмануть, ни провести. В этом я уверен. С ним надо осторожно. Подождите, мне надо отлить.

Через плечо он продолжил:

— Обычно его сопровождает Хаджи Хатиб Рахикулла. Это мулла, в банде второй после главаря, что-то вроде политрука. Я бы вовсе не расстроился, если бы его сегодня не было. Это тот еще старый сукин сын, заядлый фанатик, нас неверных резал бы живьем на куски и солью присыпал. Впрочем, говорят, что он уже это делал. То есть резал. Носит длинную бороду и действительно выглядит, как старый чародей, так что спецназовцы, которые за ним охотились, прозвали его Черномором.

— Волшебник страшный Черномор, — начал декламировать, сопя, Ломоносов. — Полнощных обладатель гор.^[73]

— Именно так, профессор, — Бармалей застегнул брюки. — Пойдем.

Шли, все время под гору, среди скалистых стен. Ломоносов сопел. Захарыч резко остановился, поднял руку.

— Музыка, — указал он перед собой. — Музыка как бы. Доносится.

— В самом деле, — Бармалей сдвинул панаму на затылок и прислушался. — Как бы музыка и как бы доносится. К тому же как бы знакомая.

— Фестиваль в Сопоте, — Захарыч высморкался в пальцы, — везде тебя настигнет. Даже под Гиндукушем.

Из-за скалы, невидимый за поворотом тропинки, негромко играл магнитофон. Они были уже настолько близко, что можно было узнать мелодию и голос:

Małgośka, mówią mi,
On nie wart jednej łzy,
On nie jest wart jednej łzy!

Oj, głupia!
Małgośka, wróżą z kart,
On nie jest grosza wart,
A weź go czart, weź go czart!
Małgośka...

Małgośka, wróżą z kart,

On nie jest grosza wart,
A weź go czart, weź go czart!
Małgośka...[\[74\]](#)

Выключенный магнитофон резко замолк. Послышались шаги и скрип гравия. Бармалей остановился.

— Стой, кто идет? — закричал он, поднимая АКС-74. — Дост или душман? Друг или враг?

— Враг, — ответил ему из-за скалы звонкий голос. — Нет тут вокруг у вас никаких друзей, шурави.

За поворотом, где тропинка становилась шире, стояли три мотоцикла, один из них с коляской, возле них ждали шесть мужчин. Длинноволосый моджахед, вышедший наперед, в камуфляжной куртке, с китайским Калашниковым, жестом пригласил идти за ним. На вещевом мешке у него трафаретным способом было нанесено US ARMY.

— Салам, — поздоровался с ожидающими Бармалей. — Салам алейкум, Салман Амир.

— Ва алейкум ас-салам. Привет, Самойлов. Привет, советы.

Поздоровавшийся был, несомненно, тот самый Салман Амир Юсуфзай, худой, даже тощий пуштун, одетый в пакистанку, военную пакистанскую куртку на подкладке из искусственного меха, с новеньким бельгийским ФН-ФАЛ-ом [\[75\]](#) на плече, кинжалом у ремня и биноклем фирмы «Никон» на груди. Сопровождал его не кто иной, как знаменитый Хаджи Хатиб Рахикулла, с враждебным взглядом, с запавшими щеками и крючковатым носом над белоснежной, достигающей пояса бородой, в большом тюрбане и черном жилете, одетом на длинную рубаху, вооруженный АКМС-ом, калашом со стальным металлическим прикладом. Также у ремня у него был кинжал, оружие красиво украшенное, несомненно, старинное и, несомненно, цены немалой. Остальные, все до единого пуштуны, выглядели как братья близнецы, в паколях, халатах, широких свободных портках и сандалиях, даже вооружены были одинаково, китайскими автоматами Тип 56, подделкой Калашникова.

Для переговоров сели в круг. Бармалей представил Леварта и Ломоносова. Салман Амир Юсуфзай смотрел молча. Его черные глаза были живые, быстрые и зловещие, как у хищной птицы. Говорил по-русски без малейшего акцента или какого-либо налета.

— Новый прапорщик, — Салман сверлил Леварта взглядом. — Новый командир на западном блокпосте. Тот, который приказал сделать уборку на блокпосте, убрать банки из-под консервов, которые там месяцами блестели на солнце. Ха, вроде мелочь, а сколько может сказать о человеке.

Леварт поблагодарил кивком головы. Салман Амир минуту вглядывался в Ломоносова. Потом перенес взгляд на Бармалея. После этого он дал знак моджахеду с US ARMY на вещмешке, и тот вытащил из коляски мотоцикла две туго набитые сумки.

— Презент для вас, — показал Салман Амир. — Освежеванный барашек, кукурузные лепешки, ну и всякая другая всячина. Никаких деликатесов, пища простая, но здоровая. Потому что тем, что вы едите на заставе, я бы и собаку не накормил.

— Ташакор, — поблагодарил Бармалей. — Надо признать, Салман, умеешь ты поразить великодушием. Даже врага.

— Враг должен умереть в бою, — ответил без улыбки пуштун. — Тогда это честь и заслуга перед лицом Аллаха. Вы лишите меня чести и заслуги, если там на заставе умрете от

пищевого отравления.

— Так или иначе, ташакор, огромное спасибо за подарок. За великодушие и рыцарство.

— Я так воспитан, — Салман Амир вонзил в него свои хищные глаза. В моем роду традиции рыцарской войны идут из глубины веков. Можно только сожалеть, что вам этого не привили. Рыцарства у вас ни на грош. Нет ничего рыцарского в разбрасывании мин по дорогам и перевалам. Ваши мины убивают наших детей.

— Идет война, — бесстрастно парировал Бармалей. — Во время войны дети должны сидеть дома. Во время войны за детьми нужно следить, а не посылать их на перевалы с пачками опиума и гашиша. Но мы, наверное, не для этого встретились, а, Салман? То, что касается мин, это ведь не наш с тобой уровень и не наша компетенция. Это как-то больше к ООН.

Было слышно, как Черномор заскрежетал зубами и зарычал, а из его горла вырвались звуки, как у разъяренного пса.

— А что касается этой войны, — Бармалей не обратил на него никакого внимания, — решение может быть принято в результате трехсторонних переговоров заинтересованных лиц. Таковыми же являются Черненко, Рейган и Зия-уль-Хак.^[76] А мы? Мы люди маленькие. Давай будем говорить и о проблемах маленьких.

— Будем говорить о проблемах, — акцентировал Салман Амир Юсуфзай. — О ваших проблемах, командир Самойлов. Ибо это у вас проблемы. У вас, у вашей заставы. Из Кунара сюда движется Разак Али Саид. С большим отрядом. Кроме наших, также еще пакистанский спецназ, наши соратники из Саудовской Аравии, Йемена, даже, кажется, какие-то китайцы из Малайзии. Ты ведь слыхал о Разаке Али, правда?

— Ты никак угрожаешь мне? Или предупреждаешь? В чем, собственно, дело?

— Если твоя застава будет обременительной помехой, Разак Али, вполне вероятно, захочет эту помеху устранить. Так или иначе, рано или поздно, но он захочет вас выкурить.

— А ты со своими к нему присоединишься.

Салман Амир Юсуфзай пожал плечами. Бросил взгляд на Черномора.

— В отличие от Разака Али Саида, — сказал он, — я тут живу. Тут живут мои родные. Если мы вас выбьем, что я с этого буду иметь? Ваша авиация подвергнет бомбежке кишлаки, все вокруг сравниет с землей, испепелит все напалмом, как в Баба Зиарат, Дех-и-Гада и Сара Кот. Думаю, что будет лучше, если мне удастся переубедить Разака Али, что ваша застава не будет помехой.

Бармалей поднял брови. Салман Амир Юсуфзай улыбнулся. Улыбкой купца с базара в Багдаде, живая иллюстрация к сказке из «Тысячи и одной ночи».

— Я скажу Разаку Али так, — продолжил он. — «Послушай, Али, оставь в покое шурави Самойлова, потому что это порядочные шурави. У нас в кишлаках, — скажу я ему, — до черта готового опиума, чарса и гаши, надо брать этот товар на осликов и транспортировать получателям. Ведь весь мир с тоской ждет и не может дождаться нашего афганского гаши и чарса. А путь транспортировки пролегает через ущелье Заргун, как раз мимо заставы шурави. Но шурави командира Самойлова нам не препятствуют, потому что мы так с ними договорились. Шурави не заминировали выход из ущелья Заргун, потому что таково было условие». Именно так и не иначе я скажу Разаку Али Саиду.

— А Разак Али, — фыркнул Бармалей, — послушается?

— Инш' Аллах.^[77]

Бармалей покивал головой, почесался, потянул носом, пососал воздух, одним словом —

думал.

— Не буду с тобой темнить, Салман, — сказал он наконец. — Не я решаю относительно минирования. Решения спускают свыше, приказы дают только чуть ниже, вертушки летят, куда приказано, мины разбрасывают там, где приказано. Или более-менее там, где приказано. А ты что думал? Что Кабул вызывает меня по радио, чтобы спросить? «Дорогой Владлен Аскольдович, как вы смотрите на минирование? Не будете против, если мы тут негде-то сбросим какую-то тысячу мин пэ-эф-эм?»

Салман Амир Юсуфзай посмотрел ему в глаза.

— Хитришь, дорогой Владлен Аскольдович. Ты знаешь и я знаю, что никому выше не придет в голову идея минирования, если ты не доложишь, что есть такая необходимость. И это, собственно, должно быть предметом нашего условия.

— То есть?

— Не докладывай. Если через ущелье Заргун перебежит, предположим, несколько стад диких коз или газелей, детонируя разбросанные там мины, ты просто не доложишь об этом факте. Повременишь несколько дней.

— Я-то повременю, — сощурил веки Бармалей, — а через очищенное от мин ущелье пройдет отряд, который перестреляет моих людей. Ведь может такое случиться?

— Инш'Аллах, — пожал плечами Салман Амир. — Наше условие не запрещает тебе быть бдительным.

— Какая у меня гарантия, что через ущелье пойдет транспорт с опиумом и чарсом? А не оружие?

— Мое слово.

Бармалей минуту молчал.

— Касательно конопли и мака, — он многозначительно поднял брови. — Удалось что-то вырастить?

Салман Амир Юсуфзай повеселел, оскалил зубы в улыбке. По его сигналу длинноволосый моджахед с US ARMY вытащил из коляски мотоцикла следующий сверток.

— Оценишь сам. Как по мне, товар — первый сорт.

— Даешь мне бакшиш?

— А что? Побрезгуешь?

Бармалей кивнул Захарычу, тот взял сверток. Черномор снова зарычал, наверняка желая им, чтобы они этим подарком подавились. Салман Амир Юсуфзай поднялся.

— По рукам?

— По рукам, — Бармалей тоже поднялся. — Дикая газель детонирует мины в ущелье Заргун. А я пять дней не буду об этом докладывать.

— Десять дней.

— Неделью.

— Согласен.

— За это время... — Бармалей повел взглядом от Салмана до Черномора и назад. — За это время на мою заставу никто не совершит нападения. Никто. Ни твои, ни Разак, ни какая-либо иная независимо действующая здесь группка. Салман? Я хочу иметь твою гарантию, а не какое-то там иншаллах. Гарантируешь?

— Гарантирую.

— Тогда по рукам.

— По рукам. Бывай, Самойлов. Иди уже.

— Если можно... — сказал Леварт, неожиданно даже для самого себя. — Если можно, я бы хотел о чем-то спросить.

Как ни странно, меньше всего это удивило Салмана Амира Юсуфзая. Во всяком случае, он первым обрел дыхание и дар речи.

— Кто спрашивает, тот не блуждает, — холодно сказал он. — Спрашивай, командир западного блокпоста.

— Змея с золотистым цветом чешуи. С золотыми глазами... Что это за вид? Известна вам такая рептилия?

Какое-то мгновение казалось, что Салман Амир Юсуфзай от удивления откроет рот. Не открыл. Быть может, не успел. Потому что быстротой реакции его превзошел Черномор. Хаджи Хатиб Рахикулла.

— Аль-шайтан! — закричал он, вскакивая. — Саир! Алука! Бану хаьыа! А'уду биллаахи минаш'шайтаанир-раджиим!

Крича и оплевывая себе бороду, он схватился за рукоятку кинжала. Казалось, что сейчас он бросится на Леварта. Захарыч схватил АКМ, Бармалей быстро сдержал его. Юсуфзай окриком и жестом удержал моджахедов, схватил Черномора за рукав, быстро заговорил на дари. Черномор успокоился.

— Ла илаха иль-Аллах! — сказал он напоследок. Потом бросил на Леварта еще один ненавидящий взгляд, после чего повернулся спиной.

— Извините нашего муллу, — прервал молчание Салман Амир Юсуфзай. — Егс оправдывают глубокая вера, почтенный возраст и трудное время. Не обязательно в этой последовательности. Тебе же, командир убранного блокпоста, надо отдать должное: можно остолбенеть от твоего вопроса. Но, поскольку ни один вопрос не должен остаться без ответа, я отвечу. Змеи, каких ты описал, не существуют. Во всяком случае, не должны. Очень опасно ими заниматься. А уж ни в коем случае...

Он замолк на минуту, покрутил головой, как будто удивляясь тому, что говорит.

— Ни в коем случае, — закончил он быстро, — нельзя идти туда, куда она ведет. Бывайте, шурави. Идите. Аллах с вами.

* * *

Следующей ночью взрывы не дали уснуть. Дикие животные то и дело взлетали в воздух на минах в ущелье Заргун.

Утром, едва солнце немножко нагрело песок, Леварт пошел к яру.

* * *

Змеи не было. Не появилась. В ущелье все было иначе. Теснота давила, душил смрад, противный запах гнили, сверлящая в носу вонь зверинца. Леварт видел то, чего раньше не замечал: грязные потеки на камнях, которые выглядели, как засохшая блевотина. Экскременты змей, разлагающиеся трупы крыс, жужжащие над ними зеленые, толстые, гадкие мухи. Чахлый мох, напоминающий мерзкий лишай, на скалистых стенах.

Да, он должен, обязательно должен понять, должен суметь расшифровать и разобраться

в сигналах, уяснить, что это — предупреждение. Предупреждение перед полосой трагических событий, которым суждено произойти.

Которые начались со смертью Ваньки Жигунова.

* * *

Ванька Жигунов погиб, можно сказать, по собственному желанию.

— Послушай, прапор, — обратился он к Леварту, — дай-ка ты мне сейчас подежурить денек-второй на ка-пэ-пэ. Здесь на блокпосте тоска страшная, ребята уже бесятся. Я бы взял на калитку еще тех наших трех молодых, поднатаскал бы их, показал, как на посту стоять, научил их бдительности. Была бы для них хорошая наука.

— Эх, Иван, Иван, — покрутил головой Леварт. — Что ты из меня дурака делаешь? Даже противно слушать. Солдат поднатаскаешь, бдительности научишь? Да ты просто завидуешь Валере, что он обогащается, грабя афганские автобусы. Захотелось самому грабежом заняться. Валера — типичный мародер и спекулянт, рано или поздно кто-нибудь его заложит и он попадет под трибунал. Я думал, что ты умнее, сержант.

— Ты преувеличиваешь, прапор, — скривился Жигунов. — Валера в самом деле ворюга и урка, зона ему светит стопроцентно. Но если бы каждого нашего брата, который на калитке азиатов обдирает, под трибунал отдать, то на всех бы трибуналов не хватило. Закрой глаза. По старой дружбе. Не крути, не крути головой! Я знаю, почему ты не соглашаешься. Могу сказать тебе это прямо в глаза, хочешь? Ты высылаешь Валеру на ка-пэ-пэ, хоть знаешь, что он ворует и грабит, потому что тебе противно его возле себя видеть. Предпочитаешь, чтобы рядом я был. Ничего мне за это не причитается? Пусты на дежурство, Павел Славомирович.

— Ну, иди.

* * *

О том, что в направлении КПП движется какой-то транспорт, сообщили по радио с точки, удаленного поста «Муромца». Жигунов встал, схватил АКМ.

— Ну, ребятки, — позвал он солдат. — За работу. Так, как я учил. А ты что, Сметанников, на рыбалку собрался? Или к тете на именины? Надеть броник! Всем надеть броники, и как следует! Кожемякин, Ткач, за мной на дорогу. Ефимченко к пулемету. Шевелись!

Из-за поворота, лавируя среди скатившихся со склонов камней, показалась, однако, не долгожданная бурбахайка, то есть загруженный доверху пассажирами и багажом местный автобус, источник добычи и обогащения. То, что показалось, было побитым и ужасно ободраным белым пикапом.

— За рулем дедуля в чалме, — доложил из-за бинокля Сметанников. — Рядом с ним бабища какая-то. На кипе две... Нет, три бабы в паранджах. И никакого большого багажа.

— Не пофартило, — сплюнул Жигунов. — Никакой пользы от них мы не получим. Не будет у них ничего, что взять стоило бы.

— Тогда как? — спросил Ткач, вертясь под тяжестью жилета. — Пропустим их?

— После контроля. Мы тут для того, чтобы контролировать, забыл? Прикрой нас, Ефимченко. Эй, там! Стоять! Контроль!

Пикап, который до этого времени едва волочился, вдруг рванул вперед в облаке выхлопов. Старик-водитель с бородой, как у козла, сгорбился над рулем. Женщина, которая сидела возле него, выставила через окно ствол Калашникова и выпалила очередью по постовым. Ткач завыл и упал. Жигунов и Кожемякин нырнули за мешки с песком.

— Вали в них, Вова! — зарычал Жигунов. — Вали! Огонь!

Ефимченко не успел. Не было у него достаточно сноровки, его руки тряслись, пальцы два раза соскользнули с пэказама. У баб на кузове пикапа сноровки было куда больше. Потому что это были вовсе не бабы, а одетые в паранджу духи. У одного была американская базука М-72, у второго РПГ-7, оба пальнули в бункер калитки. Третий бросил три связанные проволокой гранаты. Женщина выстрелила весь магазин. После чего пикап на полном ходу начал уходить. Кожемякин выскочил из укрытия и догонял его огнем из РПК. Но когда моджахеды сыпнули с кузова градом прощальных пуль, он смылся за камни.

Подбежало подкрепление, но слишком поздно, чтоб хотя бы увидеть большие буквы «ТОУОТА» на задке пикапа. Подбежал Якорь, Гуцин и солдаты с «Руслана», подбежали с «Муромца» Бармалей и Захарыч. Подбежал Леварт и Ломоносов.

Мирон Ткач, раненный в обе ноги, валялся в конвульсиях на дороге и выл от боли. Боря Кожемякин, тот, что вначале плакал на заставе, оказывал ему первую помощь. А внутри разбитого бункера КПП, среди тлеющих тряпок и коробок, сидел с отсутствующим взглядом Володя Ефимченко, нежно голубя свой ПКМ. Неподалеку, окровавленный и обожженный, раненный, но скорее всего не очень серьезно, всхлипывая, корчился Федя Сметанников. Его разорванное левое ухо свисало до самого погона, как обрезанная кожура яблока. Но Сметанникова не интересовало состояние его уха. Он пристально всматривался в лежащего два метра дальше сержанта Жигунова.

— Санитар! — закричал Бармалей. — Санита-а-ар!

Жигунов был жив. Благодаря пуленепробиваемому жилету он не погиб на месте. Однако у него было очень обожженное и обезображенное лицо, обе ноги, от бедра вниз, были обгоревшие и изувеченные. Но больше всего досталось левой руке. Осколки посекали плечо и вырвали целые куски бицепса. Во многих местах выглядывала кость.

— Держись, Ваня, — прохрипел Леварт, становясь возле него на колени. — Ради Бога держись... Братан...

Он вырвал из рук санитара шприц с промедолом, синтетическим морфином, и сам сделал укол. Сразу после этого у него начали дрожать руки. Бармалей оттянул его. Санитар уколол Жигунову еще один промедол, после чего начал перевязывать руку сержанта, бинтуя ее вместе с обгоревшими обрывками рукава. Жигунов напрягся и закричал. Из-под его ног вдруг забила темно-красная кровь.

— Хочу до... до... мой... — выдавил он из себя меж лопающихся на губах пузырей.

И умер.

Все стояли неподвижно. Ткача забрали на носилках. Его тоже спас броник, огнестрельные раны ног были не настолько серьезны, как можно было бы судить из его панических криков.

— Докладывают с точки, — прервал вдруг тишину Якорь. — Едет следующий автомобиль. Большой.

Бармалей аккуратно вытащил из объятий Ефимченко ПКМ, взвесил в руках.

перезарядил. Когда он шел по дороге, к нему подсоединились Якорь и Леварт с акаэсами. И бледный как смерть Кожемякин с РПК.

Леварт знал, что на этот раз покажется из-за поворота дороги, сопя и воняя на подъезде, скрипя и покачиваясь на выбоинах. Еще до того, как автомобиль появился, в глазах Леварта уже стояла афганская бурбахайка, местное средство передвижения, высокий автобус, фантастически разрисованный разноцветными граффити и яркой вязью арабского письма, которая, как считалось, была цитатами из Корана, магическими заклятиями и пожеланиями счастливого пути. Прежде, чем автобус показался, Леварт уже видел украшающие его веревочные гирлянды, слышал, как мягко позванивали колокольчики, которыми была обвешана кабина.

Бармалей вышел на середину дороги. Бурбахайка выехала из-за поворота. В точности такая, какую чуть раньше видел Леварт. Даже, наверное, еще более разукрашенная и цветная, чем та, что была в его видении. Бурбахайка покачивалась, оседая под тяжестью тюков, чемоданов и прочего багажа, который возвышался пирамидой на крыше. За рулем был молодой парень в паколе. Леварт видел, как при появлении Бармалея, парень скалит в улыбке белые зубы из-за испачканного и треснутого лобового стекла. Видел набившихся вовнутрь пассажиров, в основном женщин. Видел прилипших к окнам детей в вышитых тюбетейках, видел их большеглазые лица, расплющенные на стеклах.

Зашипели открывающиеся двери, водитель оскалил зубы. Бармалей поднял ПКМ.

— Ас-салааму алейк...

Бармалей разнес его очередью. Кровь забрызгала окно кабины. Вторым открыл огонь Кожемякин, просто в окна автобуса. После него начал стрелять Якорь и Леварт. Потом остальные. Автобус трясся. Автобус дымил. Автобус кричал. С громким свистом вышел воздух из продырявленных шин, бурбахайка тяжело осела на оси. Из окон сыпалась стеклянная каша, сквозь которые с криком протискивались люди. Якорь и Кожемякин, не прекращая, секли их ураганным огнем. Бармалей косил из пэкаэма толпу, которая пыталась выбраться через двери, вываливающиеся трупы в мгновение ока завалили выход. Захарыч и остальные прошивали пулями борта, дырявили их, как сито. Пассажиры выскакивали через выдавленные окна с другой стороны автобуса, но только там их уже ждали пули Гущина и ребят из «Руслана».

— Люди! — неожиданно закричал Ломоносов, закричал так, что даже перекричал канонаду. — Одумайтесь! Одумайтесь!

Бармалей прекратил стрельбу. Но не по призыву ботаника, просто выстрелял всю ленту с ящика боеприпасов. После него, без команды, прекратили огонь остальные. Леварт посмотрел на пустой магазин в руке. Удивился, что это уже третий.

Автобус дымил. Из бортов, из простреленных отверстий, как из продырявленных бочек с горючим, ручейками била кровь. Внутри кто-то, захлебываясь, стонал. Кто-то плакал.

— Захарыч, — прохрипел Бармалей. — Дай мне «Муху».

Он схватил поданный ему РПГ-18, быстрым движением разложил трубу гранатомета. Обернулся, наткнулся на взгляд Ломоносова. Сжал зубы.

— Это война, — сказал он, может, ботанику, может, себе. Может, остальным.

— Отойти.

Прицеливался недолго, в бак автобуса, туда, откуда текло горючее.

Грохнуло. Автобус превратился в горящий шар.

Оставшийся каркас догорал еще долго.

Инцидент не имел никаких последствий. Ни малейших.

Для спецотдела Бармалей составил рапорт. Краткий, но содержательный. Тринадцатого июня текущего года, тра-та-та, на заставу «Соловей» было совершено нападение. Нападающие, сахиды-смертники, укрывшись среди местных обитателей, передвигающихся гражданским транспортным средством, снабженные большим количеством взрывчатого материала, пытались уничтожить контрольно-пропускной пункт заставы. Примитивный заряд, тра-та-та, взорвался преждевременно, в результате взрыва гражданское транспортное средство подверглось полному уничтожению. Все нападающие погибли, равно как и неопределенное количество гражданских лиц. Потери на заставе: один убитый, двое раненых. Подписал исполняющий обязанности командира заставы старший прапорщик Самойлов В. А.

Мирон Ткач и Федор Сметанников полетели вертолетом Ми-4 в медсанбат. В качестве «груза триста». Сметанников вернулся на следующий день, забинтованный, но годный к службе.

Для Бориса Кожемякина происшествие на КПП означало продвижение. По служебной лестнице.

— Вот, братва, — рассказывал в роте ефрейтор Валера. — Показал Боря, что знай наших! Я думал, что это какой-то чирик недорезанный, чмо драное. А он парень боевой. Джигит, как я посмотрю! Хищник, можно сказать. Настоящий коршун.

Коршун.

Эта кликуха сжилась и срослась с Борей Кожемякиным.

Осталась с ним до конца жизни.

То есть на четырнадцать лет и шесть месяцев. Потому что столько осталось ему до конца жизни.

Нетрудно было сообразить, что Бармалей долго готовился к разговору и долго колебался. Леварт решил облегчить ему задачу и дать такую возможность. Нашли такое место, где можно было поговорить с глазу на глаз. В ротном сортире.

Присели. Бармалей вопросительно покашлял, вытащил из кармана мундира два шприца и протянул в сторону Леварта. Леварт отрицательно покрутил головой. Героин, на солдатском жаргоне «руин», не был на заставе диковинкой. Долбился им на заставе не один и не два среди солдат. На «Горыныче», до того, как он приказал там провести уборку, то и дело наступал на одноразовые шприцы, везде валялись упаковки от игл и пробки от бутылок, служащие для подогрева. На других блокпостах было похоже.

Леварт героин не колол. Не брал никогда, даже кубика, хотя возможностей предоставлялось множество. Сразу после инцидента с автобусом он был в шаге от иглы, а гера была под рукой, в свертке, который подарил Салман Юсуфзай. Тогда зарядились Бармалей и Гущин, а также Якорь, которого он давно подозревал в регулярном употреблении. Сам, несмотря на искушение, смог удержаться.

— Ясно, — кивнул Бармалей, пряча принадлежности. — Ясно, братан, понимаю. А как насчет травки? Покурим?

— Это можно.

Бармалей затаился, передал косяк Леварту, осторожно, чтобы не просыпалась анаша.

— Мне, братан, — перешел он к делу, — выражение лица нашего профессора не нравится. Этот автобус... Интеллигенция как бы переживает. Ну, так и я переживаю, ради Бога, врать не буду... И ныне грех гнетет душу мою, гнетет... Но идет война. Война! Нас убивают, мы убиваем... А кровь требует крови. Вот и все, точка. Я это знаю, Якорь это знает, ты это знаешь. Все мы согрешили... Но наш Ломоносов меня тревожит. Не донес бы он? Чтоб совесть облегчить, душу успокоить? А? Паша? Ты его лучше знаешь...

— Я его вообще не знаю, — Леварт затаился и медленно выпустил дым. — Вижу, что переживает. Но он не донесет.

— Откуда уверенность?

— Это диссидент. То есть недовольный строем. Собственно, за это его из университета в армию... По доносу, ясное дело.

— И это доказательство, — поднял брови Бармалей, — того, что он не донесет? Потому что сам пострадал из-за доноса? Не очень меня это убеждает. И то, что он диссидент, для меня вовсе не означает, что он сразу же святой и весь насквозь прав. Прямо противоположные случаи приходилось мне видеть. Нет, Паша. Поговори ты с ним. Открыто, по душам. Надо знать что к чему, а то... Сам понимаешь. За тот автобус трибунал был бы. И приговор, наверняка не из мягких. Это в лучшем случае, а то могли бы вообще... Сам знаешь. Пустить в расход без лишних разговоров. А у меня в Обнинске жена, дочурка трехлетняя. Я что, мать твою, должен осиротить ее, потому что у кого-то совесть слишком чувствительна? Да и ты, Пашка, как мне кажется, в суд военный не торопишься.

— Я поговорю со Станиславским, — Леварт посмотрел ему в глаза. — Проверю его. Ты же, старший прапорщик Самойлов, не делай, пожалуйста, ничего опрометчиво. Особенно не делай того, чего нельзя бы было вернуть назад. Ты понял меня?

Бармалей понимал. Его взгляд в этом отношении не оставлял никаких сомнений.

* * *

Чтобы иметь возможность побыть наедине он вывел Ломоносова под взлетку вертолетов, за Бастион, то есть за большую дыру в земле, выкопанную там общим и идиотским солдатским трудом. Обошлось без хлопотных вступлений и увертюр. Ломоносов мгновенно сориентировался, в чем дело и о чем предстоит разговор.

— Речь об автобусе, да? О том, чтобы я забыл? Не слишком много ли ты от меня требуешь, дорогой Павел Славомирович? Я должен забыть о преступлении, свидетелем которого я был?

— Должен.

— Я видел тела людей, иссеченных пулями и настигнутых битым оконным стеклом. Я видел кровь, льющуюся ручьями из продырявленного кузова. И видел там тебя с акаэсом в руке.

— Идет война. Нас убивают, мы убиваем...

— Не корми меня банальностями.

— По-твоему, десятки деревянных ящиков, отлетающих из Баграма и Кабула в грузовых отсеках «Черных Тюльпанов», — это банальности? Подумай о родителях, которые вынуждены там, в Союзе, забирать эти ящики, и даже не присев, давать расписку в получении. Война — это война, товарищ Станиславский. Ты здесь не наблюдатель и не миротворец. Ты приехал в Афган воевать. А коль воюешь, прими войну по полной программе. Ты сетовал на нашу страну, что она в застое, что замерла, как скованная льдом. Ты хотел изменений, тосковал по оттепели, началом которой должна послужить эта война. Ты жаждал развития. А импульсом и закваской этого развития должна была послужить эта война. Так что прими эту войну. Прими такой, какой она есть. Прими, как наследство. С инвентарным правом.^[78] Другой она не будет. Потому что никакая война не бывает другой. Согласись с этим. Я тебе от души советую.

— Твоих советов я слушать не буду, — Ломоносов поджал губы. — Потому что это был бы первый шаг к тому, чтобы стать таким, как ты. А я не хочу быть таким, как ты. Ты соглашаешься, ты привык, ты делаешь то, что тебе прикажут. Приспосабливаешься и плывешь по течению, повторяя извечный принцип конформистов: «Зачем высовываться? Ведь и так ничего не изменится». Такие, как ты, Павел, во всем виноваты. Не Андропов, не Устинов и Громыко, не Брежнев, не Сталин, не Ежов и не Берия. Только такие, как ты, которые выполняют приказы. Которые выполняют любой приказ, безразличные, пассивные, индифферентные и бесчувственные. Это благодаря тебе и таким, как ты, мы имеем то, что имеем. Страну, в которой царит патологическая апатия, маразм и болезненный застой, такой удобный для правящих. Это благодаря тебе и тебе подобным нашу страну поражает вирус безразличия. Потому что хотя изменений вроде бы жаждут все, причем так сильно, что чуть не пищат, ничего не меняется. Потому что большинству все это по фиг, большинство делает то, что ему прикажут. И не высовывается. Покорно склоняет головы, как ты, и принимает все, как наследство. Как ты смотрит на происходящие вокруг ужасы и не реагирует. А какой смысл реагировать? И так ведь ничего не изменится. Я тебе вот что скажу: мне легче понять Самойлова, который стрелял по гражданским в порыве бешенства, из жажды мести. Легче мне понять его, чем тебя, без эмоций выполняющего приказы.

Леварт молчал.

— Я буду хлопотать о переводе, — сказал через какое-то время Ломоносов. — Не хочу с вами служить. Но ты не бойся. Я не доложу, не донесу, не выдам вас. Передай это Самойлову и Авербаху. Пускай не сторонятся и волком не глядят на меня. А если не поверят... Что ж, пусть делают то, что считают необходимым. Захарыч уже два дня ходит за мною, ходит и поглядывает на мою спину. Как будто там уже мишень нарисована. Вот с этим я как раз могу согласиться. Потому что, как писал один официально несуществующий писатель, существует много вещей, которых человек не должен ни видеть, ни даже смотреть на них, а если увидел, то лучше бы ему умереть.

— Неужели... — Леварт запнулся. — Неужели ты думаешь... Неужели ты считаешь, что я бы им позволил...

— Я не знаю, что мне думать, — прервал его ботаник и отвернулся. — Не знаю, что ты считаешь наследством, приказом высшей инстанции, не подлежащим обсуждению и освобождающим от какой-либо ответственности. Не знаю, что в состоянии переломить твою индифферентность. Ты ведь настоящие чувства проявляешь только в общении со змеей.

Когда на следующий день Леварт обо всем доложил Бармалею, тот долго кивал головой и покусывал губы.

— Как это, черт возьми, получается? — спросил он наконец, чуть уклоняясь от основной темы. — Скажи, Паша. Станиславского, за то, что он вроде неблагонадежный, забирают в армию. В наказание. Таким же образом и другим диссидентам определяют наказание. Что же тогда такое наша сознательная, пролетарская и интернациональная армия? Как что она воспринимается? Как лагерь? Как исправительная колония? А если так, то тогда мы, солдаты, мы, те, которые служат, — кто? Ссылные? С другой стороны, — добавил он через минуту, вроде бы успокоившись, — ссылка, как ни посмотри, в истории Руси — вещь немаловажная. Кузница талантов, можно сказать. Из искры возгорится пламя и так далее. Как когда-то, так может и сейчас, ссылка явит какую-то большую фигуру, героя нашего времени. Появится у нас новый Ленин или новый Троцкий...

«А может, все-таки, лучше новый Герцен, — подумал Леварт. — Или новый Радищев».

— Что скажешь, Паша?

Леварт не ответил. Даже если бы хотел, не смог бы. Низко над их головами загрохотали моторы, над заставой волной пролетела четверка вертолетов Ми-8. Сразу стало понятно, что все они летят к выходу ущелья Заргун и к его окрестностям. Леварт без труда догадался, с какой целью. Когда увидел под вертолетами кучи предметов, выбрасываемых из баков.

— Мины, — не спросил, а констатировал он. — Летчики ставят мины. В ущелье Заргун.

— Минируют ущелье, — холодно подтвердил Бармалей. — Минами ПФМ-1.

— Ты заявил...

— Что есть такая срочная необходимость.

— А Салман Юсуфзай. Мы дали слово...

— Они первыми нарушили соглашение, — отрезал Самойлов. — Салман первым нарушил принципы перемирия. Ты веришь в то, что нападение на ка-пэ-пэ совершили без его ведома? Я, например, не верю. Так что если сейчас пару басурманинов покалечим, он наши намеки поймет. Пусть знает, что мы не позволим о себя ноги вытирать. Отплатим за Жигунова.

— За это Салман, в свою очередь, захочет отплаты.

— Это война, — стиснул зубы Бармалей. А потом осмотрелся, снизил голос. — Плевать нам на душманскую отплату. В разговоре с Кабулом я немножко пошептался... Короче: в связи с планами какого-то наступления заставу должна принять десантура из Джелалабада, мощная рота из сорок восьмого отдельного десантно-штурмового батальона. Прежде, чем Салман подумает об отплате, нас здесь уже давно не будет. А если он ударит по десанту, то зубы себе поломают.

Грохот от первой взорвавшейся мины донесся из ущелья Заргун вечером, до того, как стемнело. Потом грохнуло еще несколько раз. Всего лишь несколько. И не слишком громко, мина ПФМ-1 много шума не делает.

Ничего особенного, никакой сенсации, никто на заставе по этому случаю не переживал.

Утром наступил новый день. Семнадцатое июля. Уже с самого утра жаркий, горячий как никогда, нетипичный даже для этого времени года день.

О своем намерении пойти в ущелье Леварт не сообщил никому, даже Ломоносову. Не поставил в известность также и Бармалея. Не было у него желания выслушивать лекции о минах ПФМ, о том, как часто их бурые плоские, легкие, напоминающие мотыльков, корпуса летят далеко, намного дальше от собственно района минирования, как легко даже слабые порывы ветра несут их во все стороны света. И присыпают песком, что делает их совершенно незаметными. Но достаточно даже слегка наступить на мягкий полиэтиленовый корпус, чтобы потерять стопу. Взрыв сорокаграммового заряда разнесет и покалечит ее так, что все закончится ампутацией.

Ему не нужны были поучения, он вполне осознавал опасность. Каменистая территория, отделяющая его от ущелья, уже изученная и исхоженная, сегодня вызывала страх, от которого мурашки шли по телу. Каждый камень, уже хорошо знакомый, сегодня, казалось, шипел и трещал, как гремучая змея.

Но Леварт пошел. Впервые после инцидента с автобусом. Раньше не мог. Не хотел. Что-то сдерживало его.

Сегодня он чувствовал и знал, что должен пойти. Последний раз перед тем, как их переведут, как их сменит десантура. Перед тем, как загадочные и непонятные планы командования бросят их в другой уголок Афганистана. Туда, откуда можно не вернуться.

Возможно, ему просто повезло. Возможно, летчики в этот раз разбрасывали не как обычно широко и вслепую, а минировали точно. Он не наступил на мину. Даже ни одной не увидел.

В яру ничего не изменилось. Зеленые мухи тучей кружились над падалью и экскрементами, стены скал выглядели так, словно их недавно кто-то облевал. Леварту это не мешало. Он сам чувствовал себя так, будто его недавно кто-то облевал.

Змеи не было. Она не лежала на камне, когда он входил в яр, не показалась, когда он вошел глубже. У него не было ни чувства сожаления, ни разочарования. Он подозревал, что все кончилось, что инцидент на КПП, смерть Жигунова и пассажирский автобус, с которым они так жестоко расправились, закрыли определенную главу. Что все это было паузой. Барьером, отделяющим тайное и сказочное от обыденного. То есть от приземленного, грязного, гадкого и ужасающего.

Он отложил свой АКС. Сел на плоский камень, тот самый, на котором обычно свивалась клубком змея.

Потом он вытащил из кармана шприц и иглу. Ремешок с пряжкой, оторванный от носилок. Алюминиевую общеармейскую ложку. Зажигалку.

И героин, завернутый в фольгу.

«Когда-то надо начать, — подумал он. — А момент как раз удобный. Лучше не придумаешь».

Он подвернул левый рукав. Набросил выше локтя ремешок, затянул, помогая себе зубами. Повторил многократно виденный у других ритуал подготовки: подогревание зажигалкой на ложке, набирание в шприц, сжатие кисти в кулак, укол в вену, втягивание в шприц крови. И залп.

Эффект был почти мгновенный.

Стены ущелья сошлись, словно Симплегады,^[79] будто вот-вот должны были

столкнуться, сомкнуться, а его, попавшего между них, раздавить и расплющить. Он не испугался, даже не дрогнул, чувствуя охватывающую его эйфорию. Жестом всесильного существа он распростер руки, и каменные стены, послушные его воле, раздвинулись, расступились, разошлись. Своим всесилием он отпихнул их еще дальше, еще дальше, пока они не исчезли совсем, где-то за светлым, пылающим горизонтом, далеко, в безбрежной, ослепительно яркой, раскаленной солнцем равнине.

Эйфория поднимала его все выше и выше. Он вдыхал горячий воздух и чувствовал, как широко раздувается его грудь. Небо меняло цвета, пульсировало феерией красок.

В это время змея выползла из глубины яра. Казалось, что она тоже меняет краски, появляясь и исчезая в разноцветных вспышках. Она подползла совсем близко, свилась в клубок и замерла. Лежала...

Вдруг ему захотелось описать, каким образом она лежала. Не хватало слов. Однако он нашел их быстро. И совершенно неожиданно. «*Cirque-couchant*». [\[80\]](#)

...bright and cirque-couchant in a dusky brake.
A Gordian shape dazzling hue,
Wermillion-spotted, golden, green and blue...

Змея медленно, очень медленно поднимала голову.

Казалось: узел Гордиев пятнистый
Переливался радугой огнистой,
Пестрел как зебра, как павлин сверкал
Лазурью, чернью, пурпуром играл.
Сто лун серебряных на теле гибком
То растворялись вдруг в мерцанье зыбком,
То вспыхивали искрами, сплетясь
В причудливо изменчивую вязь.
Была она сильфидою злосчастной,
Возлюбленною демона прекрасной
Иль демоном самим? [\[81\]](#)

Глаза змеи излучали пульсирующие цветные круги. В ушах Леварта загрохотало так, будто прямо у него над головой взлетел реактивный самолет. «МиГ» или «Сухой».

* * *

Some demon's mistress, or the demon's self... [\[82\]](#)

* * *

Птицы, тысячи птиц, шум перьев, хлопанье крыльев. Он чувствовал на лице нежное прикосновение птичьего пуха.

Из глаз змеи струился свет. Вокруг снова была каменистая, выжженная солнцем равнина. Горячий ветер нес песок и пыль. Птицы исчезли, но он все еще слышал хлопанье их крыльев.

Прошло какое-то время, прежде чем он понял, что это хлопает плохо прикрепленное полотнище палатки, кое-как прижатое ящиком с амуницией.

Над равниной вдалеке виднелась синяя горная цепь. «Афганистан, — подумал Леварт. — Даже бред, даже героиновый приход всегда заканчивается Афганистаном».

— *More tea, Drummond, old boy?*^[83]

— *Yes, please.*

Он ответил, хотя его не зовут Друммондом. Он не знает ни слова по-английски. И не имеет понятия, почему на нем мундир цвета хаки с офицерскими нашивками на рукавах.

* * *

Лейтенант Артур Ханивуд махнул индусскому ординарцу, подав знак, чтобы тот налил чая всем желающим.

— Война закончена, — убедительно заявил он. — Мы достигли того, чего должны были достигнуть, а именно: усиления британского влияния в Афганистане. Разделяй и властвуй, *my dear gentlemen*. Кабул в наших руках, эмир свергнут, Афганистан поделен на провинции, власти провинций — наши марионетки. Я с уверенностью заявляю, что можно готовиться к возвращению.

— Готовясь к возвращению, — сказал Эдвард Друммонд, — надо посмотреть правде в глаза. После этой войны некоторые полки займут почетное место в истории Британской империи, и закрепят это место новыми заслугами и славой. Семнадцатый из Лестершира, Пятьдесят Первый из Йоркшира за Али Масджед, Восьмой Ливерпульский и шотландские горцы за Певар Коталь. Их лавры, согласитесь, вполне заслужены. Тем более неприятно приходится констатировать, что наш Шестьдесят Шестой не отличился ничем столь же славным.

— Во-первых, это не совсем так, — нахмурил свои светлые брови Генри Джеймс Барр. — *By George!* Мы отыграли в этой войне свою роль, провели достаточно сражений. Возможно, судьба поскупилась для нас на битвы и победы такого масштаба, как Али Масджед, Певар Коталь или Фатехабад, но стыдиться нам нечего. Во-вторых, мы воевали там, куда нас послали, и так, как было приказано. За нашу страну, за королеву и отчизну. Не для славы, не для почестей и не для мраморных досок. Доски для меня не важны. Для меня достаточно сознания того, что я честно исполнил свой солдатский долг.

— Победа солдату необходима, — убежденно заявил Уолтер Райс Оливи. — Сила солдата в солдатских традициях, а традиции возникают и создаются из побед. Победа делает солдата. И чем она больше, и чем достойнее побежденный противник, тем лучше солдат. А поскольку наши солдаты лучшие в мире, то в самом деле заслужили противника более достойного, чем местные аборигены.

Райс Оливи, Ханивуд и Барр были товарищами Друммонда, вместе в один год всей четверкой закончили Сандхерст, вместе получили звания лейтенантов и назначение в

Шестьдесят Шестой пехотный полк Ее Королевского Величества. Было это почти год назад. Здесь, на биваке под Кандагаром, за полевым чаем, с ними был еще один выпускник военной академии, старше их на год старший лейтенант Томас Уиллоуби из Королевского 3-го Бомбейского кавалерийского полка, одетый так же живописно, как его индийские подчиненные, в расшитый алкалак,^[84] перепоясанный пурпурным камарбандом.^[85]

Друммонд задумчиво игрался ручкой чашки.

— Сержант Эпторп из второй роты, — сказал он наконец, — пожаловался мне вчера. «Мой отец, сэр, — сказал он, — воевал с русскими под Инкерманом, а потом с мятежниками под Махраджпуром. Он с гордостью носит Крымскую медаль и Звезду Гвалиор. И до сегодняшнего дня, когда он входит в „Сити оф Йорк“ на Хай Хоборн, то все раскланиваются с ним у барной стойки. А чем я похваюсь, вернувшись в Лондон, сэр? Тем, что стрелял в черномазых полуголых дикарей в тюрбанах, вооруженных ржавыми ножами, луками и старыми самопалами? Тоже мне служба, сэр! Срам один, сэр. Что мы здесь делаем, сэр?»

— Надеюсь, — Барр в характерной для него манере принял важный вид. — Надеюсь, что ты поступил с ним так, как он этого заслуживает. *By Jove*, не будет толку в армии, если всякий сержантишка осмеливается обсуждать приказы командира. И подвергать их сомнению...

— Армия держится на сержантах, — повысил голос Райс Оливи. — И это не прусская армия, но британская. Британский сержант имеет право обратиться к британскому офицеру, если у него есть сомнения. А обязанность офицера — эти сомнения развеять. Только так и не иначе усиливается сплоченность и боевой дух в войсках.

— Разве ты не мог развеять сомнения твоего сержанта, Тедди, *old fellow*? — засмеялся Ханивуд. — Объяснить ему, в чем смысл этой войны и Большой Игры?^[86] Имея для этого готовую речь? Ту самую, которой нас потчевал старый Стюарт в Пенджабе и Мултане?^[87] Помнишь же?

— Помню.

* * *

— Господа офицеры!

Генерал-лейтенант сэр Дональд Мартин Стюарт, кавалер Ордена Бани,^[88] шотландец, ветеран войн в Афганистане, Абиссинии и Индии во время Великого Бунта,^[89] перекинул сигару из одного угла рта в другой. Потом, чтобы все-таки его было лучше слышно на шумном собрании, вынул сигару изо рта. С явным сожалением.

— Страна, в которую я прикажу вам вступить и ввести войска, — это Афганистан, — громко начал он, водя глазами по лицам, окружавшим его. — А нашими противниками, людьми, с которыми мы вступим в бой, будут жители Афганистана: пуштуны, африди и гильзаи. Наш противник — Шер Али, эмир Афганистана. Но наш настоящий противник господа офицеры, — это Россия. Видимо, слишком тесен мир для двух империй, для Альбиона и России, следовательно, конфликт, начавшийся в Крыму под Альмой, Инкерманом и Балаклавой, по-прежнему продолжается и будет продолжаться. В кампании, которую мы начинаем, вам, господа офицеры, не доведется скрестить шпаги с казаками. Тем

не менее воевать вы будете против России, и не забывайте об этом даже на минуту! Против России, агрессивной и захватнической державы, жаждущей власти над миром. Мы не совершаем вторжение в Афганистан. Мы идем в бой, чтобы собственной грудью заслонить и оградить от русского захватчика Индию! Драгоценный камень в британской короне, который грязная Россия хочет из этой короны выдрать.

Генерал затаился, выпустил облако дыма. Потом вынул сигару изо рта и смачно плюнул на пол.

— Все началось в 1813 году, — загремел он снова, обтирая рукавичкой бакенбарды, — после русско-персидской войны и подписанного в Гюлистане^[90] мирного договора, по которому России отходили персидские провинции Азербайджана, Дагестана и Грузии. Посмотрите на карту, господа офицеры. Но московскому медведю этого было мало. Он рвался дальше к Индии, захватывая все по дороге своими когтями. Ханаты Ташкента, Хива, Бухара и Самарканд стали частью российской империи, граница которой сейчас уже достигает Амударьи.

— Это *The Great Game*, господа офицеры, Большая Игра. И вот в этой игре новый ход русского сатрапа! Царь Алекс, этот старый хрыч, этот палач Польши, даже не думает сидеть тихо за Амударьей, но точит свои зубы на Индию! А сначала — на лежащий по пути Афганистан! Царь Алекс вынудил эмира Афганистана принять в Кабуле российскую дипломатическую миссию, а мы знаем, что означают дипломатические миссии Петербурга и кому они прокладывают путь. Ибо когда вице-король Индии пожелал, чтобы эмир Шер Али принял также британскую миссию, то эмир ответил отказом. Так что давайте научим афганского дикаря, что означает отказывать Британии. Научим его, что когда Британия чего-то желает, то ее желание исполняется вприпрыжку! Двадцать тысяч генерала Брауна выступают из Кэмпбеллпура и Пешавара на форт Джамруд и Хайберский проход с задачей занять Дакку^[91] и Джелалабад. Колонна генерал-майора Робертса направляется из Кохата через Тхал^[92] прямо в долину Курам, а по ней, не сворачивая, на Кабул! Мы же обеспечим юг, левый фланг армии, выйдем отсюда, из Мултана, через перевал Болан, захватим Кветту^[93] и Кандагар! *We'll teach the damn niggers a lesson!*^[94] Пусть они почувствуют, как пахнет британский штык!

Генерал-лейтенант сэр Дональд Мартин Стюарт, кавалер Ордена Бани, поместил сигару в рот, ритуал пускания дыма и плеванья на пол повторился.

— Вот так! — генерал вытер бакенбарды. — Таков наш ответ на русский гамбит в Большой Игре, господа офицеры! Это первый шаг к тому, чтобы очистить Среднюю Азию от москвитов. Чтобы спихнуть их в Каспийское море и в этом море утопить! Боже, храни королеву! Вопросы есть? Нет? Хорошо. Благодарю вас, господа офицеры! *Dismissed!*^[95] Прошу приступить к выполнению заданий!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

— Итак, мы победили, — подытожил Ханивуд. — Под Кандагаром, Певар Коталь и Кабулом, прищучили мы русских и их царя. Обломали рога афганским туземцам. Великодержавным решением определили им роль карты в Большой Игре. Хотя, в принципе,

это их страна, весь этот Афганистан.

— В мире страны и народы не считаются, — холодно возразил Райс Оливи. — Считаются империи и их воля. Они правят и устанавливают законы. Такой империей является Британия. В соответствии со своей волей она правит и управляет подданными. В том числе и Афганистаном.

— Факт, — засмеялся Барр. — А ты, Арти, сдержи души своей порывы. Может, ты готов еще предоставить независимость и самоуправление зулусам из провинции Натал? Или ирландцам?

Уиллоуби неожиданно поднялся и посмотрел вдаль, заслонив глаза ладонью.

— Придется закончить эту дискуссию, господа офицеры, — сказал он холодно. — Допивайте чай, да побыстрее. К нам приближается, причем галопом, Чарли Блай, штабной курьер. Наверняка с приказом срочно выступать. Ибо сомневаюсь я, чтобы бригадир Джордж Барроуз, наш уважаемый главнокомандующий, захотел именно таким образом передать нам пожелания хорошего дня.

* * *

Ветер подул сильнее, резким порывом, крупинки песка и гравия застучали по пробковому шлему. Эдвард Друммонд поправил закрывающую нос и рот кашемировую шаль, купленную на базаре еще в Кветте. Солнце, хоть и замутненное пыльными тучами, припекало жаром, глиняная стена, окружающая деревушку, грела руку, как кафельная печь.

«Война окончена. Али Масджед, Пейвар Коталь, Футехабад, Шерпур, на протяжении года и восьми месяцев мы выигрываем битвы, одерживаем победу за победой. Впрочем, чему тут удивляться? У нас превосходство в технике, выучке, боевом духе, у нас превосходство в нашей европейскости. Что эти несчастные туземцы могли нам противопоставить? Копья и кремневые джезайлы?»^[96] Изгнанный из Кабула эмир Шер Али умер в изгнании в Мазари-Шариф, не дождавшись от русских помощи, о которой он так умолял. Его сын и правопреемник Якуб Хан отрекся от власти. Второй сын, Аюб Хан, изгнан на запад, в удаленный Герат. Разделяй и властвуй, как говорил Ханивуд. Мы разделили Афганистан на провинции, назначив губернаторами преданных нам людей, таких, которыми можно было бы манипулировать. А теперь, когда генерал Робертс разгромил Мохаммада Джана под Кабулом, а Стюарт хорошенько проредил дикие племена под Ахмед Кел, уже никто в Афганистане не оказывает сопротивления. Возвращаемся домой. Отсюда, из-под Кушк-и-Нахуд, я напишу Шарлотте последнее военное письмо. Ха, самое время. Давно я ей не писал...»

Что-то зашевелилось между камней, там, где стена разрушилась и превратилась в большую грудку камней. Что-то свернулось и сверкнуло золотом. «Змея», — подумал он, потянувшись к кобуре. Расстегнул ее, прикоснулся к рукоятке «Адамса», но что-то удержало его вытащить револьвер. Снова подул ветер, посыпался песок. Глаза Друммонда заслезились, и он заморгал. Когда глаза открыл снова, от рептилии не осталось и следа, она скрылась в грудах битого глиняного кирпича. Подчиняясь импульсу, он хотел пойти в ту сторону, но что-то снова удержало его, какой-то голос, какое-то предчувствие, какое-то внезапное беспокойство, резкое, как сигнал тревоги.

«Золотая змея, — подумал он, — что за бред. Нет таких змей. Это только отблеск,

искрящее отражение кварца в песке, такое постоянно видится здесь в этом дрожащем от жары воздухе. Всего лишь золотой отблеск. Померещилось. *Fool's gold*». ^[97] Он протер лицо. На рукавичке был песок.

— Друммонд!

— Что, Барр?

— В часть, быстро! Вернулись разъезды! Мы выступаем, *dear boy*, выступаем. Аюб Хан с целой армией движется из Герата! Направляется на Газни, угрожает отрезать нас от Кабула! Его форпосты видели уже под Санг Буром и Майвандом. ^[98] Высланные против туземцев войска взбунтовались и примкнули к восстанию. Барроуз приказал выступить, идем под Майванд силой бригады, кавалерия и пехота! Нас ждет битва, Тедди, битва! Может, самая большая в этой войне. Гип, гип, ура! Вперед, Шестьдесят Шестой! *Garryowen! Garryowen in glory!*

— *Harry!*

— *What?*

— *Shut up, will you?* ^[99]

— Пойдем. Я поведу тебя.

Он знал этот голос. Певуче шипящий, полифоничный, тихий, но звонкий и выразительный.

— Иди за мной, — сказала змея. — Я буду вести тебя.

Стена ущелья треснула. Там, где яр уже заканчивался, в том месте, где был уже только щелью в скале. Сейчас эта щель с грохотом разверзлась. «Это происходит не на самом деле, — подумал Леварт. — Это героин. Плохой трип. Очень, очень плохой трип».

Змея быстро ползла, вела его. Он шел следом за ней. Щель была узкой, а местами сужалась настолько, что ему приходилось становиться боком.

Стены были шершавые и острые, как наждачная бумага, покрытые раздвоенными узорами, напоминающими жилки листьев. Соответствующие расположению вен и артерий.

Что-то сверкнуло на гравии. Монета. Он наклонился, поднял. На аверсе была видна голова слона. На реверсе была надпись «BASILEOS DEMETRIOU» и изображение кадуцеей, который оплетали две змеи, обращенные друг к другу головами. «Меркурий, двуполое божество, — вспомнил Леварт. — Манихейское равновесие сил Добра и Зла. Агатодемон и Какодемон. Ормузд и Ариман...»

В нескольких шагах далее, частично присыпанная песком, лежала шапка с офицерской кокардой, а рядом бинокль и холщовая полевая сумка. Леварт догадывался, кому они принадлежат. Но это его нисколько не тронуло. Он все еще был в эйфории.

Щель продолжала сужаться, образуя в конце портал, вход в пещеру. Змея вползла в темноту. Он вошел за ней. Внезапно в ушах зазвучали шум, крик, гомон, звон посуды, смех и визг женщин.

* * *

Маг прибился к солдатам сразу после того, как был учрежден гарнизон в Ортоспане. Правда, это новое название, которое принесли завоеватели, он не принял, и упорно называл место по-старому Кабурой. С таким же упорством утверждал, что он халдей и что его имя

Астрей.^[100] Свое обладание тайными знаниями и магическими способностями, о которых он заявлял, доказать не хотел либо не мог. Что же касается врачевания, то надо отдать ему должное, в этом он разбирался неплохо. То ли чирей от конской спины, то ли оставшийся в ране наконечник стрелы, то ли болезнь, подцепленная от бактрийской проститутки — не одному солдату помог маг в несчастье. К тому же он мог очень интересно рассказывать, об окрестных землях и населении знал много, если не все. Военная разведка получила от него много полезного. Не чурался он поделиться знаниями и с обыкновенными бойцами, если была у них такая потребность.

Как, например, сейчас делился с Герпандером, сыном Пирра, командиром первой тетрархии третьей илы.

— Золотая змея, тетрарх? — Астрей почесал редкую курчавую бороду. — Здесь таких змей нет, в этом я уверен... Ха, если человек может быть в чем-то уверен... Убоги мы еще, знаний о мире только чуток отщипнули... Но о золотых змеях я даже не слышал. В земле Эфиопов живут крылатые змеи, питающиеся бальзамом. Змеи из долины Иорда едят белый перец, а на их головах произрастают драгоценные камни. Но чтоб змеи были золотыми, того не слыхал. Может, есть такие в Китае, там вроде почитают змей и драконов, у них там много всяких пресмыкающихся... В Индии змей, которых там называют нагами, тоже вроде великое множество, так что, наверное, можно найти любого цвета. А на острове Ланка...

— Золотую змею, — сухо прервал Герпандер, — я видел на патрулировании под Гаузакой. В ущелье. А не в Индии или на каком-то острове.

— Хм-м... — маг снова почесался, на этот раз за ухом. — Под Гаузакой, тетрарх? Это интересно. Потому что как раз среди тамошних племен ходят легенды... Предания, своими корнями, несомненно, уходящие...

Герпандер не дослышал, куда уходящие, потому что слова Астрея утонули в громких криках. Пирующие епархи возжелали провозглашать тосты и забрызгивать столы вином, разлитым в выпивке.

— Да здравствует, — кричал, поднимая ритон, Харес, командир лучников кавалерии. — Да здравствует богоравный Александрос хо Тритос хо Македон! Царь Македонии и гегемон Греческого Союза. Многих лет жизни и царствования! Мы — его воины! Ему служить, с ним жить и умирать!

Эпарху выразили одобрение таким ревом, что задрожали даже колонны, поддерживающие перекрытие. Полунагие бактрийские распутницы присоединились к ним своим визгом и смехом. Герпандер взял Астрея под руку и повел его в удаленную часть зала, куда шум доносился не так сильно, и можно было слышать друг друга. Там была ниша, в ней он заметил мастерски сделанный столик из слоновой кости, а на нем серебряную статуэтку, не больше, чем предплечье мужчины. «Какой-то божок, — подумал он. — Ничего удивительного, это место когда-то было храмом. Несколько разрушенным, но храмом».

Статуэтка представляла собой крылатую женщину, постриженную по персидской моде, на ней были четырехугольные серьги, звездная диадема и плащ. Она поддерживалась двумя животными, которые, казалось, взбираются по ее бедрам.

— Анахита, — Астрей, видя его заинтересованность, поспешил объяснить. — Ардвисура Анахита, Беспорочная Владычица Вод. Оплодотворяющая источники водами звезд, властвующая над мужским семенем и молоком матерей. Хозяйка Туч, Ветра, Дождя и Града, Покровительница зверей и богиня священного танца. Ее крылья — это символ могущества и вездесущности. Поддерживают ее священные животные, бык и лев...

— Анахита, — задумчиво повторил Герпандер. — Под этим именем мидяне и народы из-за Окса^[101] почитают Артемиду...

— А может, это вы, греки, — фыркнул маг, — почитаете Анахиту под именем Артемиды? Впрочем, неважно. Боги уже привыкли к этому, они снисходительно относятся к тому, что людям трудно даже назвать, а не только понять их божественность. Богам достаточно, что их божественность почитается. Под разными именами и в различных обрядах.

— В совершенно различных, — согласился Герпандер. — Но ты собирался говорить о золотой змее. И о здешних легендах. Так что я весь внимание.

— Вначале, — Астрей глотнул побольше воздуха, — был Зурван, не имевший ни конца, ни начала. Не было ни Солнца, ни Месяца, ни звезд, не было ни неба, ни земли, царили мрак и безвременье. Пока не родились благодаря жертвоприношению Зурвана двое: Добрый и Премудрый Господь Ахура-Мазда,^[102] а также мрачный, злой и пышущий ненавистью Ангра-Майнью.^[103] Добрый Ахура-Мазда создавал миры и страны. Но как только он что-то создаст, тут же противный Ангра-Майнью ломает это, испортит, изгадит.

И создал Добрый Господь Ахура-Мазда страну Айрана Вайя,^[104] землю Ариев^[105] на реке Вангуги Дайтья, которую вы, греки, называете Араксом. Ну, а Ангра-Майнью, который есть смерть, тут же испортил творение, приказав зародиться в реке множеству змей. Создал Добрый Ахура-Мазда равнину Сугуд, которую вы называете Согдианой. А Ангра-Майнью, который есть смерть, напустил смертоносную саранчу. Создал Ахура-Мазда священную страну Маргуш, то есть Маргиану. А Ангра-Майнью...

За столом снова поднялся рев. Арийское вино плескалось на столы, на этот раз пили за богов и богинь. Как обычно, сначала за тех, от которых, как считалось, более всего зависела судьба солдата. Чья воля либо каприз решали его судьбу.

— Слава тебе, о Тихе!^[106] — ревел Гиппас, по прозвищу Герион, лохагос^[107] гоплитов,^[108] поднимая чашу и потрясая лабрисом, двусторонним топором, с которым он не расставался даже на пиршествах. — Дщерь Зевса, госпожа доброй судьбы и счастливого случая! О Тихе, слепая ключница предназначений! Мы славим тебя и молим о милости твоей!

— ...создал Добрый Господь Ахура-Мазда очаровательную Бакхдхи, то есть Бактрию, А Ангра-Майнью...

Вино из Арии лилось на столы, на виноград, который громоздился в вазах, на миски с бараниной, на которой уже затвердел остывший жир. Запели флейты, одна из женщин, одетая исключительно в золотую диадему и редкую сетчатую повязку на бедрах, выскочила на стол и начала причудливый танец, переворачивая посуду. Эпархи восклицали и хлопали в ладоши. Криос из Тимфайи, командир сариссофоров,^[109] поднимал обеими руками двуухий килик,^[110] разлитое вино забрызгало его, как кровь.

— Слава тебе, о Алала,^[111] дочь Полема!^[112] Предвестница сражений, ты, идущая впереди острия копья! Ты, которой воины приносят свою смерть как самую священную жертву! Мы славим тебя и молим о твоей милости!

— Алале алала-а-а! Алале алала-а-а!

— Седьмой созданной Ахура-Маздой страной, — Астрей ни на минуту не переставал повествование, — была Вазкерета, Кабура, где мы собственно и находимся. А Ангра-Майнью, который есть смерть, призвал паирик,^[113] демониц из проклятой расы друдж...^[114]

А чтоб ты знал, тетрарх, паирики...

— Алале алала-а-а! Алале алала-а-а!

— Паирики, как все дружи, были некогда демонами небес, как зловещие звезды висели на вечернем небосклоне. Ненавидели род людской. И чем больше расцветала среди людей добродетель и набожность, тем большей была злость дружей и их жажда мести. Этой жаждой воспользовался Ангра-Майнью, отдав паирик под командование своих дэвов. А люди стали их добычей. Ибо паирики прокладывают дорогу демонам, используя человеческую слабость. Обманывают, искушают совершить грех, подбивают к правонарушениям и злодеяниям, соблазняют к извращению и вырождению, влекут к идолопоклонству. Заражают чародейством и чернокнижием, кощунственной и проклятой религией Йатук-Диной.

От стола доносились пения, рев и женский визг. Герпандер вздохнул, глядя на статуэтку Анахиты.

— ...а над всеми паириками властвует злая Аз, разнузданная демоница похоти, развратница созданий, Хозяйка Кровавого Месяца, Которая пробуждает к жизни мертвых, Та, Которая кроется в ущельях...

— Мы — армия Великого Александра! — загремел за столом таксиарх^[115] Полидокл, самый старший по чину офицер собрания. — Мир наш! Он стоит на коленях перед нами. Мы поставили на колени Сирию и Египет! В пух и прах разбили персов! Штурмом взяли Сарды и Гордион, превратили в развалины завоеванные Милет, Тир и Халикарнас! Арканили женщин на улицах Суз! Сожгли Персеполь с его дворцами. Ограбили Экбатану Гекатомпилос с его ста вратами. Перед нами пали на колени Мидия, Ариа и Дрангиана, своей очереди ждут Согдиана и Хорезм.

А потом в Индию, на реки Инд и Гидасп! Перед нами Таксила и Гандхара, Магхада и Паттала, перед нами легендарная Айодхья!^[116] Мы дойдем туда, куда не доходил Камбис!^[117] Значительно дальше, чем границы известной ойкумены. Ничто не сдержит наш поход!

— Но в конце концов Добрый Ахура-Мазда одолеет все зло, уничтожит несправедливость, истребит дэвов, искоренит чародеев, растопчет, как змею, Аз и ее паирики. И воцарится власть праведных и боголюбивых. И мир возродится...

— Это вовсе не легенда, — прервал начавший уже немножко скучать Герпандер. — Это персидские верования, религия перса Заратустры. А ты, Астрей, никак пытаешься меня в нее переманить. Конечно же, я чту богов и их божественность. Под очень различными именами и в обрядах настолько разнообразных, что ты бы воистину изумился этому разнообразию. Вера в единого бога, кроме того, что она абсолютно глупая и бессмысленная, ко всему прочему еще и скучная. В самый раз для перса или массагетов.^[118] А я еще раз напоминаю, что меня интересует змея. Золотая змея, которую мне случилось видеть в горном ущелье под Гаузакой. Ты можешь удовлетворить мое любопытство? Если нет, тогда до свидания, а я вернусь на пир. Еще не поздно, успею напиться.

— Легенды Паропамисад, — воскликнул маг, — рассказывают именно о паириках. Будучи побежденными Ахура-Маздой и его эманацией Амеша-Спентой,^[119] паирики, бывшие небесные существа, заползли в норы и ямы, попрятались в темноте земли. Если выползают на свет, то в образе змеи. Лишенные давних сил, не имея поддержки ни от дэвов, ни от чародеев, паирики влекут и манят к себе смертных. Охотнее всего — воинов, мужей отважных, но только измененных контактом с войной, кровью и смертью... Измененных и

испорченных навсегда... Не поэтому ли ты интересуешься змеями, тетрарх? Признайся, ты чувствовал ее магнетизм? Если да, то хорошо, что не поддался. Ибо горе воину, если поддастся искушению, если пойдет за паирикой. Лучше бы ему было пасть в бою...

— А зачем, по-твоему, — надул губы Герпандер, — эта змея манит испорченных войной воинов? С какой целью она это делает?

— Может, затем, — Астрей погладил бороду и загадочно улыбнулся, — чтобы прервать страдания одиночества? Паирика, как любое существо женского пола, жаждет мужского общества как днем, так и ночью... Не смейся, тетрарх. Я с тобой делюсь знанием, которое содержат древние книги, свитки и папирусы. Во всяком случае, некоторые из них. Потому что другие...

— Что — другие?

— Другие... — маг на мгновение заколебался. — Другие представляют дело по-другому. Те паирики, о которых я рассказывал, ненавидят род человеческий, они просто одержимы жаждой причинять людям вред и наносить обиды, сеять сомнение и отчаяние. Жаждают ширить и распространять зло изо всех сил, чем ужаснее зло, тем больше радость демоницы. Но поскольку ее мощь ограничена, то ей нужен помощник. Сообщник, чтобы делать зло. А в этой области никто и ничто не сравнится с человеком. Никто и ничто не проявляет в жестокостях такого воодушевления, страсти и изобретательности. Никакой демон, никакое чудовище...

— Страшно, — прервал Герпандер. — И удручающе. Особенно на пустой желудок. К счастью, все это выдумка. Причем, как мне кажется, выдуманная на ходу. А? Халдей?

— Это не выдумка, а легенда.

— А какая, на голову Горгоны, тут разница?

— Легенды, — улыбнулся Астрей, — хоть и выдуманы, своим началом имеют желание либо страх, две силы, которые правят миром. Нельзя понять легенду, не понимая собственных желаний и страхов. Ты уверен в своих желаниях, тетрарх? И знаешь ли ты, чего боишься?

Герпандер не слышал последних слов мага. Что-то другое привлекло его внимание. К пировавшим быстрым шагом подходил не кто иной, как ипарх Селевк.^[120] По его походке и выражению лица было прекрасно видно, что он явился сюда вовсе не для того, чтобы пиршествовать. Ответив кивком головы на почтительные приветствия, он решительным жестом отодвинул поданную ему чашу, не менее решительно и резко подозвал к себе иларха^[121] Теодора, непосредственного начальника Герпандера, и оттащил его в сторону. Теодор слушал, а глаза его уже бегали по залу. Герпандер догадывался, кого он выискивает, поэтому поспешно попрощался с Астреем и быстро направился в сторону командиров. Он бесцеремонно отодвинул со своего пути цепляющуюся к нему девушку с подведенными черным колем глазами и подкрашенными ярко-красными сосками. Ипарх тем временем покинул зал, а Теодор вышел навстречу Герпандеру.

— Ты трезв? Хорошо. Собирайся и быстро в часть. Только тихонько, без лишнего шума, мы не хотим преждевременной тревоги. Но на рассвете вы уже должны быть на конях, ты и твоя тетрархия.

— Что-то случилось?

— Бунт, — сухо пояснил Теодор. — Может, даже восстание, большого масштаба. В Согдиане. Сатрап Спитамен, тот самый, который недавно выдал нам Бесса, убийцу царя Дария. И вот тебе на, сейчас этот Спитамен взбунтовался, поднял против нас согдийцев,

дахийцев и парнов, племена из Азии и Бактрии. Артакоана в огне, Мараканде^[122] грозит осада. Имеются признаки, что восстание может объять всю Маргиану и Арию. В общем плохо.

— Что значит — плохо? — Герпандер дал волю своему изумлению. — А царь? А командиры? Пердикка,^[123] Кассандр, Птолемей? А царская Агема?^[124] Этерия? Гипасписты?^[125] Вся армия Яксарта? Чтобы какой-то там Спитамен...

— Царь, — остановил его иларх, — сейчас находится в Александрии Крайней.^[126] Он пошел на мятежников, но по его тылам ударили саки,^[127] поддерживающие Спитамена. Дахийцы прут на Бактрию, их пытаются остановить Кен и Артабаз.^[128] Мы получили приказ выступить и обеспечить им тылы. Потому что не исключено, что к восстанию присоединятся племена по ту сторону гор, из Паропамисад. Мы, продрома,^[129] наша ила, пойдем в авангарде. В полдень мы уже должны быть в Александрии Кавказской.

«Золотая змея, — подумал Герпандер. — Паирика. Та, которая манит. Легенда? Флиарос, вымысел и полнейший бред! Испорченность войной, кровью и смертью? Еще чего! Я не испорчен и не изменен. Когда война закончится, я сброшу ее с себя, как поношенный хитон. И забуду про все, что видел и что делал. Забуду навсегда. Я смогу. Наверняка».

— Эй, Герпандер, ты меня слушаешь?

— Извини, иларх. Я задумался.

— Этот Спитамен, — Теодор заскрипел зубами и сжал кулаки. — Изо всего этого я делаю один вывод: никогда не оставляй азиата недобитым. В часть, тетрарх.

— Есть.

* * *

Змея ползла, зигзагообразно извиваясь. Леварт поспешал за ней.

Глубокий мрак, царящий на входе в пещеру, сменился светом. Свод был покрыт мозаикой щелей и отверстий, сквозь которые внутрь пробивались лучи, большие, будто излучаемые рефлекторами столпы света. В свете Леварт увидел, по чему он ступает. И ахнул.

Земля в пещере была покрыта слоем золота и серебра.

Монеты переполняли сундуки и шкатулки, украшенные шестнадцатиконечным солнцем Македонии, высыпались из разбитых амфор.

Ими были набиты мешки, полотно которых давно истлело, а освободившийся драгоценный металл засыпал пещеру, как песок пустыни.

Леварт видел, хоть может и не узнавал, золотые дарейки царя Дария, валюту Ахеменидов. Серебряные афинские тетрадрахмы с Афиной на аверсе и ее совой^[130] на реверсе. Серебряные декадрахмы Александра Македонского, изображающие его верхом на Буцефале. На других он был изображен как Двурогий, с рогами бога Амона. Были монеты с головой Александра, наряженной в скальп слона, символ покорения Индии. Серебряные драхмы преемника Александра, одноглазого Антигона Циклопа. Серебряные октодрахмы Птолемеев. Тетрадрахмы царя Бактрии Евтидема. Монеты Деметрия, сына Евтидема, и точности такие, как и та, что он нашел на входе. Другие монеты Деметрия, на которых он был изображен как Аникет, непобедимый. Этого же царя маленькие, но красивой чеканки серебряные оболы. Диковинные четырехугольные монеты Агафокла, самозваного царя

Паропамисад. Монеты, которые чеканил Антимак Теос. И самые большие монеты эллинского мира — статеры Евкратиды, большие, как стекла в бинокле.

Сверкали в шкатулках и хрустели под сапогами серебряные монеты с изображением тучного царя Гелиокла, представленного в виде Громовержца со скипетром и молнией в руке. Золотые монеты Менандра Сотера, Спасителя. Серебряные драхмы с изображением его супруги, царицы Агафоклеи Теотропы, Богоподобной. Тяжелые золотые монеты кушанского царя Канишки с его собственным изображением в полный рост. Серебряные кушанские тетрадрахмы царя Герая.

«Всего этого нет, — подумал Леварт, — это галлюцинация. На самом деле хороший урожай вырастил Салман Амир Юсуфзай и его парни из окрестных кишлаков. Чертовски сильной получилась у них эта гера».

Змея ползла. Он поспешал за ней.

Они проходили мимо сундуков и шкатулок, в которых искрились драгоценные камни, по отдельности или вперемешку. Огромные, как зерна нута,^[131] бриллианты из Голконды, бирманские рубины из легендарной долины Могок, звездные цейлонские сапфиры, сиамские рубины, аквамарины из Кашмира, аметисты с Декана, нефрит и бирюза из Хорезма, жемчуг с побережья Ланки и Сулавеси,^[132] коралловые бусы, яшма, жадеит, сердолик, оникс, кварц. И сокровища Гиндукуша — большущие золотые самородки из Вакдура и Заркашана, огромные изумруды из долины Панджшер, кровавые рубины и шпинель из Джегдалека, лазурит и ляпис-лазурь из Бадахшана. Большие топазы, берилл и альмандин.

У стен пещеры, там, куда не достигал свет, в тени и мраке, словно застывшая в веках армия, виднелись скульптуры, статуи, статуэтки, бюсты, фигуры и фигурки. Золотые, серебряные или бронзовые мифические чудовища: птицы Симург с головами собак, драконы, распростершие бирюзовые крылья, тритоны, ихтиокентавры, киты, гиппокампы,^[133] грифоны и единороги. Пухлые бактрийские Афродиты с упругой грудью, Кибела, ведущая упряжку львов. Иногда больше, иногда меньше статуэтка бога или богини — здесь Афина, там Артемида, а там Посейдон с трезубцем, Атлант или Борей. Сурья^[134] на своей солнечной колеснице, Ваю^[135] верхом на газели. Золотые филигранные фигурки апсар,^[136] танцовщиц и любовниц богов, в разнообразных, чаще всего соблазнительных позах.

Блестели там золотые пластины, украшенные кованым рельефом, подсвечники и канделябры, усыпанные гирляндами самоцветов, позолоченные доспехи и шлемы, украшенные мечи, булаты, кинжалы и стилеты. В большие кучи были свалены щиты. В беспорядочных горах лежали жадеитовые кубки, золотые ритоны, украшенные канфары и килики, кратеры,^[137] псиктеры и вазы.

Это была не только сокровищница, то также и некрополь. Кладбище. Леварт видел торчащие из-под драгоценностей большие бедренные и берцовые кости. Тут и там сверкал перстень на костлявой кисти руки, за инкрустированными панцирями белели ребра и тазы, выглядывали из-под золота засыпанные монетами черепа. Иногда выпучивал свои пустые глазницы череп из-под богатого шлема или скалил зубы из-за бармицы^[138] или наносника^[139] шишака.^[140] Были места, где кучи переплетенных скелетов почти полностью закрывали то, на чем они лежали.

Змея ползла. Леварт шел за ней. Истлевшие кости крошились и рассыпались под

подошвами сапог. Пещера-сокровищница сужалась, переходила сначала в извилистый, а потом прямой коридор. Теперь он шел перед строем скульптур и статуй, кариатид и канефор.^[141] Имеющих вид женщин с очаровательными формами. И вызывающими ужас лицами. Страшно перекошенными, демоническими, глумливо оскаленными масками упырей, химер, эмпуз^[142] и ламий.

Строй кариатид вел в следующую пещеру, округлую и поменьше. В месте, где проникающие сквозь дырявый свод лучи давали больше всего света, возвышались, словно менгиры,^[143] четыре блока лазурита, ослепительной синевы, каждый выше человеческого роста. Пятый блок, плоский, напоминающий катафалк, лежал между ними. За ним Леварт увидел статую. Представляющую собой крылатую женщину, постриженную по персидской моде, на ней были четырехугольные серьги, звездная диадема и плащ. Она поддерживалась двумя животными, которые, казалось, взбираются по ее бедрам.

Змея заползла на лазуритовый катафалк. Свилась, быстро подняла голову, и стала неподвижной, как фигура урея.^[144] Леварт чувствовал пульсацию в ушах и нарастающий звон. Он подошел ближе. Настолько близко, чтобы увидеть, что статуя постриженной по персидской моде женщины стоит среди груды человеческих черепов. И рассыпанных рубинов, красных, как капли крови. Змея завращалась быстрыми танцевальными вращениями. Причем вращения совершала только ее задняя часть, находящаяся на лазуритовом катафалке. Голова и передняя часть не двигались и положение урея не меняли. Звон в ушах Леварта нарастал. Потом звон превратился в шепот, в слова. Шипящие, звенящие, сотканые из множества голосов, гармонирующих друг с другом.

Падающий на лазурит столп света сильнее осветил центр пещеры, а темнота за границей света стала еще гуще. Из темноты кто-то вышел.

— Ты недостойн того, чтобы быть здесь. Ты недостойн ее милости. И того, что она тебе предлагает.

«Лейтенант Богдашкин», — догадался Леварт. Погибший лейтенант Богдашкин. В порванном и грязном мундире. С окровавленным и побитым лицом, со стертой местами до живого мяса кожей.

— Ты присвоил принадлежащее мне место. Принадлежащие мне дары и привилегии. Ты пришел сюда красть. Ты вор, прапорщик.

— Это она выбрала, — сказал Валун, сержант Валентин Трофимович Харитонов. Е забрызганной соляжкой и кровью песчанке. Он появился из темноты, но его лицо по-прежнему оставалось невидимым, скрытым во мраке. — Это она выбрала, — повторил он. — Это он избранный. Он удостоен милости выбора...

«Это не Валун, — Леварт вполне осознанно констатировал очевидный факт. — Валун мертв. Погиб в горящем бэтэре в ущелье под Мохаммад Агой. А то, что я вижу, — это фантом. Видение. Эйдолон».^[145] — Ты ведь не отвергнешь милость, Паша? Не будешь безрассудным? Не побрезгуешь тем, что она хочет дать тебе? Великие, действительно великие дела совершите вы вместе, ты и она. Великие и прекрасные.

Лейтенант Богдашкин приблизился, двигаясь неуклюже и с трудом. Леварт заметил, что с правого предплечья, искривленного под неестественным углом, торчит обломок кости.

— Она говорила мне: «Будь верен», — сказал лейтенант Богдашкин. — «Будь верен до самой смерти, и я дам тебе венец жизни». Она обещала мне вечность. Я готов был быть ее слугой, ее рабом, был готов посвятить ей все. И я посвятил. И я заслужил ее во стократ

больше, чем ты. И все же она выбрала тебя. Но будешь ли ты достойным? Дорос ли ты до такой чести? Я чувствую твое сомнение. Сомневайся, и моя судьба станет твоей. Ты упадешь, как я. Упадешь свысока. На самое дно бездонной пропасти.

— Он не сомневается, — сказал Валун, лицо которого по-прежнему оставалось в тени. — Он воин. Его выбрали, и он примет правильное решение. Ибо он знает и понимает, что возвращаться некуда. Нет мира для воина, его война не заканчивается никогда. Мир — это мираж. Те, кто говорит о мире после войны, врут и обманывают. Есть только война, вечная война. И нет ничего, кроме нее.

Змея на лазуритовом катафалке вращалась все быстрее и быстрее, взгляд не успевал за ее движениями.

— Он не примет решения, — говорит, появляясь из тени, профессор Викентий Абрамович Шилкин. На нем белый фартук и ленинский галстук в горошек. — Он не в состоянии принимать решения. Да, да, Пашенька, не стоит обматываться. Ты болен, и тебе следует лечиться. То, чем ты болен, — это классическая военная травма, вызванная стрессовыми ситуациями, психотическими происшествиями, в равной степени и пережитыми и воображаемыми... Хрестоматийный синдром посттравматического стресса... Одним словом, нервное истощение. Расстройство механизмов адаптации. Галлюцинации, паническое расстройство, паническая атака, невроз навязчивых состояний... Все это еще усугубляет нездоровый образ жизни... Наркотики — это плохо и вредно, Пашенька, неужели ты не знал? Они ведут к психозам, к антиобщественному образу жизни, к интроверсии... В капитализме, понятное дело, отсутствие перспектив и невозможность существования в гниющем строе вынуждают людей прибегать к одурманивающим средствам... Но в социалистическом обществе... Нет, нет, не перебивай. У тебя депрессивный бред, я даже подозреваю синдром Котара.^[146] Я также утверждаю, что у тебя амнестический синдром Корсакова,^[147] что ж, алкоголизм генетически обусловлен... Но мы с этим справимся, Пашенька, справимся. Применим психотерапию, да-да, и фармакотерапию... Да-да... В основном фармакотерапию. Несколько лет в закрытом учреждении, лет пять-шесть, не больше...

«Дурной героиновый трип, — подумал Леварт. — Кошмарная наркотическая галлюцинация».

За Валуном, лейтенантом и профессором во мраке скрывался еще кто-то. Очередной эйдолон, призрак. Леварту казалось, что он узнает форму цвета хаки и пробковый шлем, кожаную куртку, до локтей рукавицы с медными пуговицами.

— Решай, Паша, — Валун начал явно проявлять нетерпение. — Прими то, что она дает тебе. Она выбрала тебя, и ты уже являешься частью ее универсума. Мир за пределами пещеры уже не твой мир. Обратной дороги нет. Да и к кому тебе возвращаться? Кто там тебя ждет? Вика? Не тешь себя иллюзиями, братан. Вику ты уже потерял. Война забирает женщин, это извечное правило, нет в нем исключений.

— Нет... — сказал Леварт вопреки себе самому, поскольку твердо решил не вступать в разговоры с привидениями и призраками. — Нет. Вика будет ждать.

— Даже если будет ждать, — парирует тотчас Валун. — Даже если захочет быть с тобой после Афганистана, все равно ты ее уже потерял. Будешь просыпаться с криками по ночам, мокрый от пота, и настанет тот миг, когда ты будешь вынужден сбросить с себя то, что гнетет твою душу. Ошибаешься, если думаешь, что ты навсегда стер это с памяти. Оно вернется. И ты расскажешь ей обо всем. Об автобусе. О кишлаке Шоранджал. О том, что

произошло в Дарваз Даг. О пленных в вертолете, которые никогда не долетели до Кабула. О деревушке Хани Джануб и о тамошней дивчине...

— Нет. Об этом я ей не расскажу.

— Расскажешь. Признаешься во всем. Придется, иначе не успокоишься. А когда во всем ей признаешься, она уйдет. Без слов. Онемевшая от ужаса.

— Упадешь на самое дно пропасти, — добавляет лейтенант Богдашкин.

— Ты болен, Пашенька, — вмешивается дядя Кеша. — Ты бредишь. Это результат злоупотребления наркотиками.

«А это настоящая правда, — подумал Леварт. — И наверное, только это».

Змея резко прекратила вращения. Все симулякры^[148] исчезли, погасли, словно кто-то выключил проектор.

«Опасность, — вдруг понял Леварт, обеими руками хватаясь за голову, которая разрывалась от звона. — Близкая. Что-то. Или кто-то. Угрожает. Несет угрозу».

Звон перешел в свистящую какофонию, которая в своей кульминации стала пронзительным, высоким звуком, являющимся одновременно свистом, шипением и криком. «Иахема, — подумал он, — шипение змей Горгоны. Я должен идти. Должен защищать. Она требует этого».

* * *

Сразу на выходе из сокровищницы, на насыпи монет, среди сундуков, шкатулок и скелетов стояло что-то наподобие трона, как будто массивное кресло с большими подлокотниками или даже, как корзина, какую крепят на спине слона. Леварт заметил трон еще раньше, когда входил, его внимание привлекла не столько мебель, сколько восседавший в ней в живописной позе скелет в остатках кольчуги и обрывках парчи. Но сейчас скелета не было. На троне его заменил кто-то другой. Белобородый старик с жестокой ухмылкой, в тюрбане, длинной рубаше и черном жилете. Мулла Хаджи Хатиб Рахикулла. Черномор.

Они обменивались взглядами всего лишь несколько секунд. Глаза Черномора вдруг загорелись, как у вурдалака, а искривленные ухмылкой губы выровнялись и сжались. А на Леварта взглянуло отверстие в стволе его собственного акаэса. Который он оставил в ущелье на камнях. И банально забыл о нем. Согрешил самым тяжелым грехом солдата. И сейчас должна наступить расплата.

Клац.

Вместо оглушительной очереди — острый металлический щелчок бойка.

Черномор дернул ручку затвора, нажал на спуск.

Клац.

«Я не зарядил его, забыл, — подумал Леварт, приготовившись к прыжку. — После разгрома автобуса. Я вообще не думал о патронах».

Черномору удалось встать с трона, но отскочить он не успел. Леварт набросился на него, как ястреб, свалил его с разгона, оба со звоном и грохотом рухнули на груды монет и драгоценностей. Качаясь по земле, они свалили и разбили на кусочки алебастровую фигуру слоноподобного Ганеши,^[149] погромили немножко скифской и туркменской керамики. Черномор достал кинжал, Леварт схватил его за запястье, вторую руку запустил в бороду, сжал в кулак космы и дернул изо всей силы. Черномор, извиваясь и трепыхаясь, как

выброшенный на берег лосось, пополз, волоча Леварта за собой.

Старикан просто поражал своей силой и ловкостью, но не мог освободить от захвата ни бороду, ни правую руку. Поэтому левой рукой схватил первый нащупанный предмет и изо всей силы огрел им Леварта по голове. Леварту повезло, потому что предметом оказалась терракотовая статуэтка грудастой и брюхастой Великой Матери, которая треснула и рассыпалась при ударе. В глазах у него потемнело, и он отпустил бороду муллы. Он что-то нащупал, это была бронзовая фигура Будды, стоящего в полный рост — Будды Шакьямуни, очень массивного и тяжелого. Тюрбан несколько смягчил удар, но и от него оглушенный Черномор аж скорчился. Когда Леварт оглушил его во второй раз, он выпустил кинжал, заслоняя голову. Леварт заехал его по-новому, но на этот раз Будда выскользнул у него из рук, а Черномор кольнул его расставленными пальцами в глаза. Потеряв на миг зрение, Леварт вцепился в бороду муллы пальцами обеих рук. И держался, волочась и получая удары кулаками. Отпустил и отскочил только тогда, когда Черномор замахнулся на него очередной статуэткой. На этот раз это была Ника. Крылатая, практически в виде кирки, что делало ее незаменимой при разбивании черепов. Леварт выпустил бороду Черномора, быстро откатился и вскочил.

Черномор легко, как кошка, вскочил тоже, отбросил неудобную Нику, осмотрелся и бросился к груде костей, быстрым движением достал оттуда кривую саблю, персидский шамшир с золоченым эфесом и красивым узором Дамаска на клинке. От взмаха оружия в его руках в воздухе аж засвистело. Он сделал выпад, ударил. Леварт отскочил назад, это его и спасло, но все-таки клинок со свистом прошел по песчанке на груди, рассек хлопок ровно, как бритва. Отпрыгнув, Леварт лихорадочно осмотрелся по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить оружием. Он схватился за окованную золотыми пластинами рукоять какого-то древкового оружия, типа глевии или японской нагинаты, но оно было слишком тяжелым, не успел он его поднять, как Черномор уже сидел у него на шее, а острие шамшира со свистом распороло рукав мундира. И кожу плеча. «Псякрев,^[150] — подумал Леварт, отскакивая и панически оглядываясь. — На войне радаров и приборов ночного видения, сверхзвуковых истребителей и штурмовых вертолетов, на войне напалма и кассетных бомб, управляемых снарядов и сейсмических мин мне придется сгинуть прирезанным саблей. Оружием, насчитывающим добрых пятьсот лет. Музейным экспонатом».

И тогда он увидел.

Втиснутый между седлами, покрытыми медными пуговицами, частично накрытый черепаховым щитом, лежал меч. Не индусский тальвар, не раджпутанская кханда. Прямой, скромный, не слишком длинный европейский меч. Когда он его поднял, то на клинке увидел выгравированную надпись: DEUS LE VOLT.^[151]

Черномор бросился, как леопард, нанося удар из-за спины. Леварт парировал машинально, и к своему удивлению ответил контратакой — быстрым выпадом и ударом. Черномор избежал удара, попятился, Леварт не дал ему опомниться от неожиданности и снова пошел в атаку. Мулла попробовал финт и удар по руке. Запястье Леварта, казалось, само совершило небольшой оборот, два клинка с лязгом столкнулись, и отбитый шамшир едва не вылетел из руки Черномора. Мулла попятился, скаля зубы из-за белой бороды. В его горящих глазах замелькало что-то странное, как будто тень сомнения. Он был уверен, что посечет прапорщика на кусочки, а тот неожиданно оказался опытным фехтовальщиком. Бился не как какой-то там шурави, а как кто-то, кто в Сандхерст прошел выучку фехтования

военной саблей образца 1853 года, производства фирмы «Роберт Мол и сыновья». Не как советский пехотинец, а как кто-то, кто с молодых ногтей тренировался орудовать кописом и махайрой. Кто-то, кто впервые убил человека холодным оружием в возрасте пятнадцати лет в битве под Элатьей во время кампании в Фокиде.

До этой минуты Черномор не издал ни малейшего звука. Но сейчас он завыл, причем завыл дико и бешено, словно шакал. И вслепую бросился на Леварта, размахивая шамширом как ошалевший. Леварт сделал обманный маневр, шагнул в сторону, ударил плечом, нанес пинок в голень. Черномор запатался, наклонился, а Леварт подскочил и ударил сверху, свысока. Всадил мулле меч над ключицей, вертикально, вонзил до половины клинка. И оставил так. А сам отскочил.

Черномор упал на колени. Шамшир из рук не выпустил, но уже было видно, что поднять его он не сумеет. Он мог только смотреть на Леварта, жечь его взглядом, кипящим ненавистью.

Леварт подошел. Обеими руками взялся за рукоятку меча и сильно нажал сверху вниз. Клинок оказывал сопротивление только какое-то мгновение, потом вошел, как в масло по самый эфес. Черномор затрясся и забился в конвульсиях. Забился ужасно. Не издал ни малейшего звука. Он сжал губы, но кровь все равно прорвалась сквозь них, брызнула резким потоком. Мулла Хаджи Хатиб Рахикулла закачался. А потом упал лицом вниз.

Леварт смотрел на него равнодушно. Потом отошел. Поднял свой АКС, вынул пустой магазин и выбросил его.

Возле самого выхода из пещеры-сокровищницы он увидел брезентовые мешки. Он знал, чем они были наполнены. Тротиловые четырехсотграммовые шашки размером десять сантиметров, упакованные в бурую парафированную бумагу.

За мешками лежало шесть металлических тарелок, покрытых зеленым лаком. Противотанковые мины ТМ-46. По шесть кило взрывчатого материала в каждой.

«Черномор, — подумал Леварт, — одержимый ненавистью Белобородый Черномор. Не успокоился, пока не выследил. Намеревался уничтожить потомство шайтана, неверного и змею, чародея сагира и демоницу алуку, врагов рода человеческого. Вместе с пещерой, их тайником и логовом. Согласно предписаниям Корана он собирался приготовить им адский огонь и побиение камнями одновременно. По-современному, при помощи тротила и противотанковых мин. Сделанных в СССР».

В одну из шашек тротила был воткнут электрический взрыватель с проводом. Леварт пошел по следу провода. Полевая сумка лейтенанта Богдашкина была на месте, в щели, лежала там, где и раньше, возле шапки и бинокля. Карта местности в масштабе 1:25000. Письма, перетянутые разложившейся резинкой. Фотографии двух девочек, близняшек, на глаз шестилетних. Сложенный вчетверо, протертый на сгибах лист бумаги, рисунок, как оказалось. На котором были изображены герои мультфильма, Волк и Заяц, не слишком умело нарисованные мелками. Неровная надпись под картинкой гласила: ДЛЯ ПАПЫ. А на самом дне, завернутый в кусок тряпки, магазин. Полный.

Клацанье защелки, как обычно, принесло секундную эйфорию. Лязг затвора — эйфорию на секунду дольше.

Пещера закончилась, вверху синевой засияло небо.

Он услышал голоса.

Один моджахед стоял возле стены ущелья и писал на нее, непрерывно при этом болтая. Второй, с папиросой в зубах, возился с проводами, склонившись над взрывным устройством.

Услышав шаги Леварта, он поднял голову. Папироса выпала из его рта.

Леварт нажал спусковой крючок. Сраженный короткой очередью дух рухнул, путаясь и барахтаясь в собственном пирантумбоне. Тот, что писал, повернулся, прыгнул, сиганул за винтовкой «Ли-Энфилд», прислоненной к скале. Не успел. Очередь попала ему в живот. Он сполз, оставляя на стене ущелья размазанную полосу крови. Его голова упала на грудь. Так он и сидел, сотрясаемый конвульсиями.

Тот, что занимался взрывустройством, трясущейся рукой вытащил из-под окровавленной рубахи пистолет ТТ, но не смог даже поднять его. Он открыл рот в беззвучном крике, его широко раскрытые черные глаза умоляюще смотрели на Леварта. Леварт нажал спуск и вывалил в него остаток магазина.

Небо потемнело, просто почернело.

* * *

Из глубины слышался шипение-крик змеи. Ее ужасная иахема.

«Я должен вернуться. Я должен вернуться к ней», — подумал он.

И вошел в темноту пещеры.

* * *

Каменные статуи в строю ожили. Полные груди кариатид, казалось, пружинят, а округлые бедра канефор — колышутся в танцевальных движениях. Хищные глаза ламии, казалось, следят за каждым его шагом, а искривленные губы эмпуз, казалось, что-то шепчут. Угрожают. Или предупреждают. Круглая пещера была пуста. Сверкали синевой лазуритовые менгиры, среди рубинов и черепов стояла, распростерши крылья, статуя постриженной по персидской моде богини в звездной диадеме. Но змеи на катафалке не было.

Он заметил какое-то движение. Из темноты показалась фигура. Фигура женщины. Она подошла к одному из лазуритовых блоков, прислонилась к нему, легко согнув свою гибкую талию.

«Очередной призрак, — подумал Леварт. — Очередной эйдолон. Очередной Симулякр. Чей же? Неужели Вики? Неужели это была Вика?»

Это не была Вика.

Он продвинулся на шаг, шаг сделала также и женщина. Черноволосая, обнаженная до бедер. От бедер вниз на ней был ниспадающий тканый золотом наряд.

Леварт помнил. Он ее уже видел. Три года тому назад. В Париже, на вернисаже в Парижском салоне. На полотне Шарля-Огюста Манжена. Полуобнаженная Сафо с тревожным взглядом.

Он помнил, что уже видел ее. В Аркадии, недалеко от границы с Мессенией. В окрестностях Фигалеи.^[152] В храме, в кипарисовой роще. Мраморной статуей.

Он подошел ближе. Поприветствовал. Чужие слова на незнакомом языке неприятно щекотали губы.

— О, Эвринома, круглобедрая Богиня Всего Сущего, ты, которая в начале существования ослепительно нагой появилась из Хаоса, чтобы отделить воды от небес...

Он говорил, а она приближалась, медленно, с каждым его словом становясь все ближе. Он видел ее золотые глаза. Ее золотистую кожу и филигранный узор, покрывающий ее.

— О, прекрасногоглазая Эвринома, ты, которая танцевала на волнах и танцем своим завлекала Празмея Офиона,^[153] чтобы сплестись с ним в любовном объятии, и в упоении зачать Яйцо Мира, из которого вылупилось все, что существует: Солнце, Месяц, планеты, звезды, Земля с ее горами, реки, деревья, травы и все живые существа...

— Я выбрала тебя, — сказала златоглазая женщина. — Ты мой. Мой защитник. Я дам тебе все, что пожелаешь. Чего когда-либо желал. Исполню желания, о которых ты сегодня еще не знаешь. Я отведу тебя в Гульшан-э Кудс, Наивысшее Небо. Я покажу и подарю такие богатства, в сравнении с которыми бледнеют сокровищницы Лампаки^[154] и Фирузкуха. Я напою тебя медом, молоком и олимпийской амброзией. Я дам тебе попробовать белой сомы,^[155] какой не пробовал сам Индра, угощу тебя бхангом,^[156] достойным самого Шивы. Напою тебя серебристой хаомой^[157] магов, напою тебя родившейся из капель крови амритой, соком из неведомой Теофрасту^[158] мандрагоры. Я упою тебя моим ядом, в котором содержится Вечность. Не будет ни начала, ни конца, ни бытия, ни небытия. Не будет Солнца, не будет ни Месяца, ни звезд, не будет Земли, не будет пространства, не будет розни между днем и ночью, не будет существовать Смерть. Будет Бездвижность. Будет Безвременье. Покой и глубокий сон, если пожелаешь изведать сон. Могущество и вездесущность, если их захочешь. Война, насилие и кровь, если будешь их жаждать. Вечная война. Навеки. Дам тебе единственный покой, который может вкусить воин.

На пальцах, касавшихся его щеки, были длинные ногти, блестящие золотом, будто покрытые тонким слоем благородного металла. Рука, которая обвила его шею, была украшена нежным, напоминающим чешую, узором. Из ее уст, которые он чувствовал возле своего уха, исходило шипение. Тихое, мелодичное шипение.

Он был для нее змеем. Празмеем Офионом, прибывшим на ее зов вместе с северным ветром. Празмеем Офионом, способным обвить ее, окутать, окружить своими витками, сплестись с ней в объятиях. Она, сплетенная с ним в любовный узел, была бы для него Эвриномой, Богиней Всего Сущего. Была бы для него Астартой,^[159] Эрешкигаль,^[160] Инанной.^[161] Была бы Анахитой, богиней Священного Танца, у подножия статуи которой совершали жертвоприношения. Ардвисурой Анахитой, Полноводной Сияющей и Непорочной, наполняющей источники водами звезд. Владеющей мужским семенем.

В сплетении и объятии они танцевали на волнах, в сладостных спазмах совершали зачатие Неба и Земли, Солнца, Месяца, планет, звезд, рек, деревьев, трав и всех существ.

* * *

Пещера затряслась от недалеких взрывов. Шурша, со стен посыпались мелкие камешки, со свода начала падать пыль, оседая на лазуритах, как проказа. Началась и донеслась до ушей Леварта дикая канонада, очереди из автоматического оружия, взрывы гранат.

— Ничего, — сказала Змея. — Это всего лишь смерть.

— Застава... — он освободился от ее объятий, резко и болезненно приходя в сознание. — Это нападение на заставу! Там бьются!

— Это происходит в других мирах. В другом времени. И тебя это уже не касается.

— Мои товарищи... — дернулся он. — Я должен...

Покрытая золотистым узором рука обвила его шею. И сжала, сжала сильно и жестоко, как гаррота,^[162] как аркан, как петля виселицы. В глазах у него потемнело, в висках застучало. Он был близок к тому, чтобы потерять сознание.

— Другие миры... — Леварт чувствовал, как что-то по-змеиному опутывает и парализует его ноги. — Другое время. Это не твое уже. Ты мой.

Снаружи гремела канонада. Со свода пещеры сыпалась пыль.

* * *

Батареи артиллерии Айюб-хана стреляли со стороны гор и дороги, ведущей на Майванд. Пристрелялись быстро, и теперь валили часто и кучно, разя главный пункт британских позиций концентрированным огнем. Один из снарядов разорвался на опасно близком расстоянии, не далее, чем в ста ярдах от места расположения Шестьдесят Шестого. Генри Джеймс Барр грязно выругался.

— *Bigod*, это английские пушки! Нарезные двенадцатифунтовки Армстронга! Лучше наших!

— Лучше, — согласился старший лейтенант Ричард Тревор Чут, не опуская бинокля. — И их больше. Палят в нас, поди, батарей пять, да около двадцати полевых пушек. К тому же несколько гаубиц, наверняка от Круппа. Да бережет Бог нашу разведку, но говорили, что у них должны были быть только старые дульнозарядные орудия...

Очередной снаряд на этот раз разорвался намного ближе, они почувствовали дуновение, услышали свист шрапнели. Друммонд непроизвольно втянул голову в плечи. «Слава Богу, — подумал он, — нас здесь в котловине не так видно, поэтому по нам не целятся. Но другим туго приходится. Жарко приходится кавалеристам, теряют людей и коней, среди сипаев на левом фланге и в центре шрапнель тоже собирает свою кровавую жатву».

— Если Барроуз... — Чут будто бы слышал его мысли. — Если Барроуз сейчас не бросит конницу в атаку, то вскоре ему уже нечего будет бросать. Чего он ждет, хотелось бы мне знать? *Bloody hell*...

— Всем собраты, господа офицеры! — прервал их разговор зычный приказ майора Блэквуда. — Готовьсь! Будет атака! Идут на нас!

Майор был прав. Напротив стоящего на левом фланге 1-го Гренадерского Бомбейского полка Айюб-хан сосредоточил подразделения из Герата, кабульские полки и нерегулярную афганскую конницу, по меньшей мере восемь тысяч человек, которые постоянно находились на позициях. Айюб, должно быть, видел, насколько результативны удары его артиллерии, поэтому не спешил переходить в лобовую атаку. По-другому было дело на правом фланге, прямо напротив Шестьдесят Шестого. Здесь, отделенная от линии обороны британцев оврагами и разветвленным руслом высохшей реки, стояла под зелеными знаменами орда пеших газиев,^[163] религиозных фанатиков, сопровождавших Айюба. Орда беспрерывно выла, потрясая ножами, саблями, мечами и копьями. Многие из них носили белые одежды. Друммонд знал, что эти поклялись идти и биться насмерть, отдать свою жизнь в борьбе с неверными. В бинокль он видел, что некоторые имели джезайлы, а также мушкеты Браун Бесс и старые энфилды, добытые, наверное, еще во времена первой войны, в 1842 году. Однако гораздо чаще были примитивные копья, сделанные из английских штыков,

прикрепленных к жердям. И сейчас, когда солнце стало в зенит, орда с диким воем бросилась в атаку.

— *Good Lord!* — вздохнул Барр. — Их там около десяти тысяч...

«Может быть и больше, — подумал Друммонд, потянувшись к кобуре за своим адамсом. — Неизвестно, сколько их скрывается в тех глубоких оврагах и руслах ручьев».

Он увидел, как командующий полком подполковник Джеймс Гэлбрейт достает из ножен саблю.

— Готовься!

— Заряжай! Целься!

Первая шеренга целилась из положения лежа, вторая — с колена. Орда, преодолев высохшее русло реки, с диким воем мчала на них. Полковник вынул из кармана платок, сложил его, вытер усы и кончик носа.

— *Steady, lads! Steady!*^[164]

Атакующие газии приблизились на семьсот ярдов.

— *Now!* — крикнул Гэлбрейт. — *A volley!*^[165]

— Огонь!

Подразделения Шестидесят Шестого, все как один дали залп. Как на полковом стрельбище, как будто огненная искра проскочила по линии. Град пуль первые ряды газиев сбил наповал, попросту смел их. Но последующие рвались вперед, давили и топтали погибших, выли, рычали и размахивали оружием.

— Алла-а-ах-у акба-а-ар!

— *Fire!*

Снова залп, на этот раз с четырехсот ярдов, с таким же убийственным результатом. Но и на этот раз это не сдержало газиев. Друммонд бросил взгляд на солдат, заряжающих оружие. Он по-прежнему был спокоен. В руках вышколенного стрелка винтовка Мартини-Генри^[166] могла выстрелить пятнадцать-двадцать пуль в минуту.

— Огонь!

На этот раз он отчетливо увидел карминовые брызги, видел, как белые балахоны фанатиков мгновенно покраснели от крови. Он слышал крики раненых. И дикий рев остальных, которых по-прежнему не удалось остановить. Движения заряжающих оружие каждый раз становились все более нервными.

— Алла-а-ах-у акба-а-а-ар!

— *A volley!* — рычал Гэлбрейт. — *Give'm another volley, damn them!*^[167]

Залп с двухсот ярдов. Следующий — со ста.

— *Fix bayonets!*^[168] — закричал Барр.

Друммонд поднял револьвер, прицелился. Но не выстрелил. «*Thanks God,* — подумал он, видя, как ломаются ряды газиев, и вытер лоб перчаткой. — Наконец-то они остановились. Штыки пока будут не нужны. Мы их остановили, отступают. Будет минута отдыха. Афганская артиллерия будто бы тоже утихла... Слава Богу... И винтовкам Мартини-Генри...»

С левого фланга продолжала звучать канонада. Поглощенный боем Друммонд даже не заметил, что батальоны из Герата и нерегулярная афганская конница начали штурм также и там, и по этой причине умолкли неприятельские пушки. Но, по-видимому, и их наступление не имело успеха. Батарея Королевской конной артиллерии достаточно успешно, казалось,

разила нападающих шрапнелью из своих девятифунтовок. Твердо стояли на позициях сипаи из бомбейских полков: 1-й гренадерский и 30-й пехотный, известный как стрелки Джейкоба. Сипаи вели непрерывный огонь, отбивая очередную волну атаки. Они сами, как мог заметить Друммонд, тоже несли потери, пули афганских мушкетов и джезайлов сильно проредили их ряды. А в глубине британской группировки формировались эскадроны Местной кавалерии, бомбейские полки, *Queen's Own* и *Scinde Horse*. «Сейчас Барроуз даст приказ, — подумал Друммонд, — через мгновение уланы пойдут в атаку.

С фланга ударят по войску Айюба, распyleт его, нерегулярные и газии дрогнут первыми. Битва выиграна. *Thank God...*»

Как оказалось, благодарил он слишком рано. Полки из Герата, поддержанные мощным резервом, с удвоенной силой двинули на левый фланг, на гренадеров и на батареи ККА. [\[169\]](#) В это же время, скрытно переместившись котловиной, следующая волна газиев с криком бросилась прямо на стрелков Джейкоба.

Через несколько минут отчаянного сопротивления гренадеры пошатнулись и пошли враспыльную. Будучи в опасности, конная артиллерия тоже начала бежать, из-за чего поломался весь левый фланг. Барроуз только теперь бросил на подкрепление конницу, но было уже слишком поздно, обойденные с фланга кавалеристы попали под сильный огонь и дрогнули. Перед лицом несущихся на них газиев стрелки Джейкоба тоже не устояли. На глазах онемевшего Друммонда развалился центр, газии ворвались в группировку. Стрелки в паническом бегстве наткнулись на убегающих гренадеров, возник хаос. Вдруг, как в страшном сне, Друммонд увидел, как линия ломается и рвется, а вся бригада, включительно с кавалерией и резервом, бросается наутек на юг, в направлении Махмудабада.

— Это... — захлебнулся он. — Это невозможно...

— Стройся! — закричал с коня Гэлбрейт. — Шестьдесят Шестой, строй...

Друммонд перестал его слышать, все заглушил шум, один большой рев, дикий крик. Их полк столкнулся со сбивающими друг друга уцелевшими гренадерами, смешавшимися со стрелками Джейкоба и спешившимися уланами из Местной кавалерии, в это все влились упряжки и орудия отступающей батареи ККА, расталкивая и опрокидывая коней. Еще до недавнего времени дисциплинированный строй превратился в беспорядочное месиво, на которое свалились газии и гератцы, не прекращая сечь и колоть. Поток человеческих тел понес Друммонда, словно стремительная река, у него не было сил сопротивляться. Он охрип, выкрикивая приказы, которые в этом аду и так никто не был в состоянии услышать. Шестьдесят Шестой смог зацепиться только за первые строения кишлака Кхиг, за глиняные стены, окружившие его, и за стены хижин. Гэлбрейту и еще нескольким офицерам каким-то чудом удалось совладать с паникой и собрать вокруг себя остатки полка. И вдруг в самом центре царящего вокруг хаоса прозвучали спокойные английские команды и пронзительных грохот залпового огня из мартини. [\[170\]](#)

Друммонд не успел присоединиться к строю, его подхватила и увлекла волна убегающих сипаев. Он вырвался, но его свалили с ног, едва не затоптав. Подняться он уже не смог. Газии, которые без усталости резали беглецов, наскочили прямо на него. Он не успел даже вытащить свой адамс из кобуры, когда перед его глазами засверкали острия копий и хайберских ножей. Вдруг над ним завис какой-то детина в белой одежде. Его борода была окровавлена так, будто минуту тому он кого-то загрыз. Великан с рычанием поднял широкую изогнутую кору. [\[171\]](#) И упал, получив пулю прямо между глаз.

— Сэр! — винтовка выстрелила прямо над головой Друммонда, оглушив его. —

Поднимайтесь, пожалуйста, сэр!

— Вставай! — с другой стороны выпалил кольт. — Вставай, Тэдди! Поднимайся, *God dammit!*

Слева его подхватил Гарри Барр, справа сержант Эпторп. Они убежали, перепрыгивая через трупы, в сторону невысоких ограждений деревушки, в прикрытии которых держали оборону остатки Шестьдесят Шестого и уцелевшие из других подразделений. Убежали, настигаемые воем орды и свистом пуль. Вдруг Барр охнул, захрипел, упал на колени и на лицо, потянув за собой Друммонда. Уже оказавшись на коленях, Друммонд повернулся к догоняющим и поднял револьвер. Крупный калибр адамса делал свое дело, пули валили с ног мчащих на него газиев, и они разлетались, как разлетаются в крикете перекладыны калитки, когда в нее попадают мячом. Рядом с ним стрелял Эпторп, потом присоединилась еще одна винтовка, снайдер кого-то из бомбейских гренадеров, бородача в перекошенном пагри [\[172\]](#) и окровавленной курточке.

Лейтенант Генри Джеймс Барр перевернулся через спину, вонзая пальцы в рану на груди, из которой била кровь. Потом напрягся, захрипел еще раз и умер.

— Быстрее, саиб! [\[173\]](#) Йилди йао! В деревню!

То, что они добрались до селения, было настоящим чудом. Но перед самой стеной, почти уже под стволами стреляющих из-за нее товарищей, сержант Эпторп получил пулю в спину, под лопатку. Друммонд и бородастый сипай затащили его за стену. Сержант открыл глаза.

— Как же это так... — выплюнул он кровь. — Как же так... Сэр...

Он поперхнулся. Друммонд стиснул зубы.

— Мы же... самая лучшая армия в мире... — с трудом проговорил сержант Эпторп. — Вы сами говорили... Что непобедимы... Империя... А нас сегодня... *God Almighty!* [\[174\]](#) Сделали нас дикари с копьями...

Его голова беспомощно упала на плечо. Друммонд отвел глаза.

— Саиб, — сипай подал ему винтовку. — Возьми.

— Ты кто?

— Наик [\[175\]](#) Джехангир Синх, саиб. Первый гренадерский...

Пальба и крики атакующих заглушили остальное.

От всего Шестьдесят Шестого осталась какая-то сотня людей. Они защищались с сомкнутым строем, из-за ограждений или опершись спинами о глиняные стены кишлака Кхиг.

— Огонь, — командовал подполковник Гэлбрейт. — Огонь, ребя...

На глазах Друммонда пуля из джезайла попала ему в висок, разнесла пробковый шлем и голову. Друммонд прикусил губы, вставляя в патронник следующий патрон.

— *Mother fucking niggers!* — Уолтер Райс Оливи совершенно позабыл о хладнокровии, о безупречных обычно манерах и изысканной речи. — *Dirty cock suckers!*

Поредевшие газии на какое-то мгновение потеряли напор, натиск ослаб. Но стрелки из регулярных гератских батальонов не переставали засыпать их градом пуль. По ним били джезайлы и мушкеты, били только недавно добытые снайдеры, вырванные из рук убитых. Так что теперь они, парни в хаки, были этими перекладами из крикета, друг за другом разлетаясь по песку, падая, как куколки. Упал сраженный в живот Ханивуд. Артиллерист из ККА, который сражался рядом с ним, получил пулю в лоб. Майору Блэквуду пуля разорвала

горло.

Их оставалось, может, человек пятьдесят, когда слева налетела на них нерегулярная афганская конница, а справа — газии и стрелки из Герата. Оставалось, может, двадцать, когда им удалось отразить атаку огнем из винтовок, раскаленных почти докрасна.

Их осталось шестнадцать, когда их вытеснили, и они отступили к саду, ближе к колодцу.

Их осталось одиннадцать, когда они отступили за Кхиг, на залитую ярким солнцем пустыню. Одиннадцать. Три офицера. Сержант и капрал. Пять солдат из Шестидесят Шестого. И один наик из бомбейских гренадеров.

Они стояли, мокрое плечо к плечу, окровавленный локоть к локтю, вспотевшая спина к спине. Лицами в сторону орде, готовящейся в атаку.

Старший лейтенант Ричард Тревор Чут зарядил поднятую солдатскую винтовку. Поправил повязку на голове. Прошелся взглядом по ним. Казалось, что он скажет что-то напыщенно возвышенное и патетически патриотичное.

— *Fuck*, — сказал старший лейтенант Ричард Тревор Чут.

Лейтенант Уолтер Райс Оливи закончил заряжать кольт, прокрутил барабан. Старший сержант Капхейдж насадил штык на ствол своей мартини, похоже вооружил свой снайдер наик Джехангир Синх. Капрал Траверс, серьезно раненный, опустился на колено, потом сел. Возле него опустился на колено также один из солдат, Друммонд знал его, знал, что он из Бирмингема и что зовут его Таунсенд.

Рев и вой газиев засверлил в ушах. Копыта наступающей конницы подняли пыль. Эдвард Друммонд поднял винтовку. «Прощай, Шарлотта», — подумал он.

Солнце в небе пекло немилосердно.

— Готовы? — удостоверился лейтенант Ричард Тревор Чут.

— Готовы, саиб, — за всех ответил наик Джехангир Синх.

Чут взглянул на него.

— Не называй меня саибом, — сказал он холодно. — Сегодня, здесь, мы все равны. С этого момента я называю тебя белым.

— На время битвы?

— Нет, — лейтенант втянул воздух и посмотрел на несущихся на них газиев, на их ножи и копыта. — Пожизненно.

* * *

Было половина третьего после полудня, 27 июля 1880-го, тридцать четвертый год пребывания на троне Виктории, королевы Объединенного Королевства Великой Британии и Ирландии, первой императрицы Индии.

* * *

Стены пещеры тряслись от взрывов. Очередями валили дэ-шэ-ка, весь зашелся от непрерывного огня утёс, били пэкаэмы. Взрывались гранаты.

Змея несколько ослабила давление на его шею. Леварт поперхнулся дыханием. Он уже

не сопротивлялся.

— Там, — сказала Змея, — только смерть. Твое место здесь. Потому что я тебя выбрала. Он почувствовал на груди ее губы. А потом укол и парализующую боль.
— Я упою тебя моим ядом, в котором содержится Вечность.
Эффект был мгновенный. И во стократ более сильный, чем от героина.

* * *

Вдруг он оказался там, где на алтаре танцевал огонь, ослепительно белый в своем великолепии, а его отблески мелькали на настенных фресках. Он был там, где в священном обряде пели для Доброй Богини, где танцевали для нее, танцевальными движениями подражая движению пламени, и настенные фрески тоже казались танцующими. Он был там, где в честь Богини пили Благословенную Хаому, а под воздействием хаомы души выходили из тел и взлетали к божеству, чтобы наконец постигнуть его, понять и назвать. Души покидали тела, хаома кружила в жилах, пылал огонь обожествления.

Хаома огнем кружила в жилах.

Огонь пылал на алтаре, горел для Великой и Доброй Богини Всего Сущего.

* * *

До Александрии Кавказской им оставалось не более пятидесяти стадий. Тетрарх Герпандер, с момента отправления беспокойный, теперь немножко расслабился. И пришел к выводу, что можно, наконец, дать немного передохнуть коням. Он остановил своего жеребца и повернулся к подчиненным. Но дать приказ не успел.

Он почувствовал сильное дрожание земли, а отчетливо видные на фоне неба вершушки гор вдруг размазались в глазах. А потом все ущелье, казалось, свалилось на них.

Катящиеся с обрыва камни упали на передовой отряд, повалив коней вместе со всадниками. Тех, кого крупные камни обошли, накрыл и повалил с коней град более мелких камней, сорванных лавиной со склонов. Кони дико ржали, всадники в авангарде кричали и матерились. А следом за градом камней на них посыпался град стрел. На глазах Герпандера перелетел через зад коня фригиец Стафилос, которому стрела попала в горло, рядом упал всадник, получивший в глаз. Еще один боролся со стрелой, вонзившейся в плечо.

Со свистом полетели брошенные с обрыва дротики, следом за ними, почти в тот же миг, на них со склона бросились вооруженные люди.

— Бей! — крикнул Герпандер, пришпорив Зефиоса. — Бей их! Аляле аляля-а-а-а!

Вороной жеребец уже в который раз спасал жизнь своему хозяину. Как антилопа, он перескакивал через огромные камни, лавировал между ними, как газель, с разгона сбивал нападающих, как боевой слон. Причем делал это так быстро, что опередил всю тетрархию и неожиданно вынес Герпандера прямо между врагов. Он вдруг оказался между ними, в самом центре, чувствуя со всех сторон смрад шкур и меха, в которые они были одеты, вследствие чего больше напоминали полузверей, чем людей.

Но Зефиос и его всадник не впервые были со всех сторон окружены врагами, людьми, полузверями, в том числе и зверями. Герпандер мгновенно умертвил двоих, коротким

движением проткнув им горло кавалерийской сариссой. Зефиос ударом копыта разнес голову третьему. Четвертый получил прямой удар в лицо, прямо под волчью шапку с пастью и клыками, которая покрывала его лоб. Пятый, такой же оборотень в волчьем образе, пытался ранить Зефиоса в брюхо кривым, как серп, ножом. Герпандер сбил его ударом древка и пригвоздил к земле.

— Аляле-е-е аляля-а-а-а-а-а!

«Однако прав был Астрей, халдейский маг, — подумал он, вырывая острие. — Я испорчен войной. Убивать — это единственное, что я умею».

Остатки тетрархии пробивались к нему во главе с Бризосом, у которого сочилась кровь из раны на лбу. Разгоряченный боем Герпандер не стал ждать, он снова пришпорил Зефиоса и в одиночку бросился на горцев из Паропамисад,^[176] которых все больше и больше соскальзывало вниз по склонам. Многие достигали земли уже мертвыми, сраженные сариссами, ксистолами^[177] и скифскими пальтонами, которые бросала продрома. Увидев, что древкового оружия ему хватит, Герпандер крепко сжал ногами бока своего жеребца, привстал и со всей силы метнул собственную сариссу, навыворот прошивая огромного бородача в шапке с рогами буйвола, явно жожака, потому что после его падения часть горцев пошла врассыпную. Тетрарх схватился за копье и бросился на тех, что уцелели. Одному он снес голову вместе с его косматым колпаком. Другому, вооруженному кремневым рубилом, отрубил руку выше локтя.

И тогда Зефиос, Западный Ветер, дико заржал, дернулся, стал на дыбы. И рухнул на камни. Герпандер в последнее мгновение успел соскочить, чтобы не быть придавленным лошадью. Он упал, потом вскочил и застыл, видя стрелу наполовину вошедшую в шею лошади. На большее у него времени не было. На него неслись трое, все вооруженные огромными, как косы, ножами. Чудовище, голову и плечи которого покрывала шкура козла вместе с рогатой и зубастой головой. Второй, никак шаман, потому что весь обвешенный гремящими костями. И третий, в штанах шерстью навыворот, настоящий сатир.

Не успели они добежать, как шамана и козлоголового свалили с ног прицельно брошенные пальтоны. Сатир убежал. А к Герпандеру неожиданно присоединились Бризос и несколько человек из продromы вместе с пятью верховыми лошадьми.

Глаза Зефиоса помутнели. Его голова беспомощно упала на камни.

— Коня! — зарычал Герпандер. — Подайте мне ко...

Стрела попала ему под правую ключицу, с легкостью пробив кожаную куртку. Он схватился за оперение, в это мгновение вторая стрела угодила ему в лицо, пронзая левую щеку и выходя через шею. Герпандер упал на колени. Он чувствовал, как Бризос пытается его поднять. Но силы уже покинули его, и он перелетел через руки. Из рта у него пошла кровь, он подавился, захрипел, в глазах у него резко потемнело, руки и ноги стали холодными.

— Аляле-е-е-е аляля-а-а-а-а!

Прозвучал мощный боевой клич македонцев, застучали копыта, со свистом полетели стрелы, прореживая толпу убегающих паропамисадовцев. Со стороны входа в ущелье прибывало подкрепление. Гиппотоксоты, конные лучники, в кожаных шлемах и прошитых кабадионах.^[178]

Герпандер этого уже не видел. Он погружался в черную ночь, в небытие.

«Я — Герпандер, сын Пирра, — успел еще подумать он. — Продром, командир первой тетрархии третьей илы в непобедимой армии Александра, Великого Царя Македонии. Царя

под предводительством которого мы поставили на колени Сирию, Египет и Персию, взяли Эфес, Тир, Вавилон и Персеполь. Мир наш. Он стоит перед нами на коленях. Но я Герпандер, покорения Индии уже не увижу. Потому что тону в собственной крови, которая заливает мне легкие. Здесь, в этом забытом богами ущелье забытой богами страны. Погибаю от топорно изготовленных стрел одетых в шкуры дикарей, настоящих горных полузверей.

Воистину, жизнь — это игрушка Тихе...»

* * *

Было позднее лето, седьмой год царствования Великого Царя Александра.

* * *

Сержант Гушин отбросил свой ПКМ, он не мог уже стрелять, пуля разнесла ему кисть правой руки и оторвала два пальца. Он схватил гранату, выдернул зубами чеку, бросил наугад.

— Прощай, прапор! — крикнул он срывающимся голосом.

Стреляющий из утёса Бармалей не повернул голову. Наверное, не слышал, кровоточили оба его уха. Выстрелы и взрывы глушили все.

* * *

Было воскресенье, семнадцатое июня 1984 года. Пятого года войны в Афганистане.

* * *

Откровение святого апостола Иоанна Богослова: Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. [\[179\]](#)

* * *

Земля задрожала от взрывов, затряслась от разрывов настолько сильных и резких, что со стен пещеры оторвались и с грохотом рассыпались большие скальные блоки. Рухнул один из лазуритовых менгиров, покрылся трещинами и с треском разломился катафалк. Закачалась и упала на кучу черепов статуя крылатой женщины, постриженной по персидской моде.

* * *

«Я выбрала тебя. Но за тобой остается право выбора. Выбор мира, в котором ты хочешь быть и существовать.

Выбирай. Но выбирай рассудительно.

Ибо кто свернет с дороги благоразумия, тот будет почивать в обществе теней».

Леварт пришел в сознание. И понял, что он один.

Совершенно один.

* * *

Он оглянулся назад только один раз. Когда выходил из ущелья.

Не увидел никого.

* * *

Там, где еще утром была застава «Соловей», где были блокпосты «Руслан», «Муромец» и «Горыныч», где были доты, бункера, посты, траншеи и соединительные рвы, сейчас уже не было ничего. Ничего, кроме разрытой и вспаханной снарядами, продырявленной воронками земли, сожженной дочерна, покрытой шлаком и смолой. Напалм все еще тлел и дымился в расселинах, над всем висел тяжелый, резкий, всепроникающий смрад нефти.

И чад сгоревших человеческих тел.

Над местом боя и вокруг него с грохотом кружили штурмовые вертолеты.

Леварт заморгал отвыкшими от яркого света глазами, дрожащей рукой протер лоб и веки. И увидел перед собой Савельева. Игоря Константиновича Савельева. Хромого Майора из особистов.

Он хотел что-то сказать, но не смог извлечь из себя ничего, кроме какого-то хриплого стрекота. Горло заболело, и он непроизвольно схватился за него руками. Савельев проследил взглядом его движение. И увидел синяки, оставленные змеей. Увидел окровавленный рукав мундира, пропоротый шамширом Черномора. Увидел наверняка и больше, от его васильковых глаз редко что могло укрыться.

— Ты жив, — констатировал он, а в его голосе прозвучало что-то наподобие изумления. — Выжил.

— Выжил.

— Пойдем.

На взлетке стояли четыре санитарных вертолета, Ми-4 с красными крестами на фюзеляже. В два вертолета санитары и парашютисты впахивали носилки с тяжелоранеными и без сознания. В два других грузили тех, кто был в состоянии идти или хотя бы удержаться на ногах.

Леварт не мог узнать никого. Расстояние было слишком большим.

— Трехсотых тридцать два, — ответил на незаданный вопрос Савельев. — Двухсотых и пропавших как раз считаем.

Они подошли к краю того места, где когда-то был блокпост «Горыныч», названный по имени сказочного змея, стерегущего Калиновый мост, дорогу в страну мертвых. В перерытой и обгоревшей земле Леварт тут и там узнавал какие-то предметы — погнутый цинк,

коричневый рожок автомата, шлем, лоскут песчанки, РД, походная фляжка. Везде, будто посеянные, будто зерно во вспаханных бороздах чернозема, блестели гильзы. И медные отлент пэкаэмов, и покрытые краской от патронов для Калашниковых.

Он чувствовал окружающую его пустоту.

Не знал, но догадывался, что первый натиск наступления принял на себя «Руслан», блокпост, которым командовал Якорь, старшина Яков Львович Авербах. Что Якорь получил пулю уже в первые минуты боя, что уцелевшие солдаты забрали его раненого из блокпоста и отошли на «Муромец». Что на «Муромце» Якорь получил второе ранение, на этот раз осколками гранаты.

Он не знал, что моджахеды ударили в блокпост «Горыныч» ураганным шквалом огня из минометов, безоткатных орудий и эрликонов, ^[180] что в этом огне погиб, среди многих других, Федя Сметанников, один из молодых из пополнения. Что Ломоносов, Олег Евгеньевич Станиславский, увидев разгром «Руслана» и ожесточенный бой на «Муромце», запаниковал. И вместо того, чтобы держать оборону укрепленной позиции, он попытался вывести уцелевших солдат к Бастиону, окопу возле аэродрома. Во время беспорядочного отступления получил пулю в висок и погиб на месте. Остатки солдат довел до Бастиона Валера, ефрейтор Валерий Семенович Белых.

Леварт не знал, но догадывался, что самый тяжелый бой завязался на «Муромце», блокпосте командования. Что после такого шквального обстрела, после которого в принципе не должно было остаться ни одной живой души, моджахеды атаковали четыре раза. И четыре раза отступали, отбитые, застелив предполье трупами. Что когда погиб от разрыва снаряда из РПГ Захарыч, сержант Леонид Захарович Свергун, то его заменил за треногой утёс: четырежды раненный Бармалей. Что по его приказу солдаты забрали раненых и отступили к укрытию возле аэродрома, к Бастиону, последнему шансу, где надеялись дожждаться подкрепления. Что в это время защищать «Муромец» остались только двое, которые должны были прикрыть отступление. Бармалей, старший прапорщик Владлен Аскольдович Самойлов, и сержант Дмитрий Ипполитович Гуцин. Что огнем из утёса и пэкаэма, а потом гранатами они отразили еще одну атаку, после которой уже не были в состоянии сражаться. Что когда моджахеды обступили уже беззащитный блокпост и достали ножи, подошло, наконец, подкрепление. Сразу после быстрого и резкого налета звена Су-17. Кассетные бомбы, напалм и нурсы покрыли все предполье и два занятые душманами блокпоста, «Руслан» и «Муромец». Превратив оба в черное пепелище.

Леварт не знал, что Бармалей тогда еще был жив.

— Смерть вторая... — прошептал он с усилием. — Озеро огня...

Майор искоса посмотрел на него. Потом взял под руку и увел в сторону Бастиона, подальше от рыскавших по полю боя санитаров и парашютистов из прибывшей с подкреплением бронегруппы. Леварт шел на нестибающихся ногах, по-прежнему в полусознании, по-прежнему в отупении и бесчувствии. И, несмотря на отупение, он дал себя поразить. И удивить.

Ибо Савельев, к изумлению Леварта, опустился на колени. Стал на колени. Упал на колени. Глубоко поклонился окровавленной земле и рассыпанным по ней гильзам. Потом поднял голову и широко перекрестился.

— Помяни, Господи Боже наш, — начал он, — преставившихся рабов Твоих, братьев наших, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляя неправды, ослаби, остави и прости вся вольная их согрешения и невольная, избави их вечныя муки и огня геенскаго, и

даруй им причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя.

Он перекрестился еще раз, еще раз низко поклонился.

— Тем же милостив им буди, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякого греха, и правда Твоя, правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. [\[181\]](#)

Леварт непроизвольно перекрестился. Молча.

«Если то, что произошло в пещере, — подумал он, — было чем-то большим чем галлюцинация и героиновый глюк, то я должен вернуться. К ней. В этом мире я уже не найду себе места. И вообще не хочу искать. Я сделал свой выбор. Это уже не мой мир. Я должен вернуться».

Савельев поднялся, что было для него явно трудным. При таком увечье стояние на коленях его, видимо, сильно замучило. Он посмотрел на Леварта, массируя колено и будто ожидая чего-то.

— Товарищ майор.

— Слушаю.

— Вы молились.

— Действительно? — Савельев слегка улыбнулся. — Даже не верится. Просто ужас, что война с человеком делает. Я мог бы, — он поправил на себе комбез, — объяснить, в чем дело, возвышенным и напыщенным образом. Сказать что-нибудь о том, как кошмар войны приводит к тому, что даже безбожники находят в своих затвердевших сердцах дорогу к Богу и вспоминают слова молитвы. Но я не большой любитель высоких слов, к тому же объяснение гораздо проще. Я родился в религиозной семье, с молитвами имею дело почти с детства. Даже в те времена, когда это было чревато суровыми последствиями, в доме бабушки всегда молились. Тихонько, как сам понимаешь. Что ж, времена изменились, последствия более мягкие... Но, пожалуйста, лучше не говори об этой молитве никому в госпитале.

— В каком госпитале?

Майор быстрым движением достал из кобуры свой стечкин и выстрелил в плечо. Леварт рухнул на колено. Схватился за плечо, открыл рот, чтобы крикнуть. Но только застонал.

— Санита-а-а-ар! Сюда-а-а! — Майор спрятал пистолет, бросил Леварту индпакет, индивидуальный перевязочный пакет. — Возьми, прижми к ране. Как кадровый военный, ты должен уйти с этой заставы в качестве трехсотого, иначе будут вопросы, возникнут подозрения, и будешь иметь кучу неприятностей. Не теряй сознания. Или теряй, какая разница, и так заберут тебя санитары, уже бегут сюда. Бывай. Ты, наверное, спрашиваешь себя, — Савельев вопреки своему заявлению вовсе не собирался уходить, — с какой это радости я трачу время и боеприпасы на то, чтобы избавить тебя от неприятностей. Так вот, чтоб ты знал, я тоже когда-то видел золотую змею. И пошел за ней, но в отличие от тебя вовремя остановился. Но тебя понимаю. К тому же, — добавил он, на этот раз действительно уходя, — следует помочь родственнику в затруднительном положении. А ведь мы с тобой родственники, поляк, хоть и дальние. Все есть в делах, все, и велика, чрезвычайно огромна сила бумаги. Моя бабушка Елизавета Петровна, урожденная Молчанова, та ортодоксально религиозная, из многочисленного рода купцов Молчановых, так же, как и твоя, была родом из Вологды. Так что, как говорится, кровь — это не водица. Бывай, родственничек. Помог, как мог, теперь справляйся сам.

Санитарные Ми-4 с ранеными уже отлетели, поэтому перевязанного, в полусознании и бледного как смерть Леварта положили по-боевому на броню одного из бэтээров возвращающейся бронегруппы. Вместе с ним, кроме санитаров, в дорогу отправились парашютисты из Сто третьей, молодые, загорелые, в полосатых тельняшках под расстегнутыми песчанками. Заревели моторы, вырвались выхлопные газы, поднялось облако пыли, танки и транспортеры двинулись на кабульскую дорогу. Над головами застрекотали «Крокодилы», штурмовые Ми-24.

Урчали моторы, душили выхлопы, пыль забивала глаза и нос. Но кружащие в небе «Крокодилы» давали ощущение безопасности, поднимали боевой дух и настроение. Хотелось жить. Хотелось петь. Поэтому неудивительно, что из сердец, душ и глоток парашютистов вырвалась песня. Развалившись на броне, парни из 103-й Витебской гвардейской воздушно-десантной дивизии ревели, сколько было сил в легких.

Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.
Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости-прощай, прости-прощай...

— Эй, пехота, почему не поешь? Умер, что ли? Что там? Ранен? Тоже мне рана! Рана — это когда из живота кишки вылезают. Ты чего такой бледный? Оживить тебя надо? А ну-ка двинь ему в бок, Фонарь! Ого! Смотрите! Сейчас блевать будет! Будет блевать.

Ревели двигатели бэтээров, сыпалась и оседала сероватая пыль. Десантура пела, так что эхо отзывалось по склонам гор.

Лес да степь, да в степи полустанки,
Свет вечерней и новой зари.
Не забудь же прощанье славянки,
Сокровенно в душе повтори!
Проща-а-а-ай, отчий кра-а-а-а-й!
Ты на-а-а-а-с вспомина-а-а-а-й!
Проща-а-а-а-й, милый взгля-а-а-а-д!
Прости-проща-а-а-ай, прости-проща-а-а-а-й!

Горы отвечали эхом. Солнце катилось на запад. На вершинах Гиндукуша ослепительно сверкал снег.

И здесь наступает конец повествованию.

* * *

В принципе.

* * *

Майор Игорь Константинович Савельев не выжил в Афгане. Отслужив второй срок вернулся на третий. Но повышение на подполковника не дождался, хотя, казалось, оно уже было у него в кармане. Смерть настигла его в Джелалабаде, 25 сентября 1986 года, в четверг, в пятнадцать двадцать. Можно бы поспорить, кто или что стало причиной смерти майора, прямо или косвенно. Кого следовало винить за то, что то, что осталось от майора, поместилось в два ведра и два цинка из-под патронов? Был ли это алкоголь, водка, которая погубила стольких хороших солдат под разными знаменами. Было ли это ЦРУ, Центральное разведывательное управление со штаб-квартирой в Лэнгли, в штате Вирджиния? А может, это был облезлый верблюд по кличке Мустафа? Или в конце концов это был Абдул Гаффар, инженер-механик, выпускник Московского политехнического 1972 года выпуска? Это сложная проблема. Ибо летом 1986 года Центральное разведывательное управление доставило в Пакистан переносные ракетные комплексы «земля — воздух» с инфракрасной системой наведения типа FIM-92, имеющие кодовое название «стингер». Первую партию стингеров перебросили в Афганистан с базы Мирам Шах в сентябре, через границу их перенес во вьюках верблюды по кличке Мустафа, имени погонщика хроники не зафиксировали. Двадцать пятого сентября 1986 года майор Савельев прилетел в Джелалабад вертолетом Ми-8, чтобы принять участие в прощальной попойке, организованной группой демобилизованных офицеров из расположенной здесь бригады спецназа. В горах недалеко от аэродрома засели моджахеды, снабженные пусковой установкой стингер, новенькой, еще приятно пахнувшей краской, роскошью и *American way of life*. Среди моджахедов был инженер Абдул Гаффар, единственный человек, способный понять, каким концом стреляет стингер, и на что надо нажать, чтобы выстрелил. Абдул Гаффар прицелился и нажал, а снаряд из стингера, первый из множества выстреленных позже в Афганистане, безошибочно обнаружил инфракрасное излучение заходящего на посадку Ми-8 с двумя пилотами и шестью пассажирами на борту. Сбитый вертолет, первый из множества сбитых позже в Афганистане, рухнул на летное поле и взорвался.

Еще несколько солдат, из тех, что более и менее подробно описанные в этой истории, вернулись из Афганистана так, как Хромой Майор, — в качестве «груза двести». В виде останков, еще менее узнаваемых, чем останки майора. В запаянных гробах на бортах транспортных Ан-12, зловещих «Черных тюльпанов». Прежде чем последний БТР с десантом на броне выехал из Афганистана через мост в Хайратоне, смерть, Костлявая Старуха, забрала еще многих. Среди них Алешу Панина, буквально накануне дембеля

изрешеченного осколками взорвавшегося фугаса. Мирон Ткач, которого от бойни на «Соловье» спасло пребывание в госпитале, пал в бою какими-то двумя месяцами позже в долине Панджшер.

Не дождался вывода войск из Афганистана также болезненный замполит, младший лейтенант Андрей Пряников, Лазарь-Лазаретик. Он умер в ЦВГ в Кабуле от инфекционного менингоэнцефалита. Болея, Лазарь ухудшил и без того скверную статистику. Желтуха и тиф, малярия, дизентерия, вирусное воспаление печени и менингит во время афганской войны убили или свалили с ног около полумиллиона солдат из неполных семисот тысяч, служащих в ОКСВ. Иначе могла бы выглядеть та война, ее ход и исход, если бы солдатам ОКСВ выдавали больше мыла. И усиленно приучали бы им пользоваться.

Смерть в бою, от ран и от болезней забрала жизнь 13 833 солдат. Очень скромная цифра. Как для девяти лет, одного месяца и двадцати дней войны. В среднем каких-то четыре жертвы в день. Значительно больше гражданских людей за это время погибло в дорожных происшествиях.

Те, кто выжил в Афгане, вернулись по домам.

Вернулись по домам, домам негостеприимным и холодным, домам, в которых стоял смрад отчужденности, лжи и вероломства.

Вернулись к женам, чужим женщинам с обиженными глазами и поджатыми губами, женщинам, красноречиво молчащим или столь же красноречиво придирчивым. К женам, которые уже не были женами, которые давно бы ушли, но не уходят, потому что ждут повода. Чтобы уйти с гордо поднятой головой, оправданными и невиновными, с ощущением правильности давно уже принятого решения.

Общество, к которому солдаты вернулись, повело себя, интересное дело, почти так же, как и жены. Общество, как и жены, надменно и гордо не признало, что это оно само скурвилось. Общество с обаянием попугая повторило за женами слоган: «Ни-когда-бы-тебя-не-предала-если-бы-ты...» Общество глубоко уверовало, что это именно его оскорбили. И общество обиделось. Обиделось смертельно.

Вдруг оказалось, что во всем, буквально во всем виноваты эти парни с бронзовым загаром, с глазами стариков, носящие на груди ордена «Красного Знамени» и «Красной Звезды», медали «За Отвагу» и «За Боевые Заслуги». Парни изуродованные, парни слепые парни без рук, парни на костылях, парни на колясках. Это они во всем виноваты, так им и надо. Они должны извиниться. Они должны покаяться. Они должны поклясться, что больше не будут. А мы, общество, отвергнем эти их извинения и раскаяния, мы их не простим. Мы их приговорим. Сначала к позорному столбу. Потом к забвению.

Тех, кто выжил и выстоял, ожидал другой мир. Исчезла, как какой-то золотой сон, красная звезда. В государственном гербе и на воинских знаках ее заменил черный двуглавый орел, а в ночном небе над Москвой — огромная надпись SONY. Открылся рог Амальтеи, когда-то роскошные и недоступные, нереальные, как грезы, товары выплеснулись на полки магазинов с напором и свистом сибирской вьюги, изобилие вызывало слезы на глазах, дрожь в руках и трепет в сердце. Появилась одна огромная Страна Чудес, фантасмагорическая федеративная Лимоно-Апельсиния, призрачный мир телерекламы, мир, где пиво «Балтика» льется, как Ниагара, у женщин голубые месячные, батончики «Сникерс» утоляют голод у мужчин, киндер-сюрпризы у детей, «Вискас» у кошек, а шампунь «Хэд энд шолдерс» устраняет перхоть у них всех вместе взятых.

Глаза тех, кто дожил, все это видели.

О некоторых из тех, кто выжил в Афгане, вспомнила война. Одних — новая война, других — все та же самая.

И тем, кто выжил в Афгане, в конечном счете довелось-таки погибнуть в бою.

Кому-то выпало погибнуть в бою за свою собственную страну и дом. Как старшине Марату Рустамову, убитому пулей снайпера под Сумгаитом в феврале 1988-го. Другие погибли за новую, совсем недавно приобретенную страну и дом. Как Яков Львович Авербах, по прозвищу Якорь, бывший старшина, а позже рав самаль миткадем,^[182] убитый в секторе Газа в июне 1990-го.

А еще другим было суждено погибнуть далеко от дома, в борьбе то за идею, то за доллары. Как Эдвардас Козлаускас, когда-то Козлевич, а позже Абу Эд, в Грозном, в декабре 1994-го, под развалинами разбомбленного здания. Как бывший младший сержант Александр Губарь, в июле 1997-го умерший от ран в госпитале в Фернандо По.

Выжил в Афгане также Валера, Валерий Семенович Белых. А шесть лет спустя кончил так, как ему и предрекали, как настоящий урка: заколотый заточкой в зоне зеком-сокамерником, в каком-то из лагерей Мордовии.

Из пяти молодых из пополнения в бою на заставе «Соловей» кроме Феди Сметанникова погибли двое, те, что были на блокпосту «Руслан». Выжил Владимир Ефимченко, дослужившийся под самый конец своего срока до звания ефрейтора и получивший кличку Фима. После Афгана Фима уже не видел своего будущего на гражданке, он остался в армии, дослужился до сержанта, и в звании сержанта 4 ноября 1993-го защищал Белый дом, который обстреливали его же товарищи из 2-й гвардейской Таманской дивизии, этот дом штурмовавшие. Заняв неправильную сторону, он закончил свою карьеру, тем более что в Белом доме получил осколок в коленную чашечку. Несколько последующих лет он ковылял с палочкой по своему родному Днепропетровску, играл в домино по паркам и дворам, глушил водку с пенсионерами и местным жульем. Подвыпив, приходил в сильное возбуждение, показывал медали и шрамы, кричал об измене, о сукиных сынах политиках, о гнилой интеллигенции, о том, что война в Афганистане было бы выиграна, достаточно было расстрелять Горбачева и сбросить по несколько вакуумных бомб^[183] на Исламабад, Карачи и Равалпинди. Потом провозглашал третий тост и пил, требуя, чтобы все вставали. Потом плакал. И засыпал пьяным сном. Весной 1997 года он уснул и уже не проснулся.

Выжил в Афгане также последний из пятерки молодых, Борис Кожемякин, по прозвищу Коршун. Этот связал себя с войной прочными, неразрывными узами. Соединился с военной службой, как железобетон. Из Афганистана пришел сержантом. Уже в мае 1991-го он появился в Горном Карабахе, в боях под Сумгаитом и Агдамом. Там и застал его конец СССР. В шоке он бросает армию. Но война уже держит его своими когтями и не выпускает. В 1992-м добровольцем попадает в Приднестровье, где летом принимает участие в тяжелых боях за Бендеры. Год спустя война, без которой Коршун уже не может жить, бросает его на Балканы. Он воюет в российских добровольных формированиях. Весной 1993 года присоединяется к отряду Саши Мухарева, знаменитого Аса, вместе с ним принимает участие в кровопролитной битве за высоту Заглавак. Один из немногих выходит из ада Заглавака без единой царапины, получив у сербов свою вторую кличку «*Lucky Bastard*».

Возвращается домой, в регулярную армию, в которую его взяли только после детоксикации и реабилитации. В ноябре 1994-го его повышают до звания младшего лейтенанта, а в декабре он уже в Чечне. Во время боя за Гудермес получает тяжелое ранение, товарищам чудом удалось вытащить его из горящего бэтэра. Проведет в госпитале более

четырёх месяцев, выйдет ужасно изуродованным. Откажется от предложения демобилизоваться и уйти на пенсию — поскольку что это за пенсия? Остается в армии. В 1996-м он уже капитан.

Одиннадцатого декабря 1999-го ему исполняется тридцать четыре года. А война им уже насытилась. На следующий день, двенадцатого, он погибает во время штурма Грозного.

* * *

Выжил в Афгане также старший прапорщик Матвей Филимонович Чурило, прозванный Матюхой, великан с лицом ребенка. Демобилизовавшись, он вернулся в Сибирь, под Омск, в родной Тюкалинск. Для иностранцев и московских нуворишей, у которых денег куры не клюют, организовал охоту. Но в основном лазил по тайге, посвистывал, разговаривал с белками, пялился на небо над кронами деревьев, забегал в поселки попить водки с браконьерами и снова возвращался в тайгу. Насколько мне известно, он там до сегодняшнего дня и чувствует себя прекрасно.

* * *

Вика, Виктория Федоровна Кряжева, сейчас ее зовут Вики Майерс. Проживает с мужем в Дирборне, в штате Мичиган.

* * *

Нет, я не забыл. Про Павла Славомировича Леварта, прапорщика из сто восьмидесятого механизированного полка сто восьмой МСД. Я свои обязанности знаю и понимаю, что должен рассказать, что с ним случилось. Хотя до конца не все известно.

После того как его подстрелил Савельев, он попал в медсанбат в Пули-Хумри. Не в Баграм или Чарикар, как все другие из «Соловья», а именно в Пули-Хумри. Провел он там десять дней, а когда выписался, его уже ждал дембель. Раньше, чем следовало бы ожидать после неполных пятнадцати месяцев в Афгане. Прибыв в Баграм, он побывал в госпитале, там видели его в обществе медсестры Татьяны Николаевны Острогородской. Ничего особенного, в обществе Татьяны Острогородской видели многих. А седьмого июля 1984-го, в субботу, когда пришел его черед явиться на баграмскую вз-пэ-пэ и сесть на борт Ил-76, летящего в Ташкент, то оказалось, что Леварта нет. Что исчез. Просто исчез. Без следа.

Было возбуждено дело. В рекордно короткий срок был арестован Анатолий Похлебин, водитель из 863-го автобата, известный по кличке Картер. Арестованный почти сразу признался, что пятого июля он по просьбе прапорщика Леварта взял его, отвез и высадил на сто девяносто третьем километре дороги Кабул — Джелалабад, в тридцати километрах от Сороби, в месте, где семнадцатого июня была разбита застава «Соловей». Там прапорщик попрощался, и больше его Картер уже не видел.

Перевозка прапорщиков без приказа, хоть и противоречила уставу, тяжким преступлением не была, и Картер бы из этого дела выкарабкался, если бы не то

обстоятельство, что специальный отдел открыл его тайники и норы, а в них среди краденого и контрабандного барахла вещь совершенно необычайная — ритон из чистого золота, сосуд для вина, украшенный рельефом с изображением рогатой головы газели, предмет явно древний, как определили люди знающие, памятник старины, персидского происхождения времен ахеменидов, экземпляр необычайно редкий и просто бесценный.

Когда Картера прижали, он признался, что старинным сосудом подкупил его именно прапорщик Леварт. Вещь, сообщил он, происходит из расположенного возле заставы глухого ущелья, в котором прапорщик якшался с дрессированной змеей. Все на заставе знали, что он приручил рептилию, что кормил ее крысами и выдрессировал. Чтоб искать сокровища, понятное дело.

Специальный отдел произвел осмотр на месте на заставе «Соловей». Все вокруг тщательно обыскали. На указанном месте не обнаружили никакого ущелья, никакой расщелины. Не нашли ничего. Там была только монолитная, голая, крутая стена горного склона. Территорию продолжали исследовать очень тщательно и долго, пока, наконец, один из особистов не наступил на мину ПФМ и потерял стопу. После этого поиски прекратили, прапорщика Леварта сочли без вести пропавшим, а Картеру предъявили серьезное обвинение. Афганские товарищи уже давно жаловались, что исполняющие интернациональный долг советские солдаты слишком часто похищают и грабят сокровища народной культуры, так что на Картере отыгрались по полной. Он получил двенадцать лет строгого режима. Но не сидел даже дня. При транспортировке исчез. А вместе с ним три человека конвоя и УАЗ, в котором его везли. По Кабулу ходили слухи, что в спекулятивный бизнес Картера были впутаны высокие чины, которые отблагодарили его за то, что он не сдал их на следствии.

Кто-то потом якобы видел Картера в Пакистане, в Пешаваре. Другие вроде видели его в дагестанской Махачкале. Правда ли это, неизвестно.

Но даже если и правда, то это уже совсем другая история.

* * *

Несмотря на свои восемьдесят два года за плечами, у Мухаммада Хамида по-прежнему было соколиное зрение. С того места, где он сидел на корточках возле дувала, открывался красивый вид на долину и дорогу, видно было далеко. Старик сразу заметил приближающуюся в облаке пыли колонну. Шесть «Хамви»^[184] и четыре бронетранспортера на быстрой скорости ехали в направлении Газни. Он также увидел, что колонна вопреки его ожиданиям замедлила ход, чтобы наконец остановиться сразу чуть ниже кишлака. Увидел также то, чего боялся. Выходящих солдат.

В течение последних сорока лет кишлак Бадгузар был разрушен бомбами и сожжен до основания ровно пять раз.

Мухаммад Хамид повернулся в сторону своего дома.

— Джамиля! — закричал он бегущей по двору внучке. — Радио!

Жители кишлака Бадгузар и других деревень имели богатый печальный опыт, и наука даром не прошла. Американцы и солдаты из НАТО знали, что талибы запретили смотреть телевидение и слушать радио. Поэтому, если из кишлака доносилась громкая музыка, это означало, что он не проталибский. Следовательно, его не надо обстреливать из минометов и

пулеметов. В принципе. Потому что случалось всякое.

Мухаммад Хамид надеялся, что на этот раз не случится. Поэтому он готов был терпеть радио Джамили и вырывающиеся из аппарата демонические и раздражающие ухо звуки. Старый пуштун не знал, что эти звуки называются «*Girls*», а извлекает их из себя трио «Шугабэйбс». Для него это была не музыка, а творение дьявола.

Из машин колонны вылезли солдаты. «Вылезли, — подумал Мухаммад Хамид, — это правильное слово». Обвешанные оружием, не похожим на оружие, и какими-то диковинными инструментами, перепоясанные в странных местах странной упряжью, солдаты выглядели как создания с другой планеты. На них были огромные защитные очки, делающие их похожими на громадных насекомых, и двигались они тоже, как насекомые, как жуки, нескладно и неуклюже. Мухаммад, который видел армию шурави, их спецназ и полосатых парашютистов, презрительно хмыкнул, глядя как патруль карабкается по склону. «Воистину, как жуки, толкающие катыши навоза, — подумал он и сплюнул. — Или как беременные бабы. Не удивительно, что шатаются здесь, вблизи главной дороги, недалеко от баз, в местах, где, если честно, мало им что угрожает. Посмотреть бы на них там, где орудуют Черные Тюрбаны:^[185] в Урузгане, Хелманде или Кандагаре».

Солдаты шли в сторону выхода из Мугабского ущелья, не обращая особого внимания на кишлак. «Это скорее всего не американцы, — оценил старик, уже знакомый с разными узорами камуфляжной военной формы. — Не немцы, не англичане... Это какие-то другие неверные, которых шайтан сюда занес, насрал, как саранчу, на нашу страну. Поскорее бы их всех истребил Аллах, руками верных или хотя бы заразой какой-нибудь. Ла илаха илл-Аллах...»

* * *

Гравий хрустел под сапогами. Патруль первой роты 18-го десантно-штурмового батальона из Бельска-Бялой осторожно продвигался в глубь ущелья. Во главе, чутко выставив впереди себя стволы бериллов,^[186] шли дозорные. Капрал Пусь, по прозвищу Дьябло. И старший рядовой Ксёнжкевич, по прозвищу Кермит. Дьябло вдруг что-то заметил в осыпи, сделал шаг, наклонился. И тут же отскочил:

— Псякрев! Змея, курва!

— Змея! — повторил Кермит. — Холера ясна! Кобра!

— Очередью ее, зёмусь! Заеби эту гадюку!

— Стоять! Назад! — осадил дозорных хорунжий Равик. — Вы охуели, как пингвины летом? Терминаторы нашлись! Всё, что движется, надо прикончить, да? Хлоп живого не пропустит? Господи Иисусе, как из вас эта деревня прет.

— Я, курва, из Варшавы, — заворчал Дьябло. — Это же ведь змея, пан хорунжий... — пояснил он громче. — Это значит...

— Сам вижу, что змея. И знаю, что это значит. Притормози, капрал. Успокойся.

Хорунжий ступил два шага, стал впереди солдат. Змея свернулась между камней, ее чешуя заблестела золотом. Равик подошел ближе.

Подошел остальной патруль.

— Что там? — тихо спросил старший рядовой Вронский, по прозвищу Кизер. — А? Земеля? О, что за срака?

— Змея, — вполголоса пояснил Дьябло. — Собирались ее размандяшить... Равик не дал.

— Эколог еханий, — сплюнул Кермит. — Кол ему в сад...

Равик подошел еще ближе. Змея поднялась на треть тела, легко покачивала головой, уставившись на хорунжего неподвижным взглядом своих золотых глаз. Равик вздрогнул, сделал шаг назад. В ушах у него шумело и стучало.

Змея не спускала с него глаз. Золотых глаз с черными вертикальными зрачками.

В кишлаке Бадгузар заливались лаем собаки. Джамиля, негромко напевая, подметала двор. Старый Мухаммад Хамид перебирал четки.

«Аль хамду лиллаахи раббил аламеем. Ар-Рахман ар-Рахеem... Хвала Аллаху, Господу миров, Милостивому, Милосердному... Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи. Веди нас прямым путем, путем тех, кого Ты облагодетельствовал, а не тех, на кого пал гнев Твой.

И не тех, которые блуждают».

Хорунжий Равик смотрел в глаза змеи.

Змея смотрела в глаза хорунжего Равика.

А Гиндукуш, как всегда, возвышался и ослепительно господствовал над ними всеми.

* * *

То, что произошло позже — уже совершенно другая история.

Оставляю ее другим, пусть другие ее расскажут.

Forse altri cantera con miglio pletto. [\[187\]](#)

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Содержит наиболее трудные и не объясненные в тексте слова и выражения солдатского жаргона, а также менее известные сокращения и аббревиатуры, распространенные в советских военных названиях.

Автобат — автомобильный батальон.

АКМ, акаэм, акаэмашка (автомат Калашникова модернизированный) — автомат Калашникова, популярный «калаш», калибр 7.62-мм. Его более современная версия — АК-74 — отличается от АКМ меньшим калибром (5.45), более легким (пластмассовым, а не металлическим) магазином и характерным дульным тормозом на стволе.

АКС, акаэс, АКС-74У (автомат Калашникова складной укороченный) — автомат Калашникова, укороченная версия.

Арык — афганский оросительный канал.

Аскеры — солдаты правительственной армии ДРА, см. **Зеленые**.

Басмач — см. **Дух**.

Блин или **Бля** — более мягкие соответствия выражения «блядь».

Блокпост — укрепленный пост, блокгауз, форт.

БМД (боевая машина десанта) — бронемашинa воздушно-десантных войск.

БМП — боевая машина пехоты.

БРДМ, бээрдээмка — боевая разведывательная дорожная машина.

Бронегруппа — формирование, придуманное в Афганистане; оперативно формируемое, полностью моторизованное, очень быстрое, маневренное подразделение, сильно вооруженное, используемое для акций вторжения. Обычно в составе 4–5 танков и стольких же транспортеров.

Броник (от бронежилет) — пуленепробиваемый жилет.

БТР, бэтээр (бронетранспортер) — основной транспортер Советской Армии.

Бэзтэшки, БЗТ — бронебойно-зажигательные трассирующие патроны.

ВВС, вэ-вэ-эс — Военно-воздушные силы.

ВДВ, вэ-дэ-вэ — Воздушно-десантные войска.

Вертушка — вертолет, геликоптер.

ВПП — взлетно-посадочная полоса.

Говнюк — засранец. В отличие от польского, где это слово значит «малый сопляк», в русском языке оно ясно дает понять, что речь идет о ком-то, имеющим постоянные и близкие контакты с экскрементами, собственными либо чужими.

Гражданка — гражданская жизнь, гражданский мир; на гражданке — вне армии.

Груз 200 — груз двести; кодовое и жаргонное обозначение транспортируемых останков убитых, погибших в бою. Сами убитые назывались «двухсотыми». В отношении раненых употреблялось обозначение «Груз 300» и «трехсотые».

Двести, груз двести — см. **Груз 200**.

Дембель — демобилизация, переход к гражданской жизни. Также солдат незадолго до демобилизации. Глагол — дембельнуться.

Дисбат — дисциплинарный батальон.

Дот (долговременная огневая точка) — укрепленная огневая позиция, бункер.

Дрейфить — на уголовном жаргоне — поддаваться страху, трусить.

Дувал — глиняная стена, окружающая в кишлаках жилые строения.

Дукан — афганский «общепотребительский» магазинчик, предлагающий всякую всячину.

Дух, духи — жаргонное название моджахедов, от слова «душман», которое на языке дари означает «враг». Еще их называли бородачами, а также басмачами, как и действующих в 1918–1926 годах в Средней Азии антибольшевистских партизан, знаменитых своей жестокостью. После 1985 года, когда к власти пришел Горбачев, и началась так называемая «афганизация конфликта», было запрещено применять по отношению к моджахедам оскорбительные и пейоративные ^[189] названия. Было дано указание говорить о них, как о «членах вооруженной оппозиции».

ДШБ — десантно-штурмовая бригада.

ДШК, дэ-шэ-ка (Дегтярева — Шпагина крупнокалиберный) — крупнокалиберный пулемет, устаревший, в Афганистане большое количество экземпляров китайского производства были на вооружении моджахедов.

Душман — см. **Дух**.

Ефрейтор ^[190] — в пехоте СССР (и российской) к корпусу рядовых причислены: рядовой солдат и старший солдат — ефрейтор.

Желтуха — инфекционное заболевание.

За бэ-зэ (За боевые заслуги) — медаль, занимающая высокое положение в иерархии наград, уступающая только медали «За отвагу». Далее идут уже ордена.

Замполит — заместитель по политическим делам, политрук.

Застава — в русском языке означает как армейское подразделение, охраняющее данный район, так и комплекс укрепленных постов в этом районе.

Зеленые — см. **Аскеры**.

Итальянка — жаргонное название используемых моджахедами мин итальянского производства (Tecnovar Italiana), как противопехотных TS-50, так и противотанковых ТС-6.

Калитка — жаргонное название КПП (см.).

Ка-эн-пэ — см. **КНП**.

Кликуха — см. **Кличка**.

Кличка (на преступном жаргоне — кликуха) — прозвище, псевдоним.

КНП, ка-эн-пэ — командно-наблюдательный пункт.

Комвзвода — командир взвода.

КПВТ или **владимиров** (крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый) — крупнокалиберный пулемет, устанавливаемый на танках и бронемашинах.

КПП, ка-пэ-пэ — контрольно-пропускной пункт.

Лейтеха — лейтенант, ^[191] поручик. ^[192] См. **Старлей**.

Лимонка, эфка — см. **Ф-1**.

Маскхалат — маскирующий широкий плащ.

Мат — неприличная лексика. Ругаться матом — говорить непристойности, не выбирая слов.

МГУ (Московский государственный университет) — Московский университет им. Ломоносова.

Медсанбат (медико-санитарный батальон) — медицинский батальон, полевой госпиталь.

МЗП, эм-зэ-пэ (малозаметные препятствия) — замаскированные препятствия из путанной стальной проволоки. На жаргоне — путанки.

МСД, эм-эс-дэ — мотострелковая дивизия.

НП — наблюдательный пункт.

Нурсы — неуправляемые реактивные снаряды.

ОКСВ — Ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

ОМП, о-эм-пэ — отдельный мотострелковый полк.

Песчанка — название полевой формы песочного цвета, которая использовалась в Афганистане.

ПКМ — пулемет Калашникова модернизированный.

ПМН (противопехотная мина нажимного действия) — тип противопехотных мин.

Прапорщик — хорунжий. В пехоте СССР корпус хорунжих состоял из подпрапорщиков, прапорщиков и старших прапорщиков. В нынешней российской пехоте звание подпрапорщика упразднено.

Путанки — см. **МЗП**.

ПФМ — противопехотная фугасная мина.

Разведрота — разведывательная рота.

Растяжка — мина, к чеке взрывателя которой прикрепляется натянутая проволока. Задевание проволоки вызывает вырывание чеки и взрыв. Название относится также к комплексу либо полям мин, связанным такой проволокой.

РГД, эргэдэшка (ручная граната дистанционного действия) — ручная наступательная граната.

РД, эр-дэ (рюкзак десантный) — рюкзак, спроектированный для Воздушно-десантных войск. В Афганистане использовался преимущественно пехотой, десантники предпочитали более легкие и лучшего качества американские и японские туристические рюкзаки, трофейные либо купленные на базарах.

Ротный — командир роты.

РПГ — ручной противотанковый гранатомет. В Афганистане разные модификации и модели использовались повсеместно, обеими сторонами, одинаково как против бронетехники, так и живой силы.

РПК — ручной пулемет Калашникова.

Салам — от арабского приветствия «ассаламу алейкум» (мир вам) — выражение, которое «афганцы» приняли для употребления в качестве приветствия.

Старлей (старший лейтенант) — поручик. В российской пехоте к группе младших офицеров засчитываются звания: младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант, капитан.

Старшина — в пехоте СССР (и российской) к корпусу подофицеров-сержантов засчитываются звания: младший сержант, сержант, ^[193] старший сержант, старшина.

СВД, эсвэдэшка, эс-вэ-дэ — снайперская винтовка Драгунова.

Третий тост — тост, который традиционно поднимается за погибших. Пьют стоя, не чокаются ни рюмками, ни чем-либо, что служит рюмкой.

Триста, груз триста — см. **Груз 200**.

Уркаган, урка — на преступном жаргоне — вор высшей пробы, преступник, высоко стоящий в криминальной иерархии; в обиходе — ворюга.

Ф-1, эфка, лимонка — ручная оборонительная граната.

Фабы, фабки, ФАБ — фугасная авиационная бомба.

ХАД (на языке дари, ХедаMAT-э эттэлаат-э давлати) — Государственная служба информации, созданная по образцу КГБ служба безопасности ДРА.

Хадовцы — функционеры ХАДа (см. ХАД).

Хана — на уголовном жаргоне — плохо, конец. Нам хана — мы пропали, нам конец, с нами кончено.

Хэбэ (от хлопчатобумажный) — летняя форма.

ЦВГ (Центральный военный госпиталь) — в период афганской войны главный военный госпиталь в Кабуле.

Чеки — валютные талоны объединения «Внешпосылторг», в какой-то мере соответствующего таким польским объединениям, как «Балтона» или «Певекс». Солдаты, служащие в Афганистане, рассматривались как специалисты по заграничному контракту, жалованье получали в валюте. Ясное дело, что это была никакая не валюта, а всего лишь бумажки — товарные талоны для реализации в специальных магазинах, в жаргоне называемых «чекушками».

Шишига — грузовик ГАЗ-66.

Шурави — (дари) советский, русский.

Эн-пэ — см. НП.

Эр-дэ — см. РД.

Эргэдэшка — см. РГД.

Эсвэдэшка, эс-вэ-дэ — см. СВД.

Эфка — см. лимонка или Ф-1.

Благодарности переводчика

От всей души благодарю всю «транснациональную компанию», которая помогла мне донести до российского читателя новое произведение пана Сапковского.

Благодарю Игоря Голубаря, а в его лице всю фирму «Дикий Сад» из города Николаева (Украина) за предоставление практически неограниченных интернет-ресурсов.

Благодарю Веру Чубенко из города Вены (Австрия) за помощь в корректировке текста.

Благодарю Любовь Куц (Бубно) из города Бостона (США) за помощь в работе с английским текстом.

Благодарю семью Лэсак из села Телешница (Польша) — мою родню по отцовской линии за всестороннюю поддержку.

---

notes

Примечания

То явь была — иль сон правдивей яви?
Бессмертен сон богов — и в долгой славе
Текут их дни, блаженны и ясны

(перевод Сергея Сухарева).

Строки из поэмы Джона Китса «Ламия». Ламия в греческой мифологии — это злой дух, змея с головой и грудью прекрасной женщины, живет в лесах и оврагах, заманивая к себе путников сладостным шипением. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Гиндукуш (в переводе с персидского — убийца индусов) — горная система в Средней Азии; наиболее высокие горы Гиндукуша превышают 7000 м.

Объяснение слов, сокращений и выражений дано в «Афганском словарике» в конце книги. Словарь был составлен для польского читателя, поэтому многое русскому читателю может показаться излишним. Разделяя мнение автора, что порыскать по различным словарям и энциклопедиям — это самое удовольствие, которого лишать читателя нельзя, в процессе перевода тем не менее было сделано много сносок. Возможно, кому-то они тоже покажутся излишними, но кому-то облегчат чтение.

Русские матерные слова, которые часто употребляют герои повести и сам автор, в оригинальном польском тексте именно русские, поэтому даны без изменений. При переводе польских ругательств переводчик использовал более мягкие русские соответствия. Объяснение некоторых ругательств также дается в «Афганском словарики».

Сошка или двунога — подставка для огнестрельного оружия.

Цинк — на жаргоне солдат, служивших в Афганистане, цинковый ящик для боеприпасов.

Аскер (*тюрк.*) — солдат.

Хайратон — небольшой поселок на левом берегу Амударьи.

Мазари-Шариф — «священная гробница» (дари), четвертый по величине город Афганистана.

Пули-Хумри — город на севере Афганистана, где находится выход к тоннелю Саланг — самому короткому пути на Кабул.

Крупнокалиберный пулемет Владимирова (КПВ).

Паколь — традиционный афганский головной убор в виде берета, изготовленный из тонкой овечьей шерсти. Паколь стал своего рода визиткой афганских моджахедов.

Арафатка — мужской головной платок, популярный в арабских странах, куфия. Часто носится с обручем черного цвета, придерживающим платок на голове. Название «арафатка» произошло от имени лидера палестинцев Ясира Арафата, который неизменно появлялся только в этом головном уборе.

Ялла — быстрее! (*араб.*)

Б. Окуджава, «Песенка веселого солдата».

Модуль — так называли фанерный домик для размещения военнослужащих в полевых условиях.

См. «Афганский словарь» в конце книги.

См. «Афганский словарь» в конце книги.

Порт-Артур — китайский город Люйшунь; известный под названием Порт-Артур в контексте Русско-японской войны 1904 г.

«Все могут короли» — шлягер Аллы Пугачевой, самая знаменитая песня композитора Бориса Рычкова на стихи Леонида Дербенева.

Популярная песня конца семидесятых и начала восьмидесятых «Распутин — русская машина для любви» группы «Бони М».

Песня шведской группы «АББА» (1972–1982) — «Take A Chance On Me».

Бочка — помещение цилиндрической формы (вагончик), используемое для жилья в походных условиях.

Песня Владимира Высоцкого «Большой Каретный».

«Мурка» — одна из самых известных дворовых песен, появившаяся в начале 1920-х годов и очень полюбившаяся уголовному миру. Насчитывается более 20 различных вариантов этой песни.

«Кони привередливые», песня Владимира Высоцкого.

Газни — город в Афганистане, юго-западнее Кабула, на пути в Кандагар.

МТ-ЛБ (многоцелевой тягач легкий бронированный) — советский плавающий бронетранспортёр.

Зеленка — на военном жаргоне, местность, покрытая растительностью.

Аммотол — взрывчатое вещество, смесь тротила и аммиачной селитры.

Фаб — фугасная авиационная бомба.

Кассета — бомбовая кассета.

Пулемет НСВ — конструкторов Никитина, Соколова, Волкова.

Мина ОЗМ — мина противопехотная, осколочная, кругового поражения, выпрыгивающая, натяжного действия.

Утёс — станковый зенитный пулемет.

Лазарь — умерший от болезней и воскрешенный Иисусом Христом библейский персонаж, от имени которого произошло слова «лазарет», лечебное заведение при войсковой части для стационарного лечения больных.

Кордит — название одного из видов нитроглицеринового бездымного пороха.

Снайперская винтовка Драгунова, СВД.

Теплый Стан — название, которое советские солдаты вскоре после прибытия в Афганистан дали месту дислокации штаба 108-й МСД под Кабулом.

Анемохорд — инструмент, у которого струны приводятся в колебание ветром.

Приди, наполни мою чашу, приди, наполни мою банку,
Приди, оседлай моих коней и позови моих людей,
И в Западный Порт, и дай нам быть свободными,
И кто-то носит шляпы Бони Данди!

(Песня «Бони Данди», полковой марш нескольких шотландских полков Британской армии.)

Аргмак — собирательное название породистых восточных лошадей.

Битва при Иссе — сражение между македонской армией Александра Великого и персидским войском царя Дария III.

Битва при Гавгамелах — решающее сражение между армиями Александра Македонского и персидского царя Дария III, после которого Персидская империя прекратила свое существование.

Сефирот (от «сефер» — знание) — десять элементов, которые составляют так называемое Древо Сефирот или Древо Жизни, представляющее собой множество путей связывающих человека с Богом.

Манихейская дихотомия — учение древнеперсидского пророка Мани, основателя манихейства, о борьбе двух противоположных сил: света и тьмы, добра и зла и т. п.

Агатодемон (*греч.* добрый демон) — благой дух, символ благополучия и достатка, изобилия пищи и вина. Часто его представляли в виде змеи — распространенного символа домашнего «счастья»; даже в наши дни в Греции некоторые семьи с этой целью прикармливают змей.

Какодемон — злой дух в противоположность доброму духу.

Latet anguis in herba — змея скрывается в траве (*лат.*) (Вергилий).

Лилит — первая жена Адама, которая согласно преданию, расставшись с Адамом, стала злым демоном.

Амброз Бирс — американский писатель, журналист, автор «страшных» рассказов.

Орган Якобсона — орган обонятельной системы некоторых животных, который находится на пути вдыхаемого ими воздуха.

Парафрения — наиболее тяжелая форма бреда величия, когда больные считают себя великими людьми, обладающими фантастическими способностями.

Сарисса — копье, пика.

Копи*с* — изогнутый меч для рубящих ударов.

Ортоспана — нынешний район Кабула.

Старинная ирландская маршевая песня «Garry Owen», также очень популярная застольная песня.

Наши отважные сердца добыли нам славу... (англ.).

«Ярь» — легендарный московский ресторан на Кузнецком мосту, посетителями которого были Пушкин, Чехов, Куприн, Горький, Шаляпин и много других знаменитостей. После революции 1917 года ресторан закрылся и открылся только в 1952 году в статусе «правительственного» под названием «Советский».

Апотропей (др. — греч. отводящий беду) — магический предмет, которому приписывали свойства оберегать людей от злых сил.

Дубчековцы — приверженцы Александра Дубчека, чехословацкого государственного и общественного деятеля, главного инициатора курса реформ, начатых в 1968 году, известных как Пражская весна. Во времена горбачевской перестройки в СССР он стал одним из активнейших участников Бархатной революции в Чехословакии.

Ахмад-шах Масуд (1953–2001) — политический и военный деятель Афганистана. Выступал против просоветской Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), примкнул к исламскому движению.

Гульбедин Хекматияр — афганский полевой командир, лидер Исламской партии Афганистана.

Джелалуддин Хаккани — полевой командир афганской войны. Соратник Гульбеддина Хекматияра. В 90-е годы Хаккани воевал за движение Талибан и стал одним из его лидеров, а после начала военных действий блока НАТО против Талибана — военным командиром движения.

Евразия, Остзия и Океания — три супердержавы в романе Д. Оруэлла «1984».

Достоевский Ф. М., «Дневник писателя».

Вольный пересказ письма Н. Гоголя «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности».

«Англетер» — гостиница, известная тем, что в ней расстался с жизнью Сергей Есенин, написав свое последнее стихотворение.

Джордж Шульц — американский государственный деятель, которого президент Рональд Рейган в 1982 назначил государственным секретарем США.

Эдуард Шеварднадзе — советский и грузинский политический и государственный деятель, в 1985 году стал министром иностранных дел СССР, сменив Андрея Громыко, занимавшего эту должность 28 лет.

Пактия — провинция на востоке Афганистана, граничащая с Пакистаном.

Барикот — самый отдаленный гарнизон, который располагался у границы с Пакистаном. К нему вела единственная дорога, пробитая в отвесных скалах на высоте от 30 до 100 м над рекой Кунар.

Джойнт — самодельная сигарета с марихуаной.

А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила».

«Малгоська» — песня из репертуара польской певицы Марыли Родович: «Малгоська, говорят мне, он не стоит и одной слезинки! Ох, глупая! Малгоська, карты говорят, он не стоит ломаного гроша, черт бы его побрал!»

ФН-ФАЛ (FN FAL) — легкая автоматическая винтовка, одна из наиболее признанных и распространенных в армиях стран, входящих в НАТО.

Мухаммед Зия-уль-Хак — пакистанский военный и политический деятель.

Так хочет Бог (*тур.*).

Наследство с инвентарным правом — способ получения наследства, когда наследник отвечает по долгам наследодателя только в размере, не превышающем стоимости этого наследства.

Симплегады — в греческой мифологии скалы, которые, сталкиваясь, уничтожали корабли.

Свернувшаяся в кольцо (*англ.*).

«Ламия», Джон Китс (перевод Сергея Сухарева).

Возлюбленною демона прекрасной иль демоном самим (*англ.*).

Еще чаю, Друммонд, старина? (*англ.*).

Алкалак — длинный сюртук.

Камарбанд — кусок ткани в виде широкого пояса, соответствует русскому кушаку.

Большая Игра (The Great Game) — распространенный в западной историографии термин для описания соперничества между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии с 1813 по 1907 год.

Мултан — город в пакистанской провинции Пенджаб.

Орден Бани — английский орден, учрежденный Генрихом IV как национальная награда за храбрость.

Великий Бунт или Сипайское восстание — мятеж индийских солдат против англичан в 1857–1858 годах.

Гюлистан — селение в Карабахе.

Дакка — столица Бангладеш.

Тхал — пустыня, расположенная в Пенджабе (Пакистан).

Кветта — крупнейший город и столица пакистанской провинции Белуджистан.

Мы преподадим этим черномазым урок! (англ.)

Разойтись! (англ.)

Джезайл — длинноствольный кремневый мушкет.

Золото глупцов (*англ.*).

Майванд — селение в Афганистане, при котором произошла битва, завершившаяся победой афганских войск над англичанами.

Заткнись (англ.).

Астрей — в древнегреческой мифологии божество звездного неба.

Окс — античное название Амударьи; земля «по ту сторону Окса» — Трансоксания, Заречье.

Ахура-Мазда, Ормузд или Ормазд — высшее божество древних иранцев — «мудрый Бог».

Ангра-Майнью — олицетворение зла в зороастризме.

Арийский простор.

Иран.

Тихе — в греческой мифологии богиня случая; в древнеримской мифологии ей соответствует Фортуна.

Лохагос — командир подразделения, капитан.

Гопл*ит* — древнегреческий пехотинец, вооруженный гоплоном, тяжелым круглым щитом.

Сариссофор — пеший воин, составлявший основу македонской фаланги, вооруженный длинной пикой — сариссой.

Килик — древнегреческий сосуд для напитков плоской формы на короткой ножке.

Алала — в греческой мифологии богиня, чье имя бог войны Арес использовал как боевой клич — громкий призыв во время боя, призванный воодушевить нападающих и устрашить врага. Этим кличем пользовались и греческие воины. Современные боевые кличи: ура, банзай, Аллах акбар и др.

Полем — демон войны в греческой мифологии из свиты бога Ареса.

Паирики — в эзотерической литературе встречаются также названия фэири, феи, ведьмы.

Друдж — в зороастризме понятие лжи, отождествляемой со злом; друджи — демоницы, отличающиеся неистовой похотью, лживостью и общей испорченностью, стремящиеся привести людей к разврату, разорению и страданию.

Таксиарх — командующий полком; второй после стратегов военный чин.

Айодхья — древний город в Индии, до сих пор считается святым местом индуизма.

Камбис II — персидский царь, старший сын Кира Великого, основателя огромной Персидской империи, которая прекратила существование в 330 до н. э. под ударами армии Александра Македонского.

Массагеты — среднеазиатские кочевые племена.

Амеша Спента — добрые духи, ближайшее окружение верховного бога Ахура-Мазды.

Селевк — начальник конницы Александра Македонского, основавший после смерти Александра царство Селевкидов, которое включало часть Малой Азии, Сирию, Финикию, Палестину, Месопотамию, Иран, части Средней Азии и нынешнего Пакистана.

Иларх — командующий илой, подразделением кавалерии.

Мараканда — современный Самарканд.

Пердикка — друг и сподвижник Александра Македонского.

Агема — конная гвардия.

Гипасписты — «щитоносцы» в македонской армии.

Александрия Крайняя — современный город Худжанд, древний город в северной части Таджикистана, второй по размерам в Таджикистане после Душанбе, административный центр Согдийской области, с 1936 по 1991 г. назывался Ленинабад.

Саки — кочевые и полукочевые племена.

Артабаз II — персидский сатрап, перешедший на сторону македонцев.

Продрома — легкая кавалерия, авангард.

Сова — птица мудрости, один из атрибутов богини Афины.

Нут — турецкий горох, бобы диаметром до полутора сантиметров.

Сулавеси — остров, европейское название — Целебес.

Гиппокампы — в греческой мифологии водные кони из упряжки Нептуна.

Сурья — бог Солнца в индуизме.

Ваю — бог ветра в индуизме.

Апс**а**ры — полубогини в индуистской мифологии, духи облаков или воды.

Кратер — античный сосуд для смешивания вина с водой.

Бармица — кольчужная сетка, обрамляющая шлем по нижнему краю.

Наносник — узкая металлическая пластина шлема, закрывающая нос.

Шишак — шлем полусферической формы с возвышением на макушке.

Канефора — кариатида с корзиной цветов или плодов на голове.

Эмпуза — в греческой мифологии женщина-демон, существо с ослиными ногами, которое высасывает по ночам кровь у спящего человека.

Менгир — грубо обработанный длинный камень, установленный вертикально.

Урей — стилизованное изображение кобры на лбу фараонов.

Эйдолон — в эзотерике астральный двойник человека, фантом, тень или «тонкое тело».

Синдром Котара — известный также как синдром «ходячий труп», когда больной жалуется на то, что у него сгнили внутренности, что он — величайший, еще небывалый в истории человечества преступник, что он заразил всех страшной болезнью, отравил своим зловонным дыханием весь мир; иногда больные утверждают, что они умерли, что они трупы, их ждут тяжелейшие наказания за все зло, которое они принесли человечеству, утверждают, что все вокруг погибло, Земля опустела, на ней нет жизни.

Синдром Корсакова — невозможность запоминать текущие события при более или менее сохраненной памяти о прошлом.

Симулякр — изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует.

Ганеша — бог удачи и мудрости в индуизме; изображался с головой слона.

Псякрев — распространенное польское ругательство, буквально «собачья кровь» (напоминание читателю, что Леварт — поляк по происхождению).

Такова воля Бога (*лат.*).

Фигалея — небольшой городок возле Олимпии.

Офион — в древнегреческой мифологии сын и муж Эвриномы.

Лампака — одна из провинций Афганистана; в настоящее время называется Лагман.

Сома — сок, эликсир жизни, любимый напиток ведических богов.

Бханг — психотропное средство, получаемое из конопли.

Хаома — в древнеиранской религии обожествленный напиток, соответствующий индийской соме.

Теофраст — древнегреческий естествоиспытатель, основатель ботаники и географии растений.

Астарта — греческое произношение имени богини Иштар, богини плодородия, плотской любви, войны и распри.

Эрешкигаль — в шумеро-аккадской мифологии богиня подземного царства.

Инанна — центральное женское божество в шумерской религии.

Гаррота — способ казни через удушение с помощью металлического обруча, приводившегося в движение винтом с рычагом.

Газий — «борец за веру», участник войны мусульман с иноверцами.

Спокойно, парни! Спокойно! (*англ.*)

Залп! *(англ.)*

Мартини-Генри — винтовка, известная так же как Пибоди-Мартини.

Стреляйте по ним еще раз, черт бы их побрал! (*англ.*)

Примкнуть штыки! *(англ.)*

ККА — Королевская конная артиллерия.

До 1889 г. штатной винтовкой великобританских войск была винтовка системы Мартини-Генри.

Кора — непальский меч.

Пагри — индусский тюрбан, состоящий из отдельного полотнища, который носят также и мусульмане.

Саиб — «господин», обращение низшего к высшему у индусов; в колониальные времена в Индии и Пакистане — обращение к европейцам.

Боже Всемогуций (*англ.*).

Наик — воинское звание в индусской армии; в современной российской армии ему соответствует звание «младший сержант».

Паропамисады — древнегреческое название Гиндукуша.

Ксистон — кавалерийское копьё из прочного кизилового дерева.

Кабадион — короткая безрукавка.

Откр. 20:13,14.

Эрликон — автоматическая зенитная пушка.

Православная молитва по усопшему «Последование по исходе души от тела».

Рав самаль миткадем — воинское звание в израильской армии.

Вакуумная бомба — боеприпас, созданный на основе объемного взрыва пылегазового или аэрозольного облака.

Хамви (произношение аббревиатуры HMMWV) — американский армейский вездеход повышенной проходимости.

Черные Тюрбаны — талибы.

Берил — польский автомат, принятый на вооружение после прекращения действия Варшавского договора.

«Возможно, другие воспоют это с бóльшим поэтическим даром». Строчка из поэмы «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто, которой заканчивается также первая часть романа Сервантеса «Дон Кихот».

Словарик предназначался для польского читателя, поэтому многие слова в нем хорошо известны, и сам автор считал, что русский перевод излишен. Тем не менее, чтобы сохранить общую конструкцию повести, словарь переведен без каких-либо сокращений. Да и посмотреть на некоторые знакомые вещи со стороны тоже может быть небезынтересно.

Пейоратив — слово, выражающее негативную оценку: неодобрение, порицание, иронию, презрение и т. п.

Ефрейтор (в переводе с немецкого, освобожденный от нарядов) — солдат, который в период отсутствия командира отделения заменяют его.

Лейтенант (от *фр.* lieutenant — заместитель) — воинское звание младшего офицерского состава.

Поручик — воинское звание младшего офицерского состава в армии дореволюционной России, современной Польши и Чехии.

Сержант (от *лат.* *serviens* — тот, кто служит) — воинское звание младшего командного (унтер-офицерского) состава.